СЕМЬЯ и ШКОЛА.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Ю. І. СИМАШКО.

КНИГА II.

РОДИТЕЛЯМЪ и ВОСПИТАТЕЛЯМЪ.

№ 10. ДЕКАБРЬ 1871 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, № 15.
1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 23 Декабря 1871 года.

О ПОДПИСКѢ

НА ЖУРНАЛЪ

„СЕМЬЯ и ШКОЛА“.

1872 года.

«Семья и Школа» въ 1872 году будетъ выходить въ томъ же объемѣ, по той же программѣ и съ такими же приложеніями, какъ и въ 1871 году.

Годовое изданіе изъ *двадцати* книгъ въ 10 *нумерахъ* составитъ *четыре* тома: изъ нихъ два тома *Семейнаго чтенія* и два тома *Родителямъ и воспитателямъ*.

Цѣна остается прежняя:

Безъ доставки	8 руб.		
Съ доставкою на домъ въ С.-Петербургѣ	8 „	50 коп.	
Съ пересылкою во всѣ города Имперіи	8 „	80 „	
Съ пересылкою въ западно-европейскія государства.	12 „	50 „	

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ Редакціи журнала **„Семья и Школа“** (Владимірская № 7), въ книжныхъ магазинахъ **Колесова** и **Михина, Я. Исакова, Русской книжной торговли** и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ **И. Г. Соловьева** (на Страстномъ бульварѣ д. Алексѣева), и **М. М. Черенина** (на Рождественкѣ д. Торлецкаго).

Для иногородныхъ же подписка принимается исключительно въ Редакціи „Семья и Школа“ въ С.-Петербургѣ.

Для удобства подписчикамъ допускается подписка: **Иногороднымъ** на полугодія, по 5 книгъ въ каждое — цѣна за каждое полугодіе съ пересылкою **5** руб.; **Городскимъ** подписчикамъ взносъ денегъ по частямъ (въ Редакціи или въ книжномъ магазинѣ **Колесова и Михина**): при полученіи 1-го нумера и билета вносится *два* рубля, затѣмъ при полученіи каждаго послѣдующаго нумера по *одному* рублю, а послѣдній, 10-й нумеръ, будетъ выдаваться безплатно, при возвратѣ подписнаго билета. Безъ билетовъ №№ не будутъ выдаваемы.

1-й Нумеръ на 1872 годъ, выйдетъ 23-го декабря 1871 года.

Редакторъ-издатель **Юл. Симашко.**

С.-Петербургъ. Владимірская № 7.

РАЗВИТІЕ ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТИ.

Приступая къ изслѣдованію любознательности и причинъ, опредѣляющихъ ея развитіе, мы, прежде всего, замѣчаемъ, что любознательность каждаго отдѣльнаго человѣка бываетъ всегда нѣсколько одностороннею, что она не дѣлаетъ его способнымъ интересоваться всевозможными свѣдѣніями. Человѣкъ, обыкновенно, стремится не къ знанію вообще, а къ какимъ нибудь опредѣленнымъ знаніямъ. Его интересуютъ, напримѣръ, тѣ свѣдѣнія, которыя имѣютъ отношеніе къ свѣдѣніямъ уже пріобрѣтеннымъ имъ, интересуютъ объясненія явленій, особенно сильно привлекающихъ его вниманіе. Но интересуясь всѣмъ этимъ, онъ можетъ, въ то же время, обнаружить полнѣйшее равнодушіе ко всякаго рода другимъ свѣдѣніямъ. Существуетъ огромное количество знаній, которыя могутъ удовлетворить любознательности только людей, успѣвшихъ пріобрѣсти порядочный запасъ свѣдѣній и напротивъ существуетъ мало такихъ знаній, которыя имѣли бы общій интересъ. Характеръ любознательности человѣка зависитъ отъ свѣдѣній уже пріобрѣтенныхъ имъ. Вмѣстѣ съ перемѣнами, происходящими въ объемѣ и составѣ этихъ свѣдѣній, измѣняются также и тѣ вопросы, которые занимаютъ умъ человѣка. Новыя свѣдѣнія вызываютъ и новые вопросы. Такъ, напримѣръ, открытіе, что сила тяготѣнія измѣняется обратно пропорціонально квадратамъ разстояній, вызвало вопросъ о томъ, не слѣдуютъ ли тому же закону свѣтъ и теплота. Открытіе преломленія свѣта привело къ вопросу о томъ, не преломляются-ли, подобно лучамъ свѣта, также и лучи звука. Открытіе поляризаціи свѣта вызвало опыты, окончившіеся открытіемъ поляризаціи теплоты и т. д. „Только народы, обладавшіе металлургіей вообще и металлургіей желѣза въ особенности,—говоритъ Лавровъ въ своемъ очеркѣ исторіи физико-математическихъ наукъ,—могли быть приведены къ вопросу о соединеніи и разложеніи

веществъ, о составѣ тѣлъ и о ихъ метаморфозахъ. Вопросъ: изъ чего состоятъ предметы внѣшняго міра? стоящій въ началѣ древняго мышленія о предметахъ естествознанія, былъ возможенъ вѣроятно лишь тогда, когда долгимъ упражненіемъ въ выдѣленіи металловъ изъ рудъ, сплавленіемъ ихъ между собою и очищеніемъ ихъ отъ постороннихъ примѣсей, человѣкъ привыкъ къ понятію о веществахъ простыхъ съ виду, но сложныхъ въ дѣйствительности и къ понятію о метаморфозѣ веществъ". Многіе вопросы и изслѣдованія, въ которыхъ проявлялась любознательность человѣка, были просто неизбѣжнымъ послѣдствіемъ другихъ его вопросовъ и изслѣдованій. Напримѣръ, большая часть теоремъ и проблемъ механики получила свое начало изъ изслѣдованій, относящихся къ движенію небесныхъ тѣлъ. Такъ, къ извѣстной проблемѣ трехъ тѣлъ, ученыхъ привелъ астрономическій вопросъ о томъ дѣйствіи, которое производитъ притяженіе солнца на движеніе луны вокругъ земли. Рѣшить эту проблему было необходимо для составленія таблицъ луны, имѣвшихъ большое значеніе для мореплаванія. И въ новѣйшее время теоретическая механика развивалась преимущественно подъ вліяніемъ вопросовъ, возбужденныхъ изслѣдованіемъ движенія небесныхъ тѣлъ. Точно также и развитіе математики опредѣлялось развитіемъ астрономіи. Рѣшеніе вопросовъ, возбужденныхъ небесною механикою, требовало усовершенствованія способовъ вычисленія и это вызвало созданіе высшаго анализа. Точно также астрономическія задачи привели людей къ тѣмъ математическимъ изслѣдованіямъ, результатомъ которыхъ явилась тригонометрія. Всѣ эти изслѣдованія были предприняты людьми не вслѣдствіе присутствія въ нихъ инстиктивнаго влеченія къ знанію, а потому, что они были совершенно необходимы для рѣшенія многихъ важныхъ вопросовъ.

Интересъ къ научнымъ знаніямъ можетъ быть пробужденъ въ человѣкѣ научными-же знаніями. Понятно поэтому, что интересъ этотъ не могъ быть причиною научныхъ изслѣдованій. Только та любознательность побуждала людей интересоваться научными знаніями, которая складывалась въ людяхъ подъ вліяніемъ научныхъ-же знаній. Но любознательность, встрѣчавшаяся въ людяхъ, обладавшихъ лишь очень незначительнымъ запасомъ такихъ знаній, не въ состояніи была вызвать научную дѣятельность. Конечно, она часто побуждала людей размышлять, производить различнаго рода изслѣдованія. Но плодотворность результатовъ, достигаемыхъ при этомъ, зависѣла всегда отъ того направленія, которое принимали эти изслѣдованія, отъ самаго характера любознательности людей.

Философы, размышлявшіе о происхожденіи вселенной и ея буду-

щей судьбѣ, о гармоніи сферъ и міровой душѣ, были побуждаемы къ этому, конечно, любознательностью. Точно также любознательность двигала и умы схоластиковъ. Любознательность руководила и тѣхъ рыцарей, которые на своихъ праздникахъ трудились надъ занимательными изслѣдованіями о томъ, которую даму мы больше любимъ присутствующую, или отсутствующую? что скорѣе возбуждаетъ любовь: глаза, или сердце? къ которому изъ трехъ своихъ обожателей дама обнаруживаетъ больше склонности въ томъ случаѣ, если на одного изъ нихъ она обращаетъ взоръ, полный любви, другому пожимаетъ руку, а третьему наступаетъ на ногу. Несомнѣнно, что люди, занимавшіеся рѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ, были любознательны, однако любознательность не побудила ихъ подробно изучить каждую кость скелета, опредѣлить теплопроводность, теплоемкость, коэфиціенты разширенія и упругости различныхъ тѣлъ. Подобныя изслѣдованія дали бы очень мало пищи этой любознательности. Знаніе коэфиціэнтовъ упругости различныхъ тѣлъ могло казаться совершенно излишнимъ схоластику и метафизику, но оно было необходимо инженеру. Точно также могло казаться имъ излишнимъ не только подробное, но и поверхностное изученіе костей скелета, но медикъ долженъ былъ смотрѣть на этотъ предметъ совершенно иначе.

Тѣ практическія знанія, изъ которыхъ возникли различныя науки, были собраны людьми не вслѣдствіе влеченія къ знанію, а подъ вліяніемъ потребностей, не имѣющихъ никакого отношенія къ любознательности. Въ людяхъ, которые не имѣли необходимости интересоваться подобнаго рода практическими знаніями, существовало, обыкновенно, не только полнѣйшее равнодушіе, но даже презрѣніе къ такимъ знаніямъ. Подобное отношеніе къ послѣднимъ можно встрѣтить напримѣръ у большинства философовъ древняго міра. Эти философы почли бы себя оскорбленными, если бы кто нибудь сталъ приписывать имъ хоть малѣйшее участіе въ изобрѣтеніи или усовершенствованіи чего либо въ родѣ плуга, корабля или мельницы, такъ какъ изобрѣтеніе и усовершенствованіе такихъ вещей должно было составлять, по ихъ мнѣнію, трудъ самыхъ низкихъ рабовъ. Понятно, что такое отношеніе къ изобрѣтеніямъ отразилось неблагопріятнымъ образомъ на развитіи науки. Оно лишило послѣднюю огромнаго количества эмпирическихъ свѣдѣній, лишило ея всей той помощи, какую могли оказать ей безчисленные опыты, съ которыми связано бываетъ, обыкновенно, всякое изобрѣтеніе. И, дѣйствительно, науки не особенно-то процвѣтали въ древнемъ мірѣ. Послѣдній оставилъ намъ много философскихъ системъ, но мало положительныхъ свѣдѣній о природѣ. Любознательность не побудила философовъ древности приняться за

подробное изученіе окружающихъ ихъ прозаическихъ предметовъ, за открытіе законовъ, управляющихъ обыденными явленіями. Симпатіи ихъ тяготѣли къ изслѣдованіямъ далекимъ отъ будничныхъ интересовъ. Происхожденіе и цѣль вселенной, ея будущая судьба, гармонія сферъ, міровая душа, основная матерія всѣхъ вещей—вотъ что было предметомъ изслѣдованій древности. „Землетрясеніе, комета или огненный метеоръ, правда, по временамъ привлекали общее вниманіе и вызывали со всѣхъ сторонъ множество грубыхъ и фантастическихъ догадокъ относительно ихъ причинъ, но никогда никто не думалъ, чтобы наука могла существовать въ обыкновенныхъ предметахъ, занимать мѣсто между механическими искуствами или находить достойное для себя занятіе въ рудникахъ или лабораторіяхъ (Доронъ Гермель. Философія естествознанія). Одна любознательность не въ состояніи была возбудить въ людяхъ интересъ къ тѣмъ знаніямъ, которыя можно было найдти въ рудникахъ и лабораторіяхъ. Мы видимъ, правда, въ настоящее время людей, которые въ состояніи интересоваться такого рода знаніями. Мы сами интересуемся теперь не только такими свѣдѣніями, которыя могутъ бросить свѣтъ на вопросы о происхожденіи различныхъ видовъ животныхъ и растеній отъ немногихъ видовъ, о происхожденіи солнечной системы, объ исторіи земли, о самозарожденіи и т. д., но и такими свѣдѣніями, которыя не имѣютъ отношенія ни къ одному изъ вопросовъ, занимавшихъ когда либо умы философовъ. Но не нужно забывать, что характеръ любознательности человѣка зависитъ отъ знаній уже пріобрѣтенныхъ имъ. Та любознательность, которая побуждаетъ въ настоящее время многихъ людей тщательно изучать различные предметы и явленія не могла быть причиною первыхъ научныхъ изслѣдованій, такъ какъ она сама могла возникнуть въ людяхъ только послѣ накопленія ими значительнаго запаса положительныхъ свѣдѣній о природѣ. Философы древняго міра, напримѣръ, не смотря на всю свою любознательность, оставили совершенно неизслѣдованными множество очень важныхъ явленій, о существованіи которыхъ однако они очень хорошо знали. Напримѣръ, явленія притяженія обнаруживаемыя янтаремъ, были имъ извѣстны, но это не заставило ихъ приступить къ изслѣдованію этихъ явленій. Что было съ янтаремъ, то же случилось и съ магнитомъ. Его свойства оставались неизслѣдованными въ продолженіи двухъ тысячъ лѣтъ. Только развитіе мореплаванія, связанное съ развитіемъ торговли, вызвало изслѣдованіе магнитныхъ явленій. Огромное число наблюденій надъ магнитною стрѣлкою было произведено не въ кабинетѣ, а на морѣ, во время путешествій съ торговыми цѣлями. Эти наблюденія привели къ тому, что была

замѣчена разница уклоненій компаса въ различныхъ мѣстахъ. Для моряковъ важно было знать величину этого уклоненія въ каждомъ мѣстѣ и это обстоятельство явилось побудительною причиною къ изслѣдованію магнитныхъ явленій. Одна и та же причина побудила людей приняться за изслѣдованіе и магнитныхъ, и электрическихъ явленій. Первое время явленія магнетизма смѣшивали съ явленіями электричества. Притяженіе магнита и янтаря разсматривали обыкновенно вмѣстѣ. Электричество было въ глазахъ первыхъ его изслѣдователей только особымъ родомъ магнетизма. Когда потребности мореплаванія сдѣлали необходимымъ изученіе магнетизма, то изучавшіе послѣдній обратили, вслѣдствіе этого, вниманіе на всѣ случаи, въ которыхъ они встрѣчались съ явленіемъ притяженія. Вслѣдствіе этого было открыто много такихъ фактовъ, которые хотя и не имѣли отношенія къ магнетизму, но зато послужили основаніемъ для новаго рода изслѣдованій — Джильбертъ, тщательно изслѣдовавшій явленія магнетизма и написавшій сочиненіе по этому предмету, былъ первымъ человѣкомъ, сдѣлавшимъ важныя открытія, относящіеся къ теоріи электричества. Такимъ образомъ, когда сдѣлалось необходимымъ тщательное изслѣдованіе явленій, обнаруживаемыхъ янтаремъ и магнитомъ, начались и соотвѣтствующія изслѣдованія. До этого-же времени люди оставляли эти явленія совершенно неизслѣдованными, не смотря на всю свою любознательность.

Всѣ первыя научныя изслѣдованія людей были вызваны необходимостью. Впрочемъ эти научныя изслѣдованія, строго говоря, нельзя даже было и назвать этимъ именемъ. Это были изслѣдованія совершенныя безъ намѣренія, явившіеся случайною принадлежностью различныхъ дѣйствій человѣка, не имѣвшихъ никакого отношенія къ научной дѣятельности. Предсказываніе будущаго, напримѣръ, по внутренностямъ зарѣзаннаго животнаго, исканіе философскаго камня и жизненнаго элексира, наблюденія астрологовъ,—все это познакомило людей со многими анатомическими, химическими и астрономическими свѣдѣніями. Но свѣдѣнія эти были только случайными результатами такихъ дѣйствій человѣка, которыя имѣли своимъ предметомъ преслѣдованіе не научныхъ, а чисто фантастическихъ цѣлей. Точно также случайно, безъ намѣренія пріобрѣлъ человѣкъ множество положительныхъ свѣдѣній о природѣ во время занятій, имѣвшихъ своею цѣлью удовлетвореніе различныхъ матеріальныхъ потребностей. Такъ, напримѣръ, приготовляя изъ дерева какую нибудь вещь съ помощью инструмента, сдѣланнаго изъ камня или болѣе твердаго дерева, онъ могъ замѣтить, что отъ тренія развивается теплота и воспользоваться этимъ свѣдѣніемъ для полученія огня и т. д. Каждая работа чело-

вѣка являлась рядомъ опытовъ, вызывавшихъ иногда неожиданные результаты и знакомившихъ его, вслѣдствіе этого, съ новыми предметами и явленіями. Нужда заставляла его добывать руду, составлять сплавы, дѣлать оружіе, удилища, лодки, приготовлять лѣкарство, производить хирургическія операціи, разводить полезныя растенія, приручать животныхъ и т. д. Всѣ эти работы расширяли область его наблюденія, дѣлали его свидѣтелемъ многихъ непредвидѣнныхъ результатовъ, знакомили съ безсчисленнымъ множествомъ новыхъ предметовъ, ставили его въ положеніе экспериментатора. Каждое отступленіе отъ рутинныхъ пріемовъ производства какого нибудь предмета, лѣченія больнаго, добыванія руды и т. д. являлись опытомъ. Эти опыты не были, слѣдовательно, чѣмъ то отличнымъ отъ практической дѣятельности. Лабораторіею, физическимъ кабинетомъ являлись въ этихъ случаяхъ мастерскія, поля, рудники и т. д. Такимъ путемъ человѣкъ пріобрѣлъ большую часть своихъ первыхъ положительныхъ свѣдѣній, изъ которыхъ потомъ возникли различныя науки. Свѣдѣнія эти были конечно эмпирическія. Они не были результатомъ поисковъ за ними, не были результатомъ преднамѣренныхъ изслѣдованій. Многія изъ нихъ человѣкъ пріобрѣлъ совершенно пассивно. Не нужно было напримѣръ никакого умственнаго усилія, никакихъ опытовъ, чтобъ замѣтить послѣдовательность дня и ночи, научиться отличать дерево отъ звѣря, узнать что отъ непрозрачныхъ предметовъ падаетъ тѣнь и т. д. Не мало также свѣдѣній человѣкъ пріобрѣлъ, вовсе не искавши ихъ, во время своихъ путешествій съ торговыми цѣлями, во время походовъ въ отдаленныя непріятельскія страны, во время охоты, рыбной ловли и т. д. Только, послѣ того какъ значительно увеличился запасъ свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ такимъ образомъ, только, послѣ того какъ человѣку удалось во многихъ случаяхъ съ пользою примѣнить эти свѣдѣнія, въ немъ могло возникнуть убѣжденіе въ полезности этихъ свѣдѣній, въ необходимости собиранія ихъ. Особенно сильно должны были содѣйствовать образованію этого убѣжденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и интереса къ научнымъ занятіямъ, всѣ занятія человѣка, имѣвшія своею цѣлью удовлетвореніе различныхъ его матеріальныхъ потребностей. Строилъ-ли онъ, напримѣръ, мостъ, корабль или машину, добывалъ ли онъ изъ рудника и обработывалъ какой нибудь металлъ, лѣчилъ ли онъ больнаго и приготовлялъ ему лѣкарство каждый разъ онъ убѣждался въ необходимости точнаго знакомства съ природою.

Всѣ первыя положительныя свѣдѣнія человѣка о природѣ не имѣли между собою никакой связи, были совершенно отрывочными. Каждое изъ нихъ было добываемо путемъ особенныхъ наблюденій,

особенныхъ опытовъ, а не путемъ вывода изъ другихъ уже извѣстныхъ истинъ. Даже самыя простыя, самыя несложныя знанія людей, именно математическія знанія, были отрывочными, эмпирическими. Геометрическія истины, напримѣръ, были вначалѣ совершенно изолированы другъ отъ друга и только впослѣдствіи были распредѣлены въ рядъ зависимыхъ предложеній. Многія изъ нихъ были открыты чисто опытнымъ путемъ. Такъ, напримѣръ, величина площади циклоиды была впервые найдена измѣреніемъ или, вѣрнѣе, взвѣшиваніемъ циклоидальной палки и сравненіемъ ея вѣса съ вѣсомъ куска такой же палки, имѣвшаго извѣстные размѣры. По мѣрѣ того какъ открывались такія истины, которыя въ состояніи бывали или объяснить, или подтвердить другія уже извѣстныя истины, происходила систематизація этихъ послѣднихъ, происходило превращеніе неорганизованной массы свѣдѣній въ науку. Когда открывался фактъ, которымъ объяснялось множество другихъ уже извѣстныхъ фактовъ, то всѣ эти факты соединялись въ одну группу, приводились въ систему. Людямъ, задолго до открытія давленія воздуха были извѣстны явленія, представляемыя дѣйствіемъ насоса, сифона и ливера, но свѣдѣнія о каждомъ изъ этихъ явленій, а также и о каждомъ другомъ явленіи, въ которомъ дѣйствовало давленіе воздуха, были совершенно отрывочны, не имѣли между собою никакой связи. Только открытіе давленія воздуха дало возможность соединить свѣдѣнія объ этихъ явленіяхъ въ одну группу, привести ихъ въ систему. Точно такимъ же образомъ дѣйствовало открытіе закона преломленія свѣта, открытіе состава бѣлаго солнечнаго луча, открытіе скрытаго теплорода и всѣ другія важныя открытія въ наукѣ. Каждое изъ нихъ давало возможность организовать какую нибудь группу уже извѣстныхъ фактовъ. До тѣхъ поръ пока не были сдѣланы такія открытія, не могли быть сколько нибудь удачными и опыты систематизировать свѣдѣнія, добытыя различными искуствами. До этого времени можно было только группировать эти свѣдѣнія на основаніи чисто внѣшняго родства, существовавшаго между ними.

Первыя научныя изслѣдованія людей имѣли чисто практическій характеръ. Анатомія, напримѣръ, была сначала только частью медицины и разработывалась практиками. Точно также практиками разработывалась и ботаника, такъ какъ съ одной стороны она сливалась съ аптекарскимъ искуствомъ, съ другой—съ сельскимъ хозяйствомъ. Первыми источниками химическихъ свѣдѣній, а также и началомъ самой химіи были металлургія и формацевтика. Астрономія была первоначально искуствомъ опредѣлять время для разныхъ земледѣльческихъ работъ, жертвоприношеній и религіозныхъ празднествъ.

Геометрія получила свое начало изъ практическихъ пріемовъ, открытыхъ людьми для точныхъ измѣреній, необходимыхъ при различнаго рода строительныхъ и топографическихъ работахъ и т. д. Практическій характеръ свѣдѣній, изъ которыхъ образовались эти науки, отразился и на первыхъ попыткахъ группировки, приведенія въ порядокъ этихъ свѣдѣній. Такъ, напримѣръ, извѣстный греческій натуралистъ Діоскоридъ въ своемъ сочиненіи по ботаникѣ расположилъ описываемыя имъ растенія по качеству получаемыхъ изъ нихъ продуктовъ, раздѣливъ ихъ на четыре группы: на ароматическія, питательныя, цѣлебныя и винныя.

Кромѣ вопросовъ, имѣвшихъ отношеніе къ удовлетворенію матеріальныхъ потребностей, человѣкъ задавалъ и старался рѣшить также многіе другіе вопросы. Онъ искалъ напримѣръ причины явленій, которыя особенно сильно дѣйствовали на его чувства. Громъ, молнія, ураганъ, землетрясеніе сильно привлекали къ себѣ его вниманіе и вызывали въ его умѣ рядъ предположеній, имѣвшихъ цѣлью объясненіе этихъ явленій. Кромѣ этого человѣкъ пытался рѣшить еще такіе вопросы, какъ вопросъ о происхожденіи вселенной, о ея будущей судьбѣ, о цѣлесообразномъ устройствѣ ея и т. д. Но вопросы эти не привели да и не могли привести человѣка къ наукѣ. Для науки необходимы наблюденія, опыты, измѣренія, взвѣшиванія, вычисленія. Но къ этому немогли побудить людей вопросы, или совершенно не входящіе въ область точнаго знанія, или требующіе для своего рѣшенія пріобрѣтенія очень обширныхъ свѣдѣній. Рѣшенія этихъ вопросовъ не заключали въ себѣ никакихъ матеріаловъ для построенія науки. Совсѣмъ другаго рода были отвѣты на тѣ вопросы которые были вызваны матеріальными потребностями. Неосновательность подобныхъ отвѣтовъ можно было замѣтить очень скоро. Если человѣкъ давалъ себѣ невѣрный отвѣтъ на вопросъ о томъ, какимъ образомъ и изъ чего слѣдуетъ строить себѣ жилище, то вѣтры и дожди очень скоро показывали ему неосновательность этого отвѣта.

Точно также первая охота, первая схватка съ непріятелемъ могла показать ему невѣрность тѣхъ предположеній, которыми онъ руководствовался при изготовленіи себѣ оружія. Первое волненіе могло убѣдить его въ недостаточно хорошемъ устройствѣ его челнока и т. д. Когда дѣло шло объ удовлетвореніи какой нибудь матеріальной потребности, то за всякимъ ошибочнымъ разсужденіемъ, за всякимъ поверхностнымъ свѣдѣніемъ, на основаніи котораго удовлетворялась та или другая потребность, слѣдовало естественное наказаніе, налагавшееся на человѣка самою природою. Эти естественныя наказанія побуждали человѣка быть осторожнымъ въ своихъ выводахъ, посе-

ляли въ немъ убѣжденіе въ необходимости возможно полнаго знакомства съ тѣми предметами, которыми онъ пользовался для своихъ цѣлей. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находился человѣкъ тогда, когда ему приходилось разсуждать о появившейся кометѣ, о причинѣ землетрясенія. Всякое фантастическое предположеніе, которое дѣлалъ онъ, при этихъ разсужденіяхъ, проходило для него совершенно безнаказанно. Ложныя свѣдѣнія о природѣ, пріобрѣтенныя этимъ путемъ, ему не приходилось повѣрять на практикѣ, подобно тому, какъ повѣряемы были имъ сельскохозяйственныя, медицинскія и металлургическія свѣдѣнія. Увидѣть ошибочность каждаго изъ этихъ свѣдѣній можно было только послѣ значительнаго увеличенія знаній о природѣ. Не было поэтому ничего такого, что могло бы сдѣлать человѣка болѣе осторожнымъ при рѣшеніи вопросовъ, выходившихъ изъ области искуствъ и примыкавшихъ къ мифологіи и философіи. Человѣка заинтересовывало какое нибудь особенно поразительное явленіе. Онъ начиналъ искать объясненія этому явленію. Само собою разумѣется, что, при этомъ онъ прежде всего начиналъ дѣлать попытки объяснить его при помощи извѣстныхъ ему фактовъ. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ, онъ не былъ знакомъ съ тѣми фактами, которые дали бы ему возможность найти правильное объясненіе заинтересовавшаго его явленія, то объясненія находимыя имъ были обыкновенно совершенно вздорными. Понятно, что собраніе такого рода объясненій, какъ бы велико не было оно по объему, не могло имѣть ни малѣйшей цѣны въ научномъ отношеніи. Между тѣмъ, изъ такого рода объясненій состояли почти всѣ свѣдѣнія, вызванныя чистою, безкорыстною любознательностью. Даже тѣ, сравнительно рѣдкіе, случаи, въ которыхъ человѣкъ не находилъ никакого объясненія, и убѣждали въ томъ, что съ помощью извѣстныхъ ему фактовъ нельзя объяснить заинтересовавшее его явленіе— даже эти случаи не могли имѣть никакихъ полезныхъ въ научномъ отношеніи результатовъ. Представимъ себѣ, въ самомъ дѣлѣ, что человѣкъ пришелъ къ тому убѣжденію, что ему незнакомы факты, съ помощью которыхъ онъ можетъ найти желаемое объясненіе явленія. Положимъ, что вслѣдствіе этого, онъ захотѣлъ пріобрѣсти необходимыя свѣдѣнія. Что-же въ этомъ случаѣ могло бы указать ему на тѣ именно свѣдѣнія, которыя необходимы ему? Въ большинствѣ случаевъ онъ не въ состояніи былъ бы найти ничего такого, что бы дало вѣрное направленіе его занятіямъ. Если бы онъ скептически отнесся къ тому объясненію грома и молніи, которое онъ встрѣчалъ у окружающихъ его людей, и захотѣлъ бы найти другое, то ничто вокругъ него не въ состояніи было бы навести его на мысль, что изслѣдованіе явле-

ній, обнаруживаемыхъ янтаремъ, можетъ привести его къ вѣрному объясненію грома и молніи. Ясно поэтому, что желаніе объяснить особенно выдающіеся изъ ряду другихъ явленія, не могло заставить людей приступить къ научнымъ изслѣдованіямъ. Оно дѣйствительно и не привело ихъ къ этому. Не могли также привести людей и не привели, въ самомъ дѣлѣ, къ научнымъ изслѣдованіямъ попытки найти основную матерію всѣхъ вещей и всѣ другія попытки философовъ. Тѣ знанія, изъ которыхъ развились постепенно различныя науки, были собраны людьми не подъ вліяніемъ безкорыстной любознательности, а, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ дѣятельности направленной къ удовлетворенію ихъ матеріальныхъ потребностей. Но такъ какъ различныя свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя человѣкомъ, всегда оказываютъ очень большое вліяніе на характеръ его любознательности, то понятно, что по мѣрѣ накопленія положительныхъ свѣдѣній о природѣ, въ людяхъ особенно усердно собиравшихъ ихъ, должна была сложиться любознательность, непохожая на любознательность другихъ людей. Въ нихъ должно было возникнуть расположеніе интересоваться этими свѣдѣніями, независимо отъ ихъ полезности, должна была развиться привычка къ занятіямъ, связаннымъ съ пріобрѣтеніемъ этихъ свѣдѣній. Ясно, что безкорыстная любознательность этихъ людей не могла приводить ихъ къ безплодному фантазированію. Она побуждала ихъ только продолжать искать такихъ знаній о природѣ, которыя могли быть найдены путемъ опытовъ и наблюденій. Такимъ образомъ тщательное изученіе различныхъ предметовъ и явленій могло быть слѣдствіемъ любознательности не въ первые, а только сравнительно въ болѣе зрѣлые періоды умственнаго развитія человѣческихъ обществъ. Та любознательность, которая оказывала въ эти послѣдніе періоды благотворное вліяніе на развитіе науки, не могла быть причиною первыхъ научныхъ изслѣдованій, такъ какъ она сама была результатомъ научныхъ знаній. Любознательность этого рода складывалась въ различныхъ отдѣльныхъ людяхъ только по мѣрѣ развитія въ нихъ убѣжденія въ необходимости тѣхъ или другихъ научныхъ знаній, по мѣрѣ развитія склонности къ тѣмъ занятіямъ, съ которыми бываетъ связано пріобрѣтеніе этихъ свѣдѣній, по мѣрѣ пробужденія въ ихъ умахъ вопросовъ, вызванныхъ предъидущими умственными работами и требующихъ, для своего разрѣшенія новыхъ свѣдѣній. Нечего и говорить о томъ, что любознательность эта побуждала каждаго отдѣльнаго человѣка интересоваться не всевозможными знаніями, а только нѣкоторыми изъ нихъ. Не существуетъ такихъ вліяній, которыя въ состояніи были бы развить въ человѣкѣ любовь ко всевозможнымъ знаніямъ и расположеніе трудиться для ихъ пріобрѣтенія.

Любознательность каждаго отдѣльнаго человѣка бываетъ всегда нѣсколько односторонней, всегда простирается только на какую нибудь опредѣленную группу знаній, а не на всю область послѣднихъ.

Чтобы развить въ человѣкѣ любознательность въ какомъ нибудь извѣстномъ направленіи нужно натолкнуть его на вопросы, которые побуждали бы его умъ работать въ этомъ направленіи, нужно развить въ немъ склонность къ умственнымъ занятіямъ, связаннымъ съ этою работою.

Развить склонность къ какимъ нибудь опредѣленнымъ умственнымъ занятіямъ не трудно, такъ какъ въ каждомъ человѣкѣ существуетъ стремленіе къ дѣятельному упражненію всѣхъ своихъ силъ. Онъ читаетъ книги, слушаетъ разсказы, мечтаетъ, играетъ въ карты, шахматы, такъ какъ все это вызываетъ въ немъ множество разнообразныхъ ощущеній и даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, работу его уму. Хотя существуетъ безчисленное множество занятій, которыя могутъ удовлетворить потребности человѣка въ умственной дѣятельности, но въ каждомъ человѣкѣ бываетъ развита, обыкновенно, склонность только къ нѣкоторымъ изъ этихъ занятій, именно къ тѣмъ изъ нихъ, съ которыми онъ уже имѣлъ случай познакомиться путемъ личнаго опыта. Если, напримѣръ, этотъ опытъ познакомилъ его съ умственною дѣятельностью, связанною съ изученіемъ какой нибудь науки, то въ немъ разовьется расположеніе смотрѣть на занятіе именно этою наукою, какъ на единственное научное занятіе, которое въ состояніи принести ему удовольствіе. Чѣмъ больше времени посвятитъ онъ на занятіе этою наукою, тѣмъ труднѣе для него сдѣлается пониманіе того удовольствія, которое приносятъ людямъ другія научныя занятія. Если личный опытъ не познакомилъ его съ тѣми впечатлѣніями, которыя можетъ дать человѣку научная дѣятельность, то онъ станетъ искать удовлетворенія своей потребности умственной дѣятельности не въ наукѣ, а въ чемъ нибудь другомъ. Къ сожалѣнію, человѣку приходится знакомиться съ научною умственною дѣятельностью при такихъ условіяхъ, которыя на долго, если не навсегда, порождаютъ въ немъ отвращеніе къ умственной дѣятельности, связанной съ изученіемъ наукъ. Это отвращеніе не уничтожаетъ въ немъ, конечно, потребности въ умственной дѣятельности, но оказываетъ значительное вліяніе на характеръ послѣдней. Человѣкъ начинаетъ осторожно обходить всякое дѣло, напоминающее ему научныя занятія. Совершенно иначе, конечно, относился бы онъ къ послѣднимъ, если бы ему приходилось знакомиться съ ними при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Въ немъ легко возникла бы склонность къ этимъ занятіямъ, если бы они не были обставлены условіями, дѣлающими ихъ непріятными для

учащагося, если бы они не требовали отъ него часто непомѣрнаго напряженія силъ. Развитіе же этой склонности привело бы его къ такимъ занятіямъ, результатомъ которыхъ было бы расширеніе его научныхъ познаній.

Къ такому же результату могутъ приводить человѣка и другія вліянія. Онъ всегда, напримѣръ, обнаружитъ большой интересъ къ различнаго рода знаніямъ, если прежнія умственныя занятія натолкнули его на разные вопросы, требующіе для своего разрѣшенія пріобрѣтенія многихъ свѣдѣній. Всякое занятіе, поэтому, которое наталкиваетъ человѣка на тѣ или другіе вопросы, оказываетъ вліяніе и на развитіе его любознательности. Понятно, что такое полезное дѣйствіе могутъ производить не однѣ умственныя занятія, но и многія другія. Чѣмъ на большее число вопросовъ наталкиваютъ человѣка его занятія, тѣмъ полезнѣе бываетъ то вліяніе, которое оказываютъ послѣднія на развитіе его любознательности. Занятія человѣка и другимъ еще путемъ вліяютъ на его любознательность. Они заставляютъ его производить множество различныхъ опытовъ, вызываютъ на наблюденіе и увеличиваютъ, вслѣдствіе этого, количество его положительныхъ знаній, а увеличеніе такого рода знаній всегда оказываетъ хорошее вліяніе на характеръ любознательности человѣка. Изъ этого видно, какое огромное воспитательное значеніе могутъ имѣть занятія ребенка и какъ обдуманно слѣдуетъ выбирать ихъ для него. Трудность этого выбора увеличивается еще тѣмъ, что занятія эти должны быть собственно не занятіями, а играми, такъ какъ въ противномъ случаѣ ихъ пришлось бы навязывать ребенку. Эти занятія должны давать ребенку какъ можно болѣе знаній, должны показывать ему необходимость знакомства съ различными свѣдѣніями, облегчающими достиженіе той или другой цѣли, должны наталкивать на вопросы, отвѣтами на которые въ состояніи будутъ служить тѣ именно свѣдѣнія, сообщеніе которыхъ будетъ стоять на очереди.

Повидимому нѣтъ никакой необходимости наводить ребенка различными занятіями на вопросы, такъ какъ онъ и безъ того постоянно предлагаетъ ихъ взрослымъ, и проще всего было бы воспользоваться, для сообщенія ему различныхъ знаній, именно этими вопросами. Дѣйствительно, многіе вопросы ребенка могутъ послужить основаніемъ для сообщенія ему разныхъ свѣдѣній. Но чаще всего онъ предлагаетъ такіе вопросы, которыми совершенно невозможно бываетъ воспользоваться для ознакомленія его съ тѣми или другими истинами науки. Большая часть вопросовъ ребенка вызывается довольно сложными явленіями природы, для полнаго пониманія которыхъ необходимо бываетъ знакомить съ многими истинами математики, механики, физики

и химіи. Если бы мы стали пользоваться вопросами ребенка для ознакомленія его съ тѣми истинами науки, которыя могутъ объяснить ему поразившее его явленіе, то отвѣты на эти вопросы превратились бы въ цѣлыя лекціи. Это, безъ сомнѣнія, очень скоро отбило бы у него всякую охоту продолжать дальнѣйшіе вопросы. Кромѣ этого, подобные отвѣты даже и не были бы дѣйствительными отвѣтами на вопросы ребенка. Когда послѣдній ищетъ объясненія какого нибудь поразившаго его явленія, то онъ не выражаетъ этимъ желанія, чтобы его познакомили съ тѣми научными истинами, на основаніи которыхъ можно объяснить явленіе, привлекшее его вниманіе. Его интересуютъ въ этомъ случаѣ не различныя истины науки, а отвѣтъ на предложенный имъ вопросъ. Чтобъ объясненіе явленія показалось бы ему понятнымъ, необходимо, чтобъ оно опиралось на извѣстные ему факты, необходимо, чтобы оно было сравненіемъ явленія, привлекшаго его вниманіе, съ другими, извѣстными ему, явленіями, не требующими, по его мнѣнію, никакихъ объясненій. Понятно, что такое объясненіе будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ указаніемъ на явленіе, однородное съ разсматриваемымъ явленіемъ. Положимъ, напримѣръ, что ребенокъ захотѣлъ узнать, почему не тонетъ лодка. Если бы, для объясненія этого, ребенка начали знакомить съ гидростатическимъ закономъ Архимеда, то, конечно, подобное объясненіе показалось бы ему и утомительнымъ, и скучнымъ, и непонятнымъ. Для того чтобъ отвѣтить ему на предложенный имъ вопросъ, пришлось бы ограничиться простымъ указаніемъ на аналогическія явленія, напримѣръ, на плавающій на водѣ кусокъ дерева, орѣховую скорлупу, жестяную коробочку и т. д. Если бы, присутствуя при зажиганіи лампы, онъ спросилъ, для чего въ горѣлку лампы вставляется стекло, то ему слѣдовало бы объяснить, что ламповыя стекла служатъ той же цѣли, какой служатъ дымовыя трубы въ печкахъ и самоварахъ, что чѣмъ выше бываютъ эти трубы, тѣмъ лучше горятъ дрова въ печкѣ и угли въ самоварѣ, а чѣмъ выше бываетъ стекло въ лампѣ, тѣмъ лучше горитъ въ ней масло, безъ стекла же она очень коптитъ и т. д. Пришлось бы ограничиться, слѣдовательно, только подобнымъ указаніемъ на аналогичные факты, а не ссылаться на условія равновѣсія газообразныхъ тѣлъ, съ помощью которыхъ объясняется тяга въ печныхъ трубахъ и ламповыхъ стеклахъ. Если бы онъ попросилъ дать ему объясненіе радуги, то и въ этомъ случаѣ неудобно было бы начать это объясненіе съ ознакомленія его съ законами преломленія свѣта, а пришлось бы просто указать на аналогичное явленіе, — на ту небольшую радугу, которую можно произвести искуственно, ставши спиной къ солнцу и брызгавши водою. Сравненія эти, конечно, при-

носили бы ребенку свою пользу, такъ какъ они связывали бы между собою нѣкоторыя изъ его свѣдѣній, бывшихъ до этого времени совершенно отрывочными, и предохраняли бы его въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отъ суевѣрныхъ мнѣній, но, понятно, что эти сравненія не увеличивали бы объема его свѣдѣній. Между тѣмъ, большую часть отвѣтовъ на вопросы ребенка пришлось бы приводить къ такого рода сравненіямъ. Нельзя, поэтому, ограничиться отвѣтами на тѣ вопросы, которые возникаютъ въ головѣ ребенка подъ вліяніемъ различныхъ сложныхъ явленій, но слѣдуетъ также наводить его вопросы, допускающіе простые, удобопонятные отвѣты и дающіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность сообщить ребенку, посредствомъ этихъ отвѣтовъ, различныя истины науки. При этомъ слѣдуетъ держаться того пути, какой указывается исторіею науки. Стимулами вопросовъ, породившихъ науку, были различныя занятія людей, имѣвшія цѣлью удовлетвореніе тѣхъ или другихъ ихъ потребностей. Точно также стимулами вопросовъ, на которые полезно навести ребенка, должны быть его собственныя занятія, къ которымъ онъ чувствуетъ влеченіе, которыя удовлетворяютъ какой нибудь изъ его потребностей. Напримѣръ, приготовленіе различныхъ предметовъ изъ папки и тонкихъ дощечекъ можетъ привести его къ слѣдующимъ вопросамъ: какъ раздѣлить линію на нѣсколько равныхъ частей, какъ построить уголъ, равный другому углу, какъ провести линію параллельную другой линіи, какъ построить фигуру, подобную какой нибудь другой фигурѣ, какъ провести линію, перпендикулярную къ другой линіи и т. д. Эти же самыя занятія могутъ, кромѣ того, познакомить его съ нѣкоторыми фактами, которые облегчатъ ему впослѣдствіи усвоеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ истинъ. Положимъ, напримѣръ, что ему прійдется клеить изъ папки небольшую башенку. Если нужно будетъ въ такомъ случаѣ, вырѣзать изъ папки такіе два куска, чтобы изъ нихъ можно было склеить конусъ и цилиндръ, конусъ для крыши, цилиндръ для остальной части башенки. Выкроенные имъ два куска папки представятъ собою боковыя поверхности цилиндра и конуса, развернутыя на плоскость. Слѣдовательно онъ будетъ имѣть передъ собою двѣ фигуры, площади которыхъ выражаютъ собою величины боковыхъ поверхностей цилиндра и конуса. Знакомство съ этими фигурами облегчитъ ему впослѣдствіи усвоеніе теоремъ о величинѣ поверхностей конуса и цилиндра.

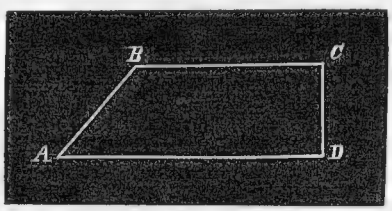
Устройство акварія или террарія приведетъ его къ вопросамъ относительно рода пищи, необходимой для того или другаго животнаго, относительно ухода за ними и за растеніями, относительно способовъ добыванія необходимыхъ для террарія и акварія животныхъ

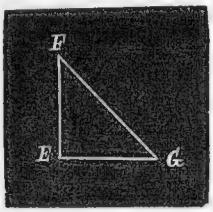
и растеній и т. д. Если, устраивая акварій, онъ захочетъ сдѣлать фонтанъ, то ему прійдется познакомиться съ устройствомъ фонтановъ. По всей вѣроятности, онъ захочетъ устроить такой фонтанъ, струя котораго была бы какъ можно выше: это натолкнетъ его на вопросъ о томъ, чѣмъ обусловливается высота фонтана и т. д.

Къ рѣшенію многихъ изъ тѣхъ вопросовъ, на которые натолкнутъ ребенка различныя занятія, можно подготовить его раньше, съ помощью различнаго рода игръ. Я покажу здѣсь, какимъ образомъ можно подготовить учащагося, напримѣръ, къ рѣшенію вопросовъ, относящихся къ измѣренію площадей. Съ этими вопросами онъ встрѣтится на первыхъ урокахъ географіи, при составленіи плана мѣстности, лежащей вокругъ училища.

Извѣстно, что дѣти съ удовольствіемъ занимаются составленіемъ различныхъ фигуръ изъ палочекъ, квадратиковъ, треугольниковъ, параллелограмовъ и т. п. Не меньше удовольствія доставляютъ имъ рѣшенія различныхъ задачъ, относящихся къ этому складыванію, въ которыхъ имъ приходится составлять изъ дощечекъ того или другаго вида, заданныя имъ фигуры. Этими склонностями ребенка можно воспользоваться для подготовленія его къ элементарному курсу геометріи. Я приведу здѣсь нѣсколько задачъ, которыя покажутъ читателю, какимъ образомъ можно подготовлять ребенка къ усвоенію различныхъ истинъ геометріи. Изложу я эти задачи въ общихъ чертахъ; для обозначенія фигуръ и линій, буду прибѣгать къ помощи буквъ. Само собою разумѣется, что задачи эти слѣдуетъ предлагать ребенку не языкомъ учебниковъ и безъ помощи буквъ.

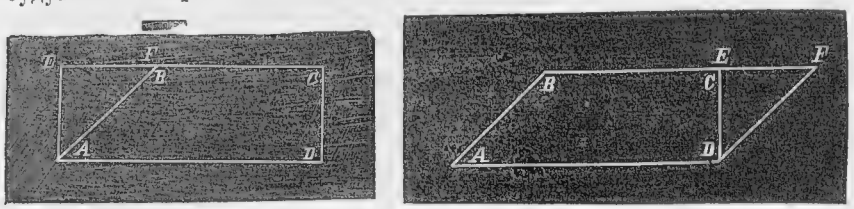
1. Сложить изъ фигуръ ABCD и EFG прямоугольный четыреугольникъ. Сложить изъ такихъ же самыхъ фигуръ параллелограмъ *).





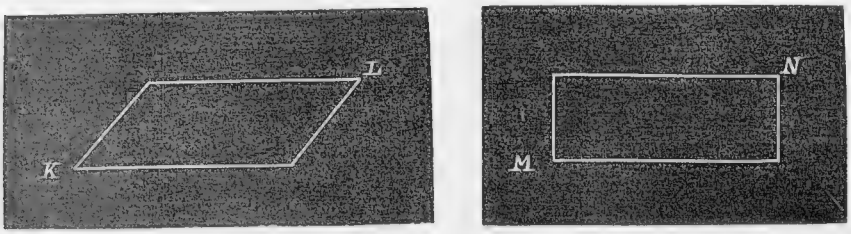
*) Съ названіемъ четыреугольникъ, ромбъ, квадратъ, параллелограмъ, треугольникъ, ребенка можно познакомить по немногу еще въ то время, когда онъ забавляется складываніемъ изъ этихъ простыхъ фигуръ звѣздъ, крестиковъ и другихъ сложныхъ фигуръ. Во время приготовленія различныхъ предметовъ изъ картона и тонкихъ дощечекъ его можно познакомить съ такими терминами, напримѣръ, какъ перпендикуляръ, радіусы, діагональ, основаніе, высота и т. д. См. Практическій руководитель къ играмъ Фребеля.

Составленные такимъ образомъ четыреугольникъ и параллелограмъ будутъ имѣть равныя высоты и основанія.



Площади ихъ будутъ равны, такъ какъ составлены изъ однихъ и тѣхъ же частей. Слѣдовательно, площадь составленнаго нами параллелограма, будетъ равна площади прямоугольнаго четыреугольника, имѣющаго высоту и основаніе равныя высотѣ и основанію параллелограма.

2. Разрѣзать параллелограмъ KL на такія двѣ части, чтобъ изъ нихъ можно было составить четыреугольникъ MN, имѣющій высоту и основаніе равныя высотѣ и основанію параллелограма KL.

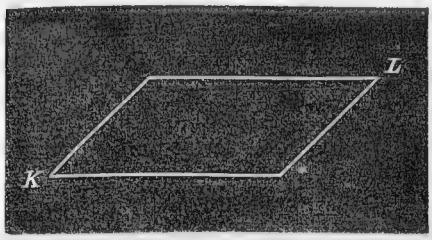


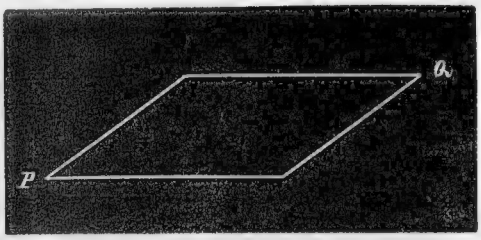
Разрѣзавши параллелограмъ KL на двѣ части и сложивши изъ нихъ четыреугольникъ MN, мы увидѣли бы, что этотъ четыреугольникъ, имѣющій высоту и основаніе равные высотѣ и основанію параллелограма KL, имѣетъ площадь равную площади этого послѣдняго.

Разрѣзать четыреугольникъ MN на такія двѣ части, изъ которыхъ можно было бы сложить параллелограмъ KL, имѣющій высоту и основаніе равныя высотѣ и основанію четыреугольника MN. Рѣшеніе этой задачи показало бы намъ, что площадь параллелограма KL состоитъ изъ такихъ же частей изъ какихъ и площадь четыреугольника и что, слѣдовательно, эти двѣ площади равны между собою.

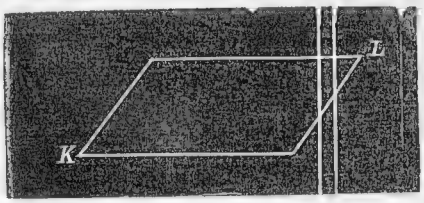
3. Разрѣзать параллелограмъ KL на такія двѣ части, чтобъ изъ нихъ можно было бы составить параллелограмъ PQ, имѣющій такія же самыя высоту и основаніе, какъ и параллелограмъ KL.

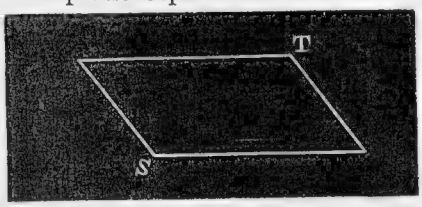
Рѣшеніе этой задачи показало бы, что площадь параллелограма PQ, имѣющаго высоту и основаніе равныя высотѣ и основанію параллелограма KL, равна площади этого послѣдняго параллелограма.





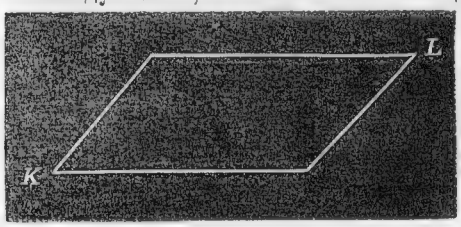
4. Разрѣзать параллелограмъ KL на такія двѣ части, чтобъ изъ нихъ можно было составить параллелограмъ ST, имѣющій основаніе и высоту равныя основанію и высотѣ параллелограма KL.

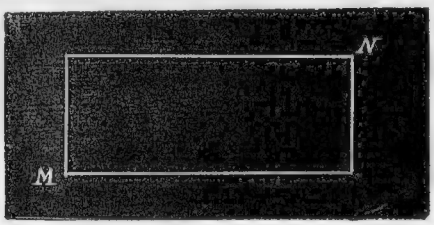




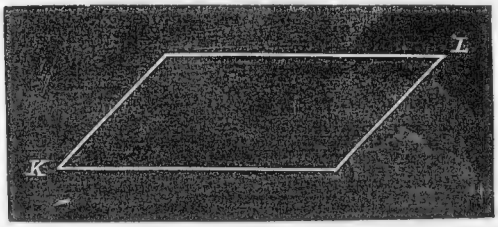
Рѣшеніе этой задачи привело бы къ такому же самому заключенію, какъ и рѣшеніе предыдущей.

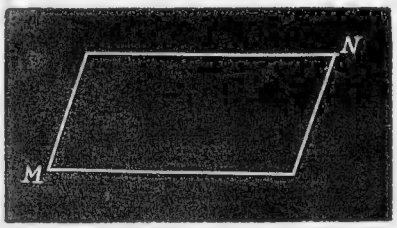
5. Даны параллелограмъ KL и четыреугольникъ MN, имѣющіе равныя высоты и равныя основанія. Требуется узнать, равны ли между собою, или нѣтъ ихъ площади.





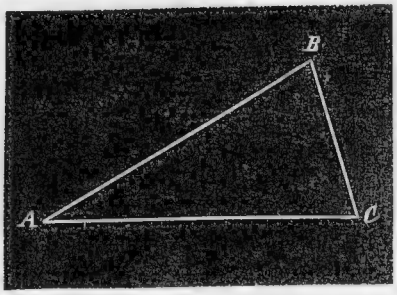
6. Даны параллелограмы KL и PQ, имѣющіе равныя высоты и основанія. Требуется узнать равны ли между собою ихъ площади, или нѣтъ.

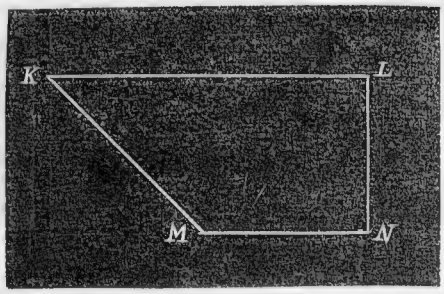




7. Сложить изъ фигуръ ABC и KLMN треугольникъ. (Рис. см. стр. 18).

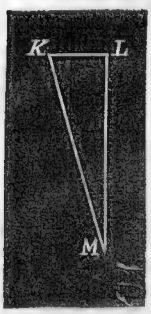
Сложить изъ такихъ же фигуръ прямоугольный четыреугольникъ. Площади, составленныхъ такимъ образомъ, треугольника и четыре-

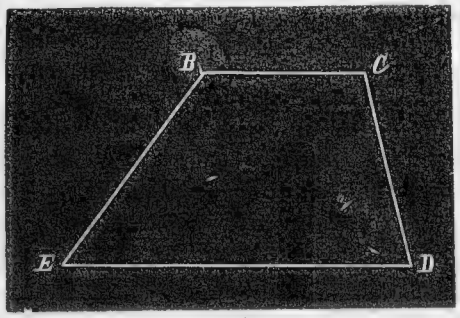


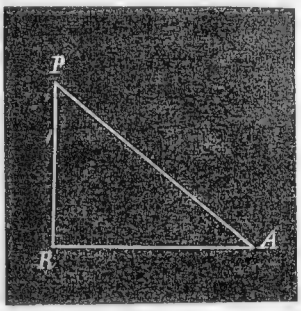


угольника будутъ равны между собою, такъ какъ они состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же частей. Четыреугольникъ и тругольникъ будутъ имѣть равныя основанія, но высота послѣдняго будетъ вдвое менѣе высоты четыреугольника. Слѣдовательно, площадь этого тругольника будетъ равна площади четыреугольника, у котораго основаніе тоже, что и у тругольника, а высота вдвое менѣе высоты послѣдняго.

8. Сложить изъ фигуръ BCDE, KLM, PQR тругольникъ. Сложить изъ такихъ же самыхъ фигуръ прямоугольный четыреугольникъ.







Рѣшеніе этой задачи привело бы насъ къ тому же заключенію, какъ и рѣшеніе предыдущей. Ко всѣмъ такимъ заключеніямъ нужно было бы приводить ребенка путемъ наводящихъ вопросовъ.

Н. З.

УХОДЪ ЗА НОВОРОЖДЕННЫМЪ.

Въ предъидущей статьѣ о золотухѣ было сказано, что ребенокъ уже приноситъ съ собою на свѣтъ извѣстное расположеніе къ золотушному заболѣванію; какимъ образомъ предупредить или остановить развитіе этой болѣзни—отвѣчаетъ на это статья о правильномъ уходѣ за новорожденнымъ.

Если дѣти часто болѣютъ и въ большомъ числѣ умираютъ, то основная причина этого есть незнакомство матерей съ организмомъ ребенка и плохой уходъ за нимъ. Знаніе ихъ получается не предварительною подготовкою, а путемъ горькаго опыта, тяжелыхъ потерь. Онѣ рѣдко узнавали законы жизни и здоровья дѣтей и, по большей части, на каждомъ шагу идутъ противъ нихъ. Можно сказать вообще, что ребенокъ является на свѣтъ довольно крѣпкимъ и здоровымъ, чтобы продолжать хорошо свое существованіе; плохой уходъ за нимъ укорачиваетъ или отравляетъ его существованіе.

Много есть руководствъ для матерей какъ вести дѣтей, но у нихъ не достаетъ времени къ тому, чтобы ознакомиться съ ними. Мы постараемся здѣсь возможно кратко указать на главнѣйшіе пункты.

Купанье.

Какъ только родится ребенокъ, онъ долженъ быть обмытъ водою 29 или 30° Реом., не выше. Высокая температура 31°R. или 32, 33°R. есть главная причина насморковъ, кашлей и родимчиковъ, уносящихъ столькихъ дѣтей. Корыто, мягкая, чистая, нѣжная губка, кусочекъ мягкой, тонкой фланели, кусочекъ мыла и мягкое, тонкое полотенце должны быть приготовлены. Обмываніе начинается посредствомъ губки или фланели, сперва вокругъ глазъ, потомъ переходитъ на вѣки глазъ, которыя осторожно приподнимаются. Вода должна быть чистая, чтобы

не засорить глазъ. Лице также обмывается губкою, но тоже безъ мыла. Засореніе носа или слизь рта должно при этомъ вытереть осторожно посредствомъ тонкаго полотна.

За симъ голову уже обмываютъ мыломъ и фланелью и поспѣшно обтираютъ. Все тѣло должно быть обмываемо мыломъ и фланелью. Заботиться нужно, чтобы каждая часть тѣла была хорошо обмыта и вытерта, особенно около суставовъ и въ складкахъ кожи, въ малыхъ складкахъ за ушами, между пальцевъ рукъ и ногъ: для этого фланель обвертываютъ вокругъ указательнаго пальца.

Вытертое и сухое тѣло присыпаютъ картофельной мукою въ складкахъ тѣла; это окончательно сушитъ кожу и дѣлаетъ ее менѣе наклонною къ заболѣванію.

Матери, которыя пренебрегаютъ этимъ, имѣютъ часто дѣтей съ сильными знаками на тѣлѣ, съ красными глазами и пр. Хорошо послѣ утренняго купанья обтирать нѣкоторыя мѣста тепловатою водою еще въ вечеру.

Всякія выправленія тѣла, сжиманіе головы или давленіе на грудь вредны.

За тѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на пупокъ. Перевязаный кончикъ пупочнаго канатика надобно обернуть въ кусочекъ мягкаго полотна, шириною въ 4 дюйма, и лучше всего укрѣпить на животѣ посредствомъ полосокъ липкаго пластыря.

Употребленіе бинта вообще неудобно, не нужно, не практично и даже вредно. Допускается бинтъ только въ тѣхъ случаяхъ, если необходимо удерживать напоръ кишекъ на выдающійся пупокъ, послѣ отпаденія пуповины; и въ такомъ случаѣ лучше брать эластическій, шелковый бинтъ, такой бинтъ податливъ, не стѣсняетъ живота и не такъ легко слѣзаетъ наверхъ. Что касается такъ называемаго пеленанья, то должно сказать, что туго связанный ребенокъ очень безпокоится какъ отъ стѣсненнаго дыханія, такъ и отъ недостатка свободы въ движеніи. Отъ этого ребенокъ бываетъ слабъ и даже можетъ погибнуть отъ разнообразныхъ неправильностей и болѣзней желудка; а отъ препятствія къ его вытягиванію и росту ребенокъ не можетъ быть крѣпкимъ и здоровымъ.

Иногда находишь ребенка въ страшномъ безпокойствѣ, постоянно кричащаго и даже въ судорогахъ. И что же! Животъ бываетъ такъ стянутъ, что несчастный едва не задыхается. Удаляете причину и ребенокъ скоро поправляется.

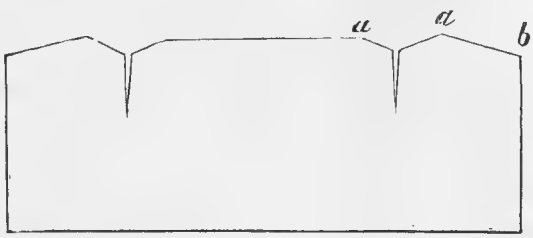
Здоровыхъ новорожденныхъ можно бинтовать только до отпаденія пуповины, не долѣе; слабыхъ, въ крайнемъ случаѣ, можно до втораго мѣсяца. Нѣкоторыя матери хотятъ бинтовать крѣпкихъ дѣтей до

5 или 6 мѣсяцевъ, считая, что онъ такъ слабъ и безпомощенъ, что надо его обвязывать для укрѣпленія. Это ошибочно, тамъ, гдѣ не бинтуютъ дѣтей совсѣмъ, они бываютъ и прямѣе, и крѣпче, и ранѣе начинаютъ ходить. Обыкновенно пуповина отпадаетъ на 5 день по рожденіи на свѣтъ. Когда пупокъ отпалъ, то надобно положить на него кусочекъ нѣжнаго полотнянаго компрессика. Если пупокъ выдается, то надобно по крайней мѣрѣ 12 маленькихъ, круглыхъ кусочковъ полотняныхъ компрессиковъ положить на него. Первый кусочекъ долженъ имѣть объемъ копѣечной мѣдной монеты, второй нѣсколько шире, третій еще пообширнѣе и т. далѣе до 12-го, который долженъ быть величиною въ мѣдную 5-ти-копѣечную монету. Вырѣзанныя кусочки полотна накладываютъ одинъ на другой, притомъ такъ, что самый широкій приходится книзу, самый узкій сверху; этимъ узкимъ концомъ все прикладывается на пупокъ и укрѣпляется посредствомъ длиннаго куска бинта, обводимаго два раза вокругъ живота.

Многія матери одѣваютъ своихъ новорожденныхъ очень дурно; дѣлаютъ при этомъ четыре важныя ошибки. Во первыхъ, одежда не доходитъ у нихъ достаточно близко къ затылку, настолько, чтобы грудь и плечи были бы въ теплѣ; во вторыхъ, она придерживаетъ руки и препятствуетъ свободному движенію; въ третьихъ, одежда не можетъ быть надѣта, безъ того, чтобы не переворачивать бѣднаго ребенка со стороны на сторону, что сердитъ, дразнитъ его, и, въ четвертыхъ, она очень длинна, широка и тяжела. Одежда должна быть сдѣлана такъ, чтобы покрывала каждую часть тѣла одинаково; должна покоиться на ключицахъ, такъ чтобы руки были свободны; должна быть сдѣлана такъ, чтобы при одѣваніи не поворачивать ребенка; должна быть коротка и легка, не препятствуя свободному движенію членовъ, требующихъ постояннаго упражненія.

Здѣсь предлагаемъ образцы одежды для ребенка отъ рожденія до шестаго мѣсяца. Фиг. 1 образецъ рубахи, она дѣлается изъ очень тонкаго ситцу или полотна; вырѣзана изъ одного куска и должна имѣть 10 дюймовъ (вершковъ 6) длины и 27 дюйм. (1 аршинъ) ширины.

Фиг. 1.

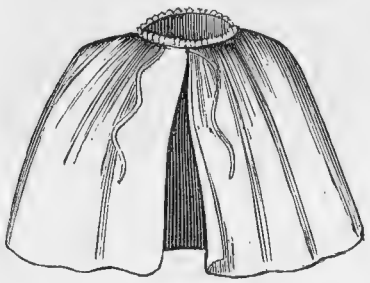


Мѣста, обозначенныя буквами *a*, *a* должно подрубить, а отъ *b* до *a* край нѣсколько срѣзать.

Тонкая ленточка должна быть продѣта вверху рубашки, такъ

чтобы можно было стягивать верхнюю часть надлежащимъ образомъ, чтобы грудь и плечи были закрыты.

Фиг. 2.

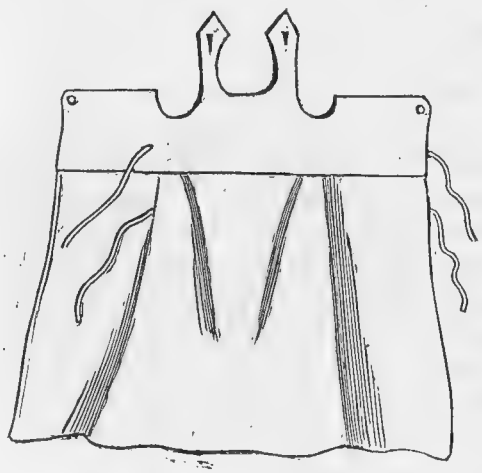


Одинъ конецъ ленточки продергивается не у края, а нѣсколько ранѣе, дюйма на $1^1/_2$ отъ края, такъ чтобы рубашечку можно было запахивать.

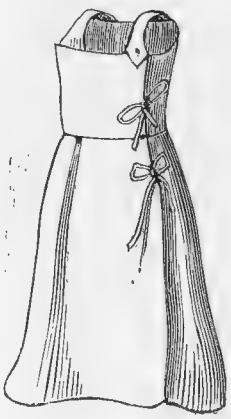
Фиг. 2 представляетъ готовую и надѣтую рубашечку.

Фиг. 3 есть образецъ флапелевой кофты. Лифчикъ долженъ имѣть 5 дюйм. высоты и 24 длины; пристежки же около 4 дюймовъ съ половиною длины, и $1^1/_2$ дюйма ширины въ самомъ широкомъ мѣстѣ, и около 3-хъ дюймовъ разстоянія; они должны застегиваться на груди ребенка. Юбочка же должна имѣть около 18 дюйм. длины и 32 дюйм. ширины, и пришита плоскими складками. Такой костюмъ покрываетъ грудь хорошо и даетъ полную свободу рукамъ.

Фиг. 3.



Фиг. 4.



Фиг. 4 показываетъ видъ костюма, какой онъ будетъ имѣть на ребенкѣ. Капотъ можетъ быть дѣлаемъ по обыкновенному образцу, только покороче, и распашнымъ книзу и спереди, для того, чтобы удобнѣе надѣвать; нѣсколько тесемокъ пришиваютъ внизу спереди для завязыванія, когда костюмъ надѣтъ. Оба костюма не должны быть длиннѣе какъ на 10 или 12 дюймовъ ниже ногъ ребенка. Нехорошо и вредно одѣвать дѣтей въ слишкомъ длинный и тяжелый костюмъ; эта тяжесть ложится на нѣжныя ножки дѣтей и мѣшаетъ свободному движенію. Кромѣ того такіе костюмы легче пачкаются, болѣе затрудняютъ мытьемъ и дороже стоютъ.

Рубашка, фланелевая кофта и капотъ вотъ все, въ чемъ нуждается грудное дитя послѣ отпаденія пуповины. Нѣтъ надобности въ чепчикѣ, лучше безъ него.

Одежда, которой образцы здѣсь представлены, имѣютъ ту существенную выгоду, что можетъ быть одѣваема на ребенка безъ того, чтобы поворачивать его нѣсколько разъ; если вы оботрете спинку ребенка, лежащаго на животикѣ, то можете вмѣстѣ съ тѣмъ просунуть его ручки чрезъ отверстія въ рубашечкѣ, и затѣмъ не остается болѣе ничего какъ повернуть его на спину и завязать тесемки спереди. Это дѣлается скоро и для ребенка удобно тѣмъ, что не безпокоитъ его.

Всякая вещь, которая назначается одеждою для груднаго ребенка, должна быть очень свободна, такъ чтобы всѣ части тѣла могли имѣть возможно свободное движеніе, какъ безъ одежды. Ни подъ какимъ видомъ не должно допускать употребленія булавокъ для прикрѣпленія одежды, такъ какъ часто они могутъ причинить вредъ ребенку, а причина не скоро откроется.

Количество вещей должно быть такое: по крайней мѣрѣ четыре кофты, шесть рубашекъ, два фланелевыхъ капота и двѣнадцать простынь.

Вредно плотное укутываніе дѣтей во что либо непромокаемое, какъ, напр. подкладываніе клеенокъ и пр., такъ какъ вслѣдствіе частаго мочеиспусканія оно дѣйствуетъ на подобіе постоянныхъ припарокъ, ослабляетъ и раздражаетъ кожу въ томъ мѣстѣ.

Рубашечку и ночной костюмъ надобно перемѣнять по крайней мѣрѣ каждый день, фланелевое платье и кофту два раза въ недѣлю, простыньки же какъ только мокры. Не должно позволять, чтобы ребенокъ долго лежалъ на мокрой простынѣ; это очень нагрѣваетъ кожу и раздражаетъ до образованія ранъ.

Не слѣдуетъ употреблять въ дѣло простыню, если она была обмочена и не вымыта вновь. Хорошо обтирать влажною губкою тѣ мѣста, которыя были въ соприкосновеніи съ мочею.

Послѣ первыхъ шести мѣсяцевъ надобно пріучать ребенка не мочить своихъ пеленокъ; этого легко достигнуть, отсаживая ребенка каждые два часа, а равно и послѣ сна.

Кормленіе.

Обыкновенно обмытому и одѣтому новорожденному даютъ настой ромашки съ сахаромъ, сахарную воду или какое либо масло (прованское, даже касторовое), что положительно вредно. Первое материн-

ское молоко дѣйствуетъ очень хорошо послабляющимъ образомъ на новорожденнаго.

Ранѣе четырехъ или даже пяти часовъ не слѣдуетъ прикладывать ребенка къ груди; дайте ему уснуть, и когда онъ проснется, то въ груди матери уже будетъ достаточное на первый разъ количество молока. Если пройдетъ шесть часовъ и молока нѣтъ въ грудяхъ матери, то лучше всего дать ребенку свѣжаго, хорошаго коровьяго молока, подслащеннаго кусочкомъ сахару и на половину разбавленнаго теплою водою. Не слѣдуетъ кипятить молоко и не давать его теплѣе температуры крови.

Случается, что мать не можетъ или не должна кормить своего ребенка; также бѣдная мать идетъ кормить какого либо чужаго ребенка, предоставляя своего на произволъ судьбы, которая не щадитъ его.

Конечно выгодно получать большую награду за кормленіе чужаго ребенка, но тяжело лишать и убивать своего собственнаго или дѣлать его на вѣкъ калѣкою. Но не смотрятъ онѣ такъ на дѣло.

Другія женщины должны работать на фабрикѣ или идти на стирку и. пр. далеко отъ дому, поэтому не могутъ кормить ребенка болѣе одного или двухъ разъ въ день. Конечно это вредно для обоихъ какъ для кормящей, такъ и для ребенка и надобно внушать, чтобы отыскивали работу поближе отъ дому, а еще лучше дома, если возможно.

Искуственно вскармливаемый ребенокъ при всѣхъ хорошихъ условіяхъ не можетъ быть такъ крѣпокъ, какъ получающій пищу изъ материнской груди.

Многіе родители всякій разъ когда дитя плачетъ позволяютъ давать грудь ребенку во всякое время дня и ночи, полагая этимъ успокоить и унять крикъ ребенка. Вредъ происходящій отъ этого очень значителенъ какъ для ребенка, такъ и для матери. Во-1-хъ, отъ частаго кормленія ребенка, каждые полъ-часа или часъ, ребенокъ получаетъ очень жидкое, водянистое молоко (такъ какъ для образованія хорошаго молока потребно опредѣленное время, по крайней мѣрѣ 2 или 3 часа), вслѣдствіе чего плохо питается и часто мочится. А такъ какъ ребенку нельзя долго лежать на мокрой простынѣ, то его приходится поднимать, переодѣвать и вновь кормить грудью, чтобы онъ уснулъ; но едва онъ успокоился и уснулъ, какъ опять обмочится, начинаетъ безпокоиться и приходится снова повторять прежнюю процедуру безъ конца. Во-2-хъ, мать страдаетъ отъ такого безалабернаго кормленія потому, что слишкомъ много теряетъ молока безъ пользы для ребенка; слѣдовательно худѣетъ, какъ отъ значительной потери крови; не имѣетъ ни минуты отдохновенія, проводитъ ночи въ полу-

снѣ и не можетъ выходить изъ комнаты. Здоровье матери или кормилицы можетъ такимъ образомъ окончательно разстроиться. Въ-3-хъ, не всякій крикъ ребенка есть выраженіе голода. Внимательная особа всегда скоро найдетъ причину крика или въ томъ, что ребенку холодно или жарко, или, что его что-нибудь кусаетъ, или онъ мокръ и т. д.

Одинъ разъ въ два или три часа совершенно достаточно кормить ребенка въ первые три мѣсяца, а послѣ мѣсяца не должно давать груди ночью. Если покормить ребенка въ 10 или 11 часовъ ночи, когда кормящая ложится спать, то онъ легко проспитъ до 4, 5 часовъ утра и дастъ ей хорошенько уснуть и отдохнуть.

Можно положительно такъ пріучить ребенка, что онъ будетъ хорошо брать грудь и вполнѣ удовлетворяться въ опредѣленное время, не безпокоя собою кормящей; чѣмъ ранѣе начать пріучать ребенка къ правильному кормленію, тѣмъ легче достигается цѣль.

Начиная съ четвертаго мѣсяца грудь дается рѣже и рѣже, и до самаго отнятія отъ груди можно давать одинъ разъ въ каждые 4 или пять часовъ. Въ ночи дѣлаютъ еще большія промежутки.

Лучше всего до отнятія отъ груди не давать ребенку ничего кромѣ материнскаго молока. Многіе берутъ ребенка къ себѣ за столъ во время обѣда, даютъ ему всякую всячину, даже огурцы и радуются, что желудокъ его переварпваетъ все. Но не довѣряйте этому. Желудокъ страдаетъ при этомъ отъ работы не по силамъ, легко подвергается катаррамъ и дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этого можетъ быть: увеличенный объемъ живота на счетъ груди, золотуха или англійская болѣзнь. Заставлять ребенка переваривать пищу взрослаго вѣдь это почти одно и то же: что давать ему поднимать тяжести, нести грузъ взрослаго человѣка.

Весьма естественно, что неудобоваримая, тяжелая пища не только ослабляетъ ребенка, но и легко можетъ убить его.

Нерѣдко даютъ ребенку не достигшему еще полугодоваго возраста яблоко или кусочекъ хлѣба, и что же. Въ медицинской литературѣ собрано не мало случаевъ, что ребенокъ погибалъ отъ задушенія, прежде нежели могла быть подана ему медицинская помощь. Но мы не думаемъ объ этомъ; а часто, если не умѣемъ успокоить или утѣшить ребенка, сунемъ ему кусокъ хлѣба или яблока и идемъ спокойно заниматься своимъ дѣломъ. Берегитесь.

Отниманіе отъ груди.

Для каждаго даннаго случая должно назначать время отнятія отъ груди, сообразуясь со многими обстоятельствами. Многія женщины

приносятъ вредъ ребенку продолжительнымъ кормленіемъ его грудью. Вообще же можно опредѣлить такъ: если кормящая особа пользуется хорошимъ здоровьемъ и имѣетъ довольно молока, то она можетъ отъучить отъ груди между 9-мъ и 12-мъ мѣсяцемъ. Появленіе 6—8 зубовъ есть сигналъ къ отнятію ребенка отъ груди. Но если молоко матери дѣлается худаго качества или мало по количеству, не питаетъ ребенка хорошо (лучше всего удостовѣряетъ насъ взвѣшиваніе дѣтей; даже если вѣсъ ребенка не измѣняется, то можно быть увѣреннымъ, что скоро ребенокъ быстро уменьшится въ вѣсѣ), то лучше отнять ребенка отъ груди, какъ бы малъ онъ ни былъ.

Уже за мѣсяцъ до правильнаго отнятія ребенка отъ груди, его слѣдуетъ пріучать брать грудь рѣже и рѣже; а вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ или два раза въ день кормить его хорошимъ, свѣжимъ коровьимъ молокомъ. Первоначально можно для болѣе слабыхъ дѣтей разводить молоко четвертою частью теплой воды и прибавлять маленькій кусочекъ сахару, сообщая молоку едва сладкій вкусъ; такъ какъ коровье молоко заключаетъ менѣе сахару сравнительно съ материнскимъ. Температура молока должна быть не теплѣе крови, т. е. 30° Реом. Послѣ отнятія ребенокъ получаетъ во всякомъ случаѣ цѣльное, подслащенное молоко. Молоко надобно брать два раза въ день, чтобы оно было свѣжее и лучше отъ одной и той же коровы.

Въ большихъ городахъ иногда за большую цѣну невозможно получить хорошаго молока, поэтому всегда лучше заранѣе пріискать молочницу и уговориться съ нею, чтобы поставляла цѣльное не разбавленное молоко. Лѣтомъ молоко кипятятъ, чтобы лучше сохранить его; но такое молоко такъ измѣняется въ своихъ питательныхъ свойствахъ, что часто вредитъ ребенку. Лучше не кипятить его, а держать на холоду.

Давайте молоко изъ ложечки и выбирайте время, когда ребенокъ голоднѣе онъ охотнѣе будетъ брать его. Когда ребенокъ привыкнетъ къ молоку, прибавляйте въ него немного хорошаго сухаго (стараго) хлѣба, обданнаго кипяткомъ и отжатаго. Чѣмъ болѣе ребенокъ будетъ получать пищи, тѣмъ менѣе давайте ему груди; до тѣхъ поръ пока онъ совсѣмъ забудетъ объ ней. Такъ постепенно отнимать отъ груди лучше, чѣмъ вдругъ.

Когда ребенокъ отнятъ отъ груди, должно давать ему хлѣбъ и молоко или молочную овсянку около 7 или 8 часовъ и 11 — 12 часовъ утра; въ обѣдъ, около 3 часовъ, давайте какую-либо молочную кашку или хорошій бульонъ съ хлѣбомъ; хорошій бульонъ приготовляется такимъ образомъ: берутъ ½ ф. хорошаго мяса (или телятины), старательно очищаютъ отъ жиру, сухожилій, жилокъ и костей. Мясо

нарѣзываютъ затѣмъ на дюймовые ломтики и 12 часовъ намачиваютъ третьею частью воды, взятой для приготовленія бульона (полъ штофа воды). Потомъ мясо вынимаютъ изъ воды и въ продолженіе 3-хъ часовъ кипятятъ въ остальныхъ двухъ третяхъ воды, возстановляя постоянно опредѣленное количество воды, уносимой кипяченіемъ, прибавленіемъ новаго количества отъ времени до времени. Эту воду сливаютъ далѣе съ холоднымъ настоемъ на мясѣ.

Мясо отдѣльно высушиваютъ, толкутъ хорошенько въ ступѣ и прибавляютъ тоже къ жидкости. Если такой супъ приготовляютъ ежедневно, то можно брать мясо вчерашняго дня, легче высушивающееся. Затѣмъ, позднѣе, около 7 часовъ вечера опять хлѣбъ и молоко или кашку на молокѣ. Нѣкоторыя дѣти не нуждаются въ бульонѣ, другія же безъ него остаются слабы и вялы. Лучше всего придерживаться времени указаннаго нами для кормленія ребенка или по крайней мѣрѣ соблюдать четырехъ-часовые промежутки между пищею.

До полуторогодоваго возраста ребенка не слѣдуетъ кормить болѣе 4-хъ разъ въ сутки. На это рѣдко обращаютъ вниманіе; обыкновенно ребенокъ, начавши ходить, повсюду ходитъ за матерью и постоянно получаетъ, то кусочекъ пирога, то корку хлѣба, то то, то другое, и ѣстъ такимъ образомъ цѣлый день. Но, если желаете, чтобы ребенокъ былъ свѣжъ, крѣпокъ и здоровъ, то не давайте ему ничего, даже ни кусочка булки не въ свое опредѣленное время.

Послѣ 18 мѣсяцевъ совершенно достаточно, если ребенокъ будетъ получать пищу три раза въ день. На завтракъ и ужинъ хлѣбъ и молоко, или овсянку въ молокѣ. Хлѣбъ долженъ быть хорошъ и сухъ, отъ третьяго дня.

Хлѣбъ приготовляютъ такъ, что обдаютъ его кипяткомъ, отжимаютъ и потомъ уже кладутъ въ молоко вмѣстѣ съ маленькимъ кусочкомъ сахару. На обѣдъ хорошо давать разпаго рода похлебки, рисовую кашку, печеное яблоко и хлѣбъ. До двухъ лѣтъ не давайте ребенку мяса, рыбы, сладкихъ яблочныхъ пирожковъ и пироговъ, а также зелени и овощей. Для питья вода или молоко; чай, кофе, пиво, вино и все въ этомъ родѣ болѣе вредно ребенку и справедливо запрещается.

Кормленіе рожкомъ.

Если мать слаба или не можетъ кормить ребенка, то чѣмъ ранѣе начнется искусственное кормленіе, тѣмъ вѣрнѣе гибель ребенка. Развѣ, если ребенокъ особенно здоровенькій, молоко хорошо и уходъ за нимъ очень старательный, то вскармливаніе идетъ своимъ порядкомъ, и даже хорошо.

Первые три мѣсяца ребенокъ долженъ получать хорошее, свѣжее коровье молоко, подслащенное сахаромъ и на половину разбавленное теплою водою, такъ чтобы все было тепловато. Послѣ трехъ мѣсяцевъ, уменьшается колпчество воды, даже одно цѣльное молоко можно давать ребенку. Одной полной чайной ложечки сахару достаточно вполнѣ, чтобы подсластить одинъ штофъ молока и воды, или цѣльнаго молока. Конечно, подслащиваніе не должно дѣлать ранѣе того, какъ даете молоко ребенку, во избѣжаніе окисанія молока. Не надобно нагрѣвать молоко на огнѣ; если оно дается съ водою, то уже прибавленіе теплой воды дѣлаетъ его соотвѣтствующей температуры, а если дается цѣльное молоко, то лучше согрѣвать его, ставя рожокъ наполненный молокомъ въ теплую воду. Молоко должно быть вообще тепловатое.

Если окажется, что цѣльное молоко слишкомъ дорого для ребенка, то можно снять сливки по прошествіи двухъ, трехъ часовъ, и давать ребенку снятое. Покупать же снятое молоко для ребенка никогда не слѣдуетъ.

Когда прорѣжется четыре зуба можно прибѣгнуть и къ болѣе солидной пищѣ. Сухари хлѣбные и манная каша будутъ лучше всего въ это время. Сухари положить въ чашку, налить кипяткомъ и дать намокнуть въ теченіи 10 минутъ, затѣмъ воду слить, остатокъ сбить съ хорошимъ, свѣжимъ молокомъ.

Приготовленіе кашки такое: кладутъ столовую ложку крупы въ чашку, прибавляютъ воды мало по малу и смѣшиваютъ все хорошенечко до густоты жидкаго тѣста. Далѣе слѣдуетъ имѣть на готовѣ кипятокъ въ кострюлькѣ, изъ которой и прибавлять кипятку въ разжижаемую съ водою крупу; затѣмъ вся масса выливается въ кострюльку и кипятится ровно десять минутъ, при постоянномъ помѣшиваніи. Готовую пищу не должно оставлять долѣе одного дня, чтобы не портилась. Передъ употребленіемъ подсластите сахаромъ и примѣшайте хорошаго, свѣжаго молока, чтобы кашка была густоты сливокъ. Но эти прибавки слѣдуетъ всегда дѣлать за нѣсколько минутъ до ѣды. Кострюлька должна быть чиста и каша не должна быть оставляема въ ней на долго.

Стеклянная фляжка съ резиновымъ или даже стекляннымъ соскомъ есть самая удобная вещь, изъ которой можно давать молоко ребенку. При искуственномъ кормленіи надо соблюдать самую строжайшую чистоту. Послѣ каждаго раза кормленія надобно хорошенечко промыть фляжку холодною водою; хорошо набросать нѣсколько чайныхъ листиковъ въ фляжку и стряхивать до тѣхъ поръ, пока не останется никакихъ слѣдовъ молока. Тоже и резинковый сосокъ на-

добно промыть водою, обтереть щеточкою, и затѣмъ снова промыть водою. Необходимо имѣть сказанныя вещи въ трехъ экземплярахъ и заботливо вытирать послѣ каждаго раза кормленія, такъ какъ частички молока, оставаясь въ резинкѣ или на фляжкѣ, легко могутъ окислить молоко и повести за собою вѣтры въ животѣ ребенка, колики и другой вредъ.

Фляжку держутъ обыкновенно правою рукою и на столько наклоненно, чтобы шейка фляжки была бы наполнена пищею; иначе ребенокъ наглотается воздуха, отчего образуются вѣтры въ животѣ. Положеніе ребенку во время кормленія даютъ такое, какъ при кормленіи грудью, т. е. полулежачее, причемъ лѣвою рукою обхватываютъ туловище ребенка и подъ головою такъ, что ему и тепло, и удобно лежать.

Если пища дается изъ ложечки или блюдечка, ребенокъ не такъ хорошо питается, какъ если употребляется для сего фляжка, потому что актъ сосанія собираетъ во рту слюну, которая, смѣшанная съ пищею, дѣлаетъ ее лучше варимою.

Количество пищи должно быть соотвѣтственно возрасту и силамъ ребенка. Крѣпкому ребенку, отъ одного до трехъ мѣсяцевъ, не надобно болѣе какъ четверть пинты молока и воды за разъ, три четверти пинты есть уже самое большее количество. Ребенку отъ 3-хъ до 8 мѣсяцевъ должно давать то же приблизительно количество цѣльнаго молока. Особенно стараться не обремѣнять ребенка пищею. Матери думаютъ, что отъ большаго количества пищи ребенокъ дѣлается крѣпче; но напротивъ того, онъ только слабѣетъ и разстраиваетъ свой желудокъ. Отъ такого ухода погибаютъ тысячи дѣтей.

Если ребенокъ отворачивается отъ пищи, значитъ онъ поѣлъ достаточно, но иногда скопленіе вѣтровъ въ кишкахъ производитъ боли и ребенокъ отказывается отъ пищи прежде насыщенія. Въ такомъ случаѣ положите ребенка животикомъ на лѣвую руку или на колѣни и потрите спину его правою рукою; если сдѣлать это ловко и нѣжно, то ребенокъ освобождается отъ вѣтровъ и снова хорошо беретъ пищу. Если же и тогда ребенокъ отворачивается отъ пищи, то не принуждайте его, иначе принесете ему только вредъ.

Искуственно вскармливаемое дитя надобно кормить не чаще, какъ другому дается грудь; а если прорѣжутся первые четыре зуба, то кормите его такъ же часто, какъ другаго послѣ отнятія отъ груди.

Прорѣзываніе зубовъ.

Если уходъ за ребенкомъ плохъ, то онъ очень страдаетъ при прорѣзываніи зубовъ и нерѣдко имѣетъ припадки родимчика или кон-

вульсіи; здоровыя, хорошо вскармливаемыя, вообще мало страдаютъ при этомъ. Если ребенокъ дѣлаетъ зубы, онъ получаетъ менѣе пищи и ему позволяется пить воду такъ часто, какъ пожелаетъ, ничего нѣтъ лучше для прохлажденія его маленькаго горячаго рта и десенъ; и пищу надобно избирать по возможности жидкую. Замѣчено, что дѣти успокоиваются, если имъ даютъ какую-либо вещь въ ротъ для сосанія, какъ напр. кольцо изъ слоновой кости или фіалковый корень, вываренный въ молокѣ. Лучше, удобнѣе и нѣжнѣе для десенъ, давать кусочекъ резинки вырѣзанной крестомъ, такъ:

Сонъ.

Грудныя дѣти должны много спать, первое время ихъ жизни должно проходить въ ѣдѣ и во снѣ. Послѣ первыхъ двухъ мѣсяцевъ онѣ уже не требуютъ такого продолжительнаго сна, и до двухъ лѣтъ совершенно достаточно для нихъ одного или двухъ часовъ среди дня и 12 часовъ ночью.

Должно стараться укладывать ребенка постоянно въ одно и то же время дня, но если онъ не засыпаетъ въ опредѣленное время не слѣдуетъ давать ничего для произведенія сна. Всѣ такія вещества положительно ядовиты и вредны, и много дѣтей погибаетъ, если не обратятъ своевременно вниманія.

Не должно качать или носить на рукахъ дѣтей, чтобы они заснули, исключая если больны, и тогда только слегка баюкать на рукахъ или покачивать въ люлькѣ. Кромѣ вреда для здоровья ребенка качаніе на рукахъ и въ люлькѣ очень затруднительно для матерей.

Ребенокъ не долженъ спать ночью въ томъ одѣяніи, которое онъ имѣлъ на себѣ днемъ, такъ какъ оно пропитывается потомъ его кожи. Одѣяніе должно хорошенько вытрясти и повѣсить на стулѣ, чтобы оно могло провѣтриться и высохнуть за ночь и утромъ быть готовымъ для одѣванія.

Первые мѣсяцы ребенокъ долженъ имѣть на себѣ и ночью такое же одѣяніе какъ и днемъ, потомъ же ночной рубашечки и кофточки будетъ совершенно достаточно.

Всегда лучше, если ребенокъ спитъ отдѣльно отъ матери въ корзинѣ или въ люлькѣ, въ случаѣ холода или неудобства въ квартирѣ допускается спать ребенку съ матерью. Главное опасеніе въ такомъ случаѣ есть то, чтобы ребенокъ не скатился подъ покрывало и не

задохнулся бы, что случается если особа, спящая съ нимъ, имѣетъ очень крѣпкій сонъ.

Мѣшокъ, наполненный отрубями, сухимъ мохомъ, кокосовою мочалою, сѣномъ или конскимъ волосомъ, даетъ хорошую постель. Такая постель лучше перины и дешевле, такъ что даже бѣдная мать можетъ пріобрѣсть новую, если постель получитъ дурной запахъ. Зеленый, мягкій, длинный мохъ, который ростетъ на тѣнистыхъ берегахъ или на холмахъ есть самый лучшій сортъ для постелей. Собранный въ сухую погоду, осторожно очищенный и хорошо промытый высушивается на солнцѣ; когда же совершенно высохнетъ, то пучки моха раздѣляются и тогда онъ готовъ для употребленія. Очень хорошія подушечки могутъ быть приготовляемы изъ такого моха. Такъ какъ дѣти легко промачиваютъ свою постель, то надобно часто наполнять ее свѣжимъ матеріаломъ, чтобы она была суха и чиста. Какъ только ребенокъ взятъ изъ постели, всѣ одѣяла и пеленки надобно вынуть, вытрясти и повѣсить на стулѣ, такъ чтобы вмѣстѣ съ перевернутою постелью все провѣтрилось бы у открытаго окна. Надобно стараться не укрывать ребенка слишкомъ тепло и тяжело, такъ какъ первое располагаетъ его къ простудѣ, второе тяжестью своею мѣшаетъ свободному дыханію; особенно же слѣдить за тѣмъ, чтобы одѣяло не покрывало рта и носа ребенка.

Съ другой стороны ребенка надобно укрывать въ мѣру, чтобы ему было комфортно и тепло.

Заботливость объ этомъ есть главная вещь въ первое время жизни ребенка, такъ какъ половина времени ребенка проходитъ во снѣ, а потому комфортъ ему важенъ; кромѣ того, во время сна надобно слѣдить, чтобы ребенокъ не оставался бы открытымъ и чтобы одѣяніе его не сдвигалось на ротъ или носъ. Иногда какое либо насѣкомое можетъ помѣшать покою ребенка и тогда надобно пересмотрѣть его одежду.

Никогда не слѣдуетъ вдругъ пробуждать ребенка отъ сна и брать на руки; если приходится перемѣнить пеленки или одѣяніе, надобно дѣлать осторожно, безъ шума. Шумъ пугаетъ ребенка.

Не менѣе важно заботиться о чистотѣ воздуха и свѣжести его въ спальной ребенка. Напрасно думаютъ предохранить ребенка отъ простуды, сберегая его отъ свѣжаго воздуха и не заботясь о томъ, что часто во время купанья можетъ обхватить ребенка сквозной вѣтеръ или изъ окна продуть его. Все можно свести къ тому правилу, чѣмъ менѣе будете давать ребенку свѣжаго воздуха и чѣмъ менѣе обмывать его кожу водою, тѣмъ легче онъ можетъ схватить простуду. Указанія какъ вести ребенка будутъ даны въ слѣдующихъ статьяхъ: *дешевый докторъ* и о *пользѣ свѣжаго воздуха*.

О выходѣ со двора.

Лѣтомъ ребенка выносите на дворъ, если онъ имѣетъ уже три или четыре недѣли отъ роду; зимою не ранѣе пяти или шести недѣль. Въ свѣтлую, прекрасную погоду нельзя даже назначать, сколько времени ребенокъ можетъ быть на дворѣ. Для него, какъ и для растенія полнота и крѣпость сложенія, какъ равно и красота не мыслимы безъ свѣжаго, такъ сказать, живаго воздуха. Какъ растеніе лишенное чистаго, свѣжаго воздуха растетъ вяло и жидко; такъ и маленькія дѣти, осужденныя жить въ темныхъ, душныхъ домахъ, въ узкихъ улицахъ нашихъ большихъ, населенныхъ городовъ — имѣютъ блѣдный, старческій видъ и очень тоненькіе, худенькіе члены.

Приводятъ примѣры, что ребенокъ, котораго рожденіе хотѣли скрыть, воспитывался одинъ въ темной комнатѣ; онъ никого не видѣлъ, кромѣ тѣхъ, которые кормили его. И хотя съ нимъ обходились нѣжно и заботливо, изъ него вышелъ идіотъ. Понятно отсюда, что свѣтъ, особенно солнечный, необходимъ для того, чтобы ребенокъ былъ рѣзвъ, веселъ и уменъ. Но особенно берегите голову ребенка отъ слишкомъ рѣзкихъ лучей солнца въ жаркіе дни.

Часто матери посылаютъ ребенка на воздухъ, поручая его маленькимъ дѣвочкамъ, которыя едва могутъ держать его. Это вредно для обоихъ; такъ, что если мать сама не можетъ присмотрѣть, лучше ужь оставляйте ребенка дома. До шести мѣсяцевъ нельзя носить ребенка вертикально, надобно его носить на обѣихъ рукахъ въ томъ положеніи, какъ онъ лежитъ въ постели. Притомъ надобно перекладывать его съ одной руки на другую, каждыя десять минутъ, ибо если онъ будетъ на одной сторонѣ, то легко образуется косоглазіе. Для матери также вредно носить ребенка все на одной рукѣ по преимуществу, такъ какъ одна сторона тѣла болѣе утомляется и отъ большаго упражненія больше развивается. Отсюда происходятъ разныя искривленія позвоночнаго столба, о которыхъ мы будемъ говорить въ статьѣ объ искривленіи позвоночнаго столба.

Ребенка также не слѣдуетъ слишкомъ притискивать и прижимать во время ношенія, ибо его нѣжныя кости легко поддаются давленію и искривляются.

Хожденіе.

Часто говорятъ: надо ребенка учить ходить; но это несправедливо, потому что какъ только ножки его достаточно окрѣпнутъ, то онъ

можетъ подниматься и ходить безъ всякаго вреда. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, лучше предоставлять ребенка своимъ собственнымъ силамъ. Но это не удовлетворяетъ многихъ матерей, онѣ спѣшатъ увидѣть дѣтей своихъ ходящими и устроиваютъ разнаго рода помочи для хожденія, держутъ ребенка за руку и заставляютъ ходить, наконецъ пользуются различными болѣе или менѣе удачными приспособленіями, кресельцами и т. п. для хожденія. Результатомъ такого старанія со стороны матерей бываетъ большее или меньшее искривленіе ногъ или утолщеніе суставныхъ поверхностей ногъ.

Не надобно насиловать природу ребенка, заставляя его ходить, но за то доставлять ему всякую возможность для самостоятельныхъ движеній во все время его бдѣнія, безъ движенія его члены не будутъ крѣпки. Лучше всего устроить ребенка на полу, подложивъ толстый, мягкій коверъ, или большую въ два квадратныхъ аршина подушку; дайте ему мячь, мягкую куклу и онъ будетъ себѣ возиться, перебираться съ мѣста на мѣсто, вытягиваться и мало по малу приготовлять себя къ хожденію. Тюфякъ или подушка могутъ быть наполняемы тѣмъ же матеріаломъ какъ и постель и покрыты простымъ ситцемъ.

Можно жалѣть тѣхъ малютокъ, которыхъ пріучили къ постоянному няньчинью, потому что это вредитъ имъ и онѣ не имѣютъ покоя сами и не даютъ другимъ. Но, однако, и за ребенкомъ, забавляющимся на полу, необходимъ своего рода присмотръ, дабы онъ не схватилъ чего нибудь руками и не положилъ бы что либо вредное себѣ въ ротъ.

Въ теплую, сухую лѣтнюю погоду можно положить подушку на травѣ и дать полный просторъ движенію ребенка на чистомъ воздухѣ. Короче все время ребенка должно быть правильно распредѣлено между ѣдою, сномъ и движеніемъ. Движеніе всѣмъ приноситъ здоровье и жизнь, дѣтямъ тѣмъ болѣе.

Рѣчь.

Опытъ показалъ, что если родители хотятъ, чтобы ихъ дѣти научились говорить и говорили бы хорошо, то они должны дозволить дѣтямъ шумѣть сколько имъ угодно; это укрѣпляетъ легкія и благопріятствуетъ выговору. Дѣти не должны быть тихи, пусть себѣ веселятся, смѣются и кричатъ такъ громко, какъ только могутъ. Тихія, хорошія дѣти скоро уходятъ въ покойное мѣсто—въ могилу.

Нѣкоторыя дѣти начинаютъ говорить такъ быстро, что скоро и значительно устаютъ и начинаютъ задыхаться. Если это замѣчено, то не слѣдуетъ забавляться этимъ или смѣяться; напротивъ, прика-

зать говорить тише или на время замолчать, отдохнуть. Иначе это обратится въ привычку и повлечетъ за собою заиканіе.

Лѣкарства.

Многія матери очень любятъ давать своимъ дѣтямъ лѣкарства. Это дурное и вредное обыкновеніе, ибо, если ребенокъ не болѣнъ, лѣкарство можетъ только вредить его здоровью; а если ребенокъ болѣнъ, то никто лучше доктора не знаетъ, какое лѣкарство надобно ему.

Странно, — если у матери испортились часы, она несетъ ихъ къ часовщику, если образовалась дыра въ кострюлѣ отдаетъ ее мѣднику; и дѣлаетъ благоразумно, не зная того какъ надобно чистить или починить; иначе поступаютъ съ ребенкомъ, если ребенокъ заболѣлъ то сперва продѣлаютъ сами съ нимъ, что только имъ скажутъ или что слышали, а уже потомъ, когда часто ничего сдѣлать нельзя, идутъ къ доктору. Какъ будто бы лѣчить болѣзнь легче чѣмъ чистить часы или чинить посуду. Даже опытный докторъ, который всю свою жизнь изучаетъ болѣзни, часто скромно скажетъ, что многое еще въ организмѣ дитяти для него непонятно; а между тѣмъ матери бываютъ такъ рѣшительны, что считаютъ для себя доступнымъ и понятнымъ все. Не менѣе вредно дѣйствуетъ на дѣтей нерѣшительность и боязливость ихъ родителей при даваніи лѣкарства, такъ же какъ напугиваніе и изнѣженность. Тутъ врачъ бываетъ поставленъ въ такое положеніе, что при всемъ желаніи ничего не можетъ сдѣлать для ребенка.

Мы можемъ сказать, что лучше всего будетъ если бы матери поучились не на своихъ дѣтяхъ, а предварительно, какъ вести себя и дѣтей сообразно правиламъ и условіямъ гигіены, а лѣченіе дѣтей предоставили бы тѣмъ, кто спеціально занимается этимъ дѣломъ.

Замѣтьте, что если основательно руководить ребенка, онъ очень рѣдко бываетъ болѣнъ. Вѣдь по большей части онѣ рождаются крѣпкими, чтобы жить долго и если онѣ болѣютъ и умираютъ, то повѣрьте это происходитъ отъ нашего дурнаго ухода за ними; на тысячахъ надгробныхъ камней у дѣтей можно сдѣлать надпись: *погибли отъ незнанія.*

Врачь.

ЗАМѢТКА

по поводу школы пѣнія въ Вейсенфельдской Учительской Семинаріи близъ Лейпцига.

Каждый учебный предметъ науки или искуства, однажды введенный въ школьную программу, долженъ быть обязательнымъ для всѣхъ.

Хоровое пѣніе, какъ единственная удобная форма, служащая для изученія музыкальнаго искуства въ массѣ людей, находится въ числѣ школьныхъ занятій необязательныхъ. Пѣнію въ школахъ обучаются не всѣ, а только избранные ученики, одаренные отъ природы хорошимъ музыкальнымъ слухомъ и голосомъ, или, — получившіе предварительное музыкальное образованіе раньше. Изъ всѣхъ учениковъ немногіе занимаются пѣніемъ въ школѣ; прочіе отстраняются по причинѣ неразвитости музыкальныхъ способностей. Цѣль занятій заключается въ разучиваніи нѣсколькихъ напѣвовъ, преимущественно церковныхъ. О музыкальномъ образованіи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Отсутствіе педогогическаго веденія дѣла при самыхъ несложныхъ занятіяхъ проявляется рѣзко. И если добавить къ тому неумѣлость, которымъ руководятся иногда учителя при выборѣ сочиненій, непосильныхъ ни для пониманія, ни для исполненія учащихся, сочиненій, надъ разучиваніемъ которыхъ трудятся цѣлые мѣсяцы, то, понятно будетъ, къ какому результату приводятся такого рода занятія.

Не будемъ обвинять школу въ ея ошибочномъ взглядѣ на преподаваніе пѣнія, какъ предмета ей незнакомаго; и духъ времени, и недостатокъ хорошихъ учителей одинаково были причиною, почему оно до сихъ поръ обращало на себя мало вниманія и находилось въ числѣ занятій, не имѣвшихъ особаго значенія.

Приходится сказать, что въ настоящее время школа видимо стремится къ обобщенію преподаваемыхъ предметовъ, къ сближенію наукъ

съ искуствами, желая послѣднія ввести въ кругъ обязательныхъ и общедоступныхъ занятій.

Для достиженія правильнаго обученія хоровому пѣнію, какъ средства музыкальнаго образованія въ школѣ, требуются руководители опытные, владѣющіе въ возможномъ совершенствѣ своимъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ у насъ консерваторій и музыкальныхъ училищъ можно разсчитывать на увеличеніе числа молодыхъ музыкантовъ, которые, подъ руководствомъ педагоговъ или завѣдывающихъ школами, опытныхъ съ пріемами необходимыми для руководства при занятіяхъ съ массой людей, весьма скоро выработаются дѣльными преподавателями хороваго пѣнія.

Въ отношеніе преподаванія пѣнія школа должна поставить слѣдующія необходимыя условія. Обязательное пѣніе для всѣхъ учащихся; мальчикамъ, въ трехъ низшихъ классахъ, по той причинѣ, что съ 14 и 15-лѣтняго возраста они спадаютъ съ голоса, дѣвицамъ, во время всего пребыванія въ школѣ; хотя, въ строгомъ смыслѣ, и послѣднимъ пѣніе должно быть воспрещаемо въ извѣстный періодъ ихъ физическаго развитія.

Отъ пѣнія освобождаются страдающіе болѣзнями дыхательныхъ, горловыхъ и слуховыхъ органовъ, съ обязательствомъ присутствовать и заниматься теоретическою стороною пѣнія и музыки. Замѣтно отстающимъ, удѣляется нѣкоторое время отъ общаго класса для отдѣльныхъ занятій.

Правильное занятіе пѣніемъ начинается съ перваго младшаго класса.

Цѣль занятій младшаго класса состоитъ въ уравненіи музыкальныхъ способностей, въ образованіи музыкальнаго слуха и голоса и развитія музыкальнаго эстетическаго чувства посредствомъ обученія одноголосному пѣнію со слуха. Матеріаломъ для того служатъ свѣтскіе напѣвы, гаммы и другія упражненія.

Едва ли было бы удобно и своевременно пользоваться для подобныхъ начальныхъ упражненій церковными напѣвами.

Вмѣстѣ съ обученіемъ пѣнію по слуху ученики знакомятся съ нотами, практическое приложеніе которыхъ послѣдуетъ во второмъ классѣ.

Въ концѣ учебнаго года дѣлается ученикамъ испытаніе изъ пройденнаго въ классѣ пѣнія.

Оказавшіе успѣхи переводятся въ другой классъ, слабые остаются на второй годъ въ первомъ. Такое подраздѣленіе, не всегда согласующееся съ успѣхами учениковъ по другимъ научнымъ предметамъ, возможно только въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ время для пѣнія отведено

въ концѣ всѣхъ уроковъ, какъ въ училищахъ и въ мужскихъ гимназіяхъ, или повечерамъ, какъ въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Классы пѣнія, вошедшіе въ число кадровыхъ уроковъ, не представляютъ возможности такому подраздѣленію учениковъ. Здѣсь приходится имѣть дѣло съ составомъ учениковъ въ томъ видѣ, какъ онъ распредѣленъ для прочихъ учебныхъ занятій. Поэтому, при переводѣ въ другой классъ, согласно установленному общему правилу, по успѣхамъ научныхъ предметовъ, ученики остаются въ томъ-же составѣ и по предмету пѣнія.

Не оказавшіе успѣха ученики, не имѣющіе право собственно, при болѣе удобномъ расположеніи времени для уроковъ пѣнія, на переводъ въ другой классъ, продолжаютъ по прежнему пользоваться отдѣльными занятіями въ концѣ или промежуткѣ общаго класса, и ни въ какомъ случаѣ отъ класса пѣнія не освобождаются, не давая тѣмъ повода прочимъ ученикамъ уклоняться отъ него.

Со втораго класса начинается правильное обученія пѣнію по нотамъ; пѣніе по слуху одноголосное и двухголосное продолжается въ виду образованія музыкальнаго эстетическаго вкуса учащихся, тѣмъ болѣе, что обученіе пѣнію по нотамъ идетъ медленно и лишено вначалѣ художественнаго смысла. Въ этомъ случаѣ школа достигаетъ, или обязана достигать посредствомъ постепеннаго и систематическаго преподаванія слѣдующей цѣли: чтобы ученики въ состояніи были, по мѣрѣ продолжительности курса, усвоить умѣнье сознательнаго чтенія и пѣнія по нотамъ съ листа, безъ приготовленія. Вотъ полная и единственная задача школы относительно пѣнія. Это умѣнье, т. е. первоначальное изученіе музыкальной грамоты, подобное изученію букваря, открываетъ путь ученикамъ ко всей музыкальной литературѣ. Только съ такимъ, хотя небольшимъ, но положительнымъ знаніемъ можно развиваться и совершенствоваться далѣе, принимать со временемъ дѣятельное участіе въ существующихъ хорахъ и музыкальныхъ обществахъ, организовать новые подобные кружки и общества, удовлетворять своимъ музыкальнымъ эстетическимъ потребностямъ, а главное, сочувствовать и содѣйствовать дальнѣйшему развитію и процвѣтанію музыкальнаго искуства и распространенію его въ народѣ.

Обучаться пѣнію или музыкѣ позже школьнаго періода жизни, не посвятивъ себя заблаговременно спеціальному ихъ изученію, едва ли не окажется безполезнымъ, вѣрнѣе, безцѣльнымъ. Приходится снова затрачивать время въ ожиданіи тѣхъ результатовъ, которые достигаются правильнымъ изученіемъ пѣнія въ школѣ.

Высказанный въ общихъ чертахъ взглядъ на обученіе пѣнію въ школѣ я имѣлъ возможность съ нѣкоторымъ успѣхомъ примѣнить на

дѣлѣ. Но не довѣряя своимъ теоретическимъ воззрѣніямъ и пріемамъ преподаванія, выработаннымъ на опытѣ, я желалъ ихъ окончательно провѣрить, посредствомъ сравненія съ методами преподаванія другихъ учителей, болѣе меня трудившихся на этомъ поприщѣ.

При выборѣ я остановился на Германіи по двумъ причинамъ: во первыхъ, музыкальное искуство этой страны само по себѣ достигло апогея своего развитія и широко разрослось и вкоренилось въ народѣ; во вторыхъ, всевозможныя отрасли педагогики не только обратили на себя вниманіе, но и подверглись тщательной, разносторонней разработкѣ. По счастливому случаю относительно преподаванія пѣнія, съ музыкальной стороны, я познакомился по сочиненіямъ Маркса, и съ педагогической стороны, по сочиненіямъ Гентшеля. Марксъ, профессоръ Лейпцигской консерваторіи, умеръ въ 1866 году. Знаменитый музыкальный ученый. Относительно хороваго пѣнія укажу на замѣчательное, капитальное сочиненіе Маркса. „Volständige Chorschule D-r A. B. Marx. Leipzig. Breitkopf & Härtel. 1860".

Гентшель директоръ музыки при Вейсенфельдской учительской семинаріи (близъ Лейпцига), постоянный сотрудникъ педагогическихъ журналовъ „Wegweser'a", издававшагося Дистервегомъ, и „Pedagogischer Jahresbericht'a", издаваемаго и по настоящее время Любеномъ. Авторская дѣятельность Гентшеля относится къ выработкѣ методовъ преподаванія хоровому пѣнію, музыкѣ и ариѳметикѣ. Извѣстенъ также какъ составитель нѣсколькихъ сборниковъ пѣсенъ для употребленія въ семействахъ, школахъ и пѣвческихъ кружкахъ.

Пользуясь означенными необходимыми теоретическими свѣдѣніями, конечно изслѣдованными на практикѣ, и по мѣрѣ возможности примѣняя ихъ къ своимъ занятіямъ, я не былъ убѣжденъ въ правильномъ и точномъ веденіи дѣла съ моей стороны, такъ какъ о практическихъ результатахъ означенныхъ мастеровъ не имѣлъ опредѣленнаго, яснаго понятія.

Для послѣдней цѣли я рѣшился поѣхать въ Германію и познакомиться съ практической стороной преподаванія пѣнія въ школахъ. Мнѣ казалось, что если буду имѣть случай увидѣться съ Гентшелемъ, то онъ доставитъ возможность удовлетворить мое желаніе. Восторженные отзывы о его преподаваніи переданы мнѣ раньше очевидцами;—это меня болѣе побудило ѣхать прямо въ Вейсенфельдъ, къ Гентшелю.

Первый пріемъ его былъ сухъ и даже грубоватъ. Проходя по семинарскому саду къ зданію, я встрѣтилъ двухъ расходившихся мужчинъ: на одного изъ нихъ мнѣ указали Гентшеля, старичка лѣтъ 70, небольшаго роста, въ очкахъ съ шляпою одѣтою больше на заты-

локъ, мелкою, скорою походкою удалявшагося. Я поровнялся и поспѣшилъ представиться ему. Передо мной былъ старичекъ съ быстрыми еще глазами, съ живымъ взглядомъ, однако безъ зубовъ, судя по его углубившимся, порою, отъ привычки, при словѣ „ja, ja“ шамкавшимъ губамъ. На мою просьбу познакомиться съ его дѣломъ, послышался цѣлый рядъ фразъ, ясно высказывавшихъ различныя причины отказа. Положеніе было конфузливое, что вѣроятно краснорѣчиво выражала моя озадаченная фигура. Послѣ перваго впечатлѣнія я счелъ необходимымъ вразумить старика, что пріѣхалъ издалека, собственно къ нему, и что удалиться подъ впечатлѣніемъ его отказа больше чѣмъ прискорбно. Дѣло сладилось. Старикъ пригласилъ меня присутствовать черезъ-часъ при разучиваніи одного церковнаго сочиненія, назначеннаго къ слѣдующему дню для исполненія въ церкви.

Отказъ Гентшеля, мнѣ кажется можно объяснить тѣмъ, что ихъ семинарія аттакуется пріѣзжими со всѣхъ сторонъ. Наплывъ незванныхъ гостей бываетъ постоянный. Ясно, что учителей семинаріи утруждаютъ частые случаи быть на выставкѣ, съ другой стороны замедляющій ходъ дѣлъ; а самое главное, можетъ быть, тѣ пристрастные впослѣдствіи отзывы о нихъ, которые почтенные гости у себя дома распространяютъ, дѣлаютъ хозяевъ невольно нерасполагающими къ новымъ посѣтителямъ.

Гентшель находится въ Вейсенфельдской семинаріи около 50 лѣтъ, ему вѣроятно много приходилось имѣть дѣла съ посторонними посѣтителями. Отсюда вѣроятно и произошло его первое минутное нерасположеніе. Продолжаю мои впечатлѣнія въ семинаріи, при занятіяхъ пѣніемъ. Въ большомъ залѣ были собраны семинаристы трехъ курсовъ, въ числѣ 85 человѣкъ. Часть ихъ находилась въ заведеніи два съ четвертью года, вторая часть — годъ съ четвертью, и третья часть—четыре мѣсяца. Общій возрастъ можно опредѣлить отъ 16 до 22 лѣтъ. Теноры размѣстились шпалерой по лѣвую сторону зала, басы по правую, Гентшель за фортепіано, по срединѣ, впереди ихъ. Одна половина учениковъ стояла лицемъ къ другой и профилемъ къ учителю. Разучивался четырехголосный мотетъ, церковное сочиненіе на текстъ изъ псалма. Сначала проходилась одна часть сочиненія поголосно, затѣмъ голоса поочередно соединялись въ цѣлый хоръ. Было видно, что ученики читали ноты съ листа и читали превосходно, безъ особенныхъ ошибокъ. Окончательное объясненіе этому я выскажу ниже. Учитель въ особенности налегалъ на ясное правильное произношеніе словъ и на безукоризненную вѣрность исполненія тоновъ. Первое условіе вытекаетъ изъ той необходимости, что молодые люди, поступая въ семинарію изъ разныхъ провинцій, выносятъ

оттуда разныя особенности мѣстнаго говора, которыя не будучи исправляемы, образуютъ въ хорѣ неясность звуковыхъ сочетаній словъ. Кромѣ того, исправленіе провинціализмовъ поставлено въ непремѣнную обязанность семинаріи. Ученики семинаріи, поступая учителями въ народныя школы, въ свою очередь дѣйствуютъ на искорененіе особенностей мѣстнаго говора. Относительно втораго условія, правильнаго исполненія тоновъ, доказывается, что хоровымъ пѣніемъ въ семинаріи достигаются высокія художественныя цѣли, а не тотъ внѣшній мишурный блескъ, которымъ часто щеголяютъ наскоро составленные хоры; оно подготовляетъ къ жизни и къ музыкальной педагогической дѣятельности людей, прошедшихъ положительную, прочную школу хороваго пѣнія.

Послѣ разучиванія мотета, по частямъ въ три раза, приступили къ полному окончательному его исполненію, съ соблюденіемъ всѣхъ музыкальныхъ, художественныхъ условій. Общее исполненіе было превосходно, съ полнымъ музыкальнымъ вкусомъ. Мотетъ повторился три раза: съ аккомпаниментомъ фортепіано, затѣмъ органа, довольно большаго, помѣщеннаго къ стѣнѣ, и наконецъ, безъ аккомпанимента. Послѣднее выказало хорошее достоинство хора въ томъ отношеніи, что въ теченіи всей пьесы онъ не вышелъ изъ тона, т. е. не повысилъ и не понизилъ первоначальнаго строя.

Къ полному совершенству хора недоставало прочныхъ и сильныхъ верхнихъ и нижнихъ голосовъ. Можно сказать, что почти у двухъ третей учениковъ голосъ находился не въ совершенномъ развитіи, а въ цѣломъ хорѣ едва ли насчитается нѣсколько, одаренныхъ богатыми голосовыми средствами. Тѣмъ болѣе чести такому хору, въ которомъ участвуютъ не избранные по способностямъ, а цѣлая безразличная масса людей.

Нужно было видѣть Гентшеля при его занятіяхъ, передъ тѣмъ отговарпвавшагося старостью, болѣзнями его посѣтившими, и прочимъ, съ какимъ умѣньемъ и тактомъ велъ онъ свое дѣло. Это былъ мастеръ, увѣренно выработывавшій каждую отдѣльную часть огромнаго механизма. Наконецъ стало и жаль рьянаго старика: кровь прилила къ его лицу и пряди рѣдкихъ волосъ, зачесанныхъ съ лѣвой стороны его обнаженной головы на правую, разметались, и видно было, что духовныя силы его возбуждены въ сильной степени.

Далѣе Гентшель предложилъ хору спѣть разученную прежде пѣсенку, патріотическаго содержанія, и управленіе хоромъ поручилъ одному изъ семинаристовъ. Пѣли также превосходно, вполнѣ повинуясь, ловко и смѣло владѣющему своимъ дѣломъ, товарищу-дирижору. По окончаніи пѣсенки Гентшель разговорился любезно со мной и между

прочимъ объявилъ, что долженъ теперь читать лекцію изъ теоріи музыки (гармоніи) семинаристамъ, на которую меня не приглашаетъ, и вмѣсто этого предлагаетъ отправиться въ классъ мальчиковъ, гдѣ преподаваніе пѣнія возложено на одного изъ его бывшихъ учениковъ, учителя гимнастики.

Въ Вейсенфельдской учительской семинаріи, какъ и вообще въ Германіи, на одного преподавателя возложено преподаваніе нѣсколькихъ предметовъ. Учитель пѣнія, онъ же учитель и по другимъ какимъ-либо предметамъ. Гентшель учитель ариѳметики.

Сожалѣю, что мнѣ не удалось присутствовать въ классѣ теоріи музыки, было бы желательно ознакомиться съ пріемами его преподаванія въ томъ видѣ, какъ оно излагается цѣлой массѣ людей, обладающихъ разнообразными музыкальными способностями. Нѣтъ сомнѣнія, что преподаваніе теоріи музыки ведется въ Германіи на тѣхъ же разумныхъ, педагогическихъ началахъ, какъ и всякій учебный предметъ.

Старшій классъ образцовой школы при семинаріи, состоялъ изъ 35 до 40 мальчиковъ отъ 10 до 14-лѣтняго возраста. Занятіе состояло въ повтореніи разученныхъ напѣвовъ. Классная обстановка была обыкновенная, ученики размѣстились за классными столами, соблюдая порядокъ распредѣленія по голосамъ. Хоръ раздѣлился на части, каждую часть составляли ученики одного класснаго стола, исполняемая пѣсенка проводилась по частямъ; по указанію учителя она, безъ перерыва, подхватывалась частью хора, или однимъ ученикомъ. Передъ напѣвомъ точно такимъ же образомъ исполнялся и текстъ.

Ученики поютъ стоя, не сходя съ занимаемыхъ ими за классными столами мѣстъ. Для вокальныхъ упражненій такое положеніе признано удобнымъ; оно не препятствуетъ свободному дѣйствію грудныхъ и дыхательныхъ органовъ и способствуетъ правильному образованію музыкальнаго звука. При прочихъ занятіяхъ теоретическихъ или объясненіяхъ, ученики сидятъ. Такой пріемъ важенъ въ томъ смыслѣ, что не заставляетъ учениковъ находиться въ продолженіи цѣлаго класса въ одномъ положеніи; хорошая школа пользуется всѣми средствами для поддержанія въ ученикахъ бодраго настроенія.

Матеріалъ для занятій пѣніемъ составляли хоралы, церковные напѣвы и свѣтскіе, патріотическаго и другихъ содержаній, по выбору и по смыслу подходящіе къ характеру дѣтскаго возраста. Преимущественно избирались напѣвы одноголосные и двухголосные, трехголосные рѣдко входятъ въ составъ дѣтскаго пѣнія. Находятъ, что голосовыя средства дѣтскихъ хоровъ, весьма ограниченныя по объему,

не способны къ удовлетворительному выполненію многоголосныхъ сочиненій. Гентшель полагаетъ удобнымъ въ школѣ только двухголосное пѣніе, въ которомъ находится уже натуральное раздѣленіе голосовъ на дискантовъ и альтовъ. Характеръ и выработка голосовъ мальчиковъ были вполнѣ удовлетворительны. Напѣвы исполнялись свѣжими, свѣтлыми, даже яркими голосами, съ нѣкоторымъ горловымъ оттѣнкомъ, характеризующимъ вообще національное нѣмецкое пѣніе. Части хора и отдѣльные ученики, не стѣсняясь, свободно подхватывали и продолжали напѣвъ до слѣдующаго указанія учителя. Эта бойкость и умѣлость учениковъ доказываетъ на сколько правильно и серьезно ведется пѣніе и какое строгое отношеніе къ себѣ оно въ нихъ внушило. Присутствіе и развитіе полнаго вниманія въ занятіяхъ проявлялись въ каждой чертѣ учениковъ.

Текстъ напѣвовъ читался хоромъ и отдѣльными учениками въ опредѣленномъ размѣрѣ стихосложенія, звучными голосами, при отчетливомъ ясномъ произношеніи словъ. Этимъ занятіемъ достигается, правильное умѣнье владѣть въ должномъ совершенствѣ технической стороною роднаго языка.

Продѣлываемое въ настоящемъ классѣ относилось къ обученію пѣнію по слуху, съ указаніемъ, по возможности, всѣхъ тѣхъ методическихъ пріемовъ, которыми приходится руководствоваться при подобныхъ занятіяхъ. Къ концу урока подоспѣлъ Гентшель. Подъ его личнымъ руководствомъ ученики продѣлали нѣсколько нотныхъ упражненій.

Между ними находились разнообразныя ритмическія упражненія и упражненія въ чтеніи нотъ съ листа. Все исполнялось со списаннаго Гентшелемъ на нотной доскѣ. Успѣхъ былъ очевидный и несомнѣнный. Ложное проявилось-бы при упражненіяхъ непосильно-трудныхъ для учениковъ. Упражненіе въ интервалахъ тоновъ производилось по диктовкѣ, по цифрамъ. Такъ, напримѣръ: учитель диктуетъ *разъ*, ученики поютъ „*до*“; два—*ре*; *четыре—фа; шесть—ля* и т. д. Мнѣ кажется, было бы проще диктовать прямо названіе тоновъ (не предлагая музыкальнаго звука) безъ лишней помощи цифръ. По этому поводу я впослѣдствіи обратился къ Гентшелю съ запросомъ, въ какой мѣрѣ и для какихъ цѣлей онъ пользуется цифрами. Оказалось, что цифрами пользуются только для начальныхъ упражненій въ интервалахъ тоновъ, собственно, для разсчитыванія ступеней тоновъ, составляющихъ интервалъ, и съ другой стороны, чтобы дать понятіе ученикамъ о цифирномъ методѣ обученія пѣнію, для сравненія и, можетъ быть для выбора со временемъ передъ нотнымъ шрифтомъ.

На мой вопросъ: идетъ-ли обученіе по цифрамъ далѣе? Гентшель

отвѣчалъ: „что въ жизни ученикамъ не придется пѣть по цифрамъ, ибо таковой музыкальной литературы не существуетъ". „По моему, продолжалъ онъ, пусть каждый обучаетъ съ успѣхомъ по какому угодно методу. Я избавляю себя отъ двойнаго труда обучать сначала по цифрамъ, чтобы снова переучивать одно и тоже по нотамъ".

Здѣсь у мѣста будетъ помѣстить анекдотъ, случившійся на самомъ дѣлѣ. Одинъ мой пріятель присутствовалъ однажды при торжествѣ одного закрытаго женскаго учебнаго заведенія. По окончаніи всѣхъ оффиціальныхъ обрядовъ, приглашенные гости попросили по обыкновенію воспитанницъ спѣть, на что послѣдовало съ ихъ стороны, со стороны ученицъ, любезное согласіе и нѣсколько хоровыхъ сочиненій, были исполнены весьма порядочно, т. е. говоря строго, по возможности ласкали ухо. За пѣснями послѣдовали, по предложенію начальства, желавшаго выказать музыкальныя познанія своихъ питомицъ, сольфеджіо, которыя точно также исполнялись вполнѣ удовлетворительно. Мой пріятель увѣрялъ, что нигдѣ не встрѣчалъ такого бойкаго чтенія нотъ. Я промолчалъ. Спустя нѣкоторое время учителемъ пѣнія въ означенное учебное заведеніе поступилъ мой товарищъ. Въ первый визитъ его ему предложили вышесказанное. Онъ взялся за дѣло иначе: спросилъ, знаютъ-ли воспитанницы ноты, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, предложилъ имъ, выписаннымъ на доскѣ, нѣсколько нотъ. Хоръ безмолвствовалъ. Оказалось, что все это было заученное по слуху. Въ такомъ родѣ разсуждаютъ и о превосходствѣ цифирнаго метода. Послѣдній безспорно имѣетъ свои хорошія и слабыя стороны, какъ и всякій можетъ быть другой методъ, но слѣдуетъ его предварительно испытать на дѣлѣ, дать отчетъ на практикѣ и результатахъ, выяснить его превосходство надъ другими методами и тогда уже не голословно заявлять громко о немъ. Мнѣ извѣстны люди съ большимъ музыкальнымъ образованіемъ, ратующіе за распространеніе цифирнаго метода, защищающіе его только на словахъ, а на дѣлѣ не имѣвшіе случая съ нимъ познакомиться. Идея и практика двѣ вещи далеко неодинаковыя.

Возвращаюсь къ семинаріи. Вышесказаннымъ упражненіемъ, закончилъ Гентшель свои занятія, послѣ чего предложилъ мальчикамъ читать молитву по окончаніи классовъ. Сложивъ по обыкновенію съ благоговѣніемъ руки, дѣти хоромъ прочитали молитву, ровно, отчетливо, въ тактъ. Какъ ни была хорошо прочитана молитва, но произвела на меня непріятное впечатлѣніе. Было что-то не религіозное, холодное въ этомъ чтеніи. Если не ошибаюсь, лютеранскія молитвы написаны метрическими стихами, отчего, можетъ быть, они и считаются удобными для чтенія цѣлымъ хоромъ. Во всякомъ случаѣ чте-

ніе одного изъ учениковъ проще чтенія хоромъ и удобнѣе долгаго распѣванія молитвъ.

Въ заключеніе Гентшель пригласилъ меня на слѣдующее утро побывать въ другихъ школахъ и предстоящій вечеръ провести у него. Въ бесѣдѣ съ нимъ я познакомился со многими неизвѣстными до того мнѣ учебниками по преподаванію пѣнію, цѣлыми грудами разложенными передо мной.

Здѣсь-же имѣлъ возможность предлагать Гентшелю вопросы, относившіеся къ области музыкальной педагогики. Гентшель несловоохотливъ, но при всемъ томъ давалъ мнѣ краткія, положительныя объясненія, соотвѣтствовавшія и моимъ взглядамъ относительно обученія пѣнію въ школахъ. Между ними я конечно познакомился и съ неизвѣстными до того мнѣ новыми идеями.

Мнѣнія Гентшеля объ обученіи пѣнію въ школахъ были высказаны въ слѣдующей формѣ: 1) пѣніе должно быть обязательнымъ для всѣхъ учащихся; 2) школа обязана достигать посредствомъ пѣнія развитія физическихъ способностей въ дѣтяхъ; какъ-то: музыкальнаго слуха, голоса, ритмическаго и тональнаго чувства, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ дальнѣйшаго изученія музыкальнаго искуства и художественное выполненіе его произведеній; 3) конечною цѣлью въ школѣ ставится чтеніе и пѣніе нотъ съ листа, изученіе которыхъ достигается посредствомъ систематически и постепенно расположенныхъ упражненій; 4) необходимыя свѣдѣнія изъ элементарной теоріи музыки излагаются соотвѣтственно практической программѣ пѣнія.

Всѣ означенныя условія включены въ программу обученія пѣнію въ низшихъ и среднихъ Германскихъ школахъ.

На слѣдующій день Гентшель поручилъ меня другому изъ своихъ бывшихъ учениковъ, руководившему классомъ, состоявшимъ изъ 35 до 40 дѣвицъ отъ 10 до 15-лѣтняго возраста. Я засталъ въ классѣ разучиваніе по нотамъ трехголоснаго канона (напѣвъ буквально повторяющагося при опредѣленномъ разновременномъ вступленіи каждымъ голосомъ). При объясненіи метода преподаванія и успѣха въ этомъ классѣ приходится повторять то, что было сказано о классѣ мальчиковъ; и школа, и направленіе, и характеръ вытекали изъ одного источника, отличаясь, можетъ быть, въ незначительныхъ частностяхъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ натуры того или другаго учителя. Характеръ пѣнія класса дѣвицъ былъ нѣжнѣе, мягче пѣнія класса мальчиковъ, и въ тоже время не уступалъ послѣднему ни въ правильности исполненія напѣвовъ, ни въ ясномъ произношеніи словъ, ни въ другихъ предлагавшихся условіяхъ.

Въ концѣ урока подоспѣвшій Гентшель пригласилъ меня въ дру-

гое учебное заведеніе, въ приготовительное или просеминарію, помѣщавшуюся въ другомъ отдѣльномъ зданіи, по близости отъ главной семинаріи.

Въ просеминарію, состоящую изъ старшаго и младшаго отдѣленія, въ числѣ 80 учениковъ, поступаютъ молодые люди, получившіе образованіе въ городскихъ или высшихъ народныхъ школахъ. Младшее отдѣленіе, состоявшее изъ учениковъ отъ 15-лѣтняго возраста и старше, музыкальная подготовка которыхъ заключается въ умѣньи читать и пѣть по нотамъ простѣйшіе напѣвы и въ познаніяхъ необходимѣйшихъ элементарныхъ свѣдѣній изъ теоріи музыки, продолжаетъ заниматься по этимъ предметамъ по установленной для просеминаріи программѣ. Цѣль занятій настоящаго урока въ младшемъ отдѣленіи просеминаріи заключалась въ слѣдующемъ: разучивался одноголосный напѣвъ по нотамъ, съ листа, предложенный выписаннымъ на нотной доскѣ. Напѣвъ преднамѣренно былъ выбранъ незнакомый. При таковыхъ положительныхъ пріемахъ, которыми управлялъ Гентшель, разучиваніе напѣва продолжалось не болѣе десяти минутъ, въ продолженіе которыхъ имѣлась возможность предложить каждому ученику отдѣльно спѣть его по частямъ или отъ начала до конца. Затѣмъ поочередно многіе ученики сопровождали хору, исполнявшему разученный напѣвъ на скрипкѣ. (Обученіе на скрипкѣ, пѣнію, теоріи музыкѣ, на фортепіано считается въ просеминаріи обязательнымъ для всѣхъ). Дальнѣйшія упражненія съ учениками заключались въ исполненіи гаммъ, въ интервалахъ тоновъ, ритмическихъ задачъ. Предлагались и теоретическіе вопросы, на отвѣты которыхъ ученики наводились посредствомъ разнообразныхъ пріемовъ учителя, ознакомливавшихъ ихъ съ предметомъ разсужденія со всѣхъ сторонъ.

Въ старшемъ отдѣленіи Гентшель предложилъ исполнить разученный трехголосный хоръ. Пѣніе было весьма стройное и порядочное. Упражненія, продѣлываемыя старшимъ отдѣленіемъ, доказывали успѣхъ и значительный шагъ впередъ относительно младшаго отдѣленія.

Старшимъ классомъ просеминаріи закончилось мое посѣщеніе Вейсенфельдской учительской семинаріи. Болѣе утруждать Гентшеля,— усердно и нѣсколько торопливо, по случаю ожидавшихъ его дѣлъ, знакомившаго меня со всѣмъ тѣмъ, что считалъ болѣе важнымъ и необходимымъ,—я находилъ невозможнымъ. Въ сущности желаніе мое было удовлетворено по возможности вполнѣ. Въ лицѣ Гентшеля я познакомился съ замѣчательно рѣдкимъ и достойнымъ музыкальнымъ педагогомъ; въ лицѣ его учениковъ—съ дѣятельными проводниками музыкальнаго образованія въ народѣ; въ виду образцовой школы мальчиковъ и дѣвицъ, я познакомился съ самимъ дѣломъ пѣнія, въ томъ

смыслѣ, какъ оно на раціональныхъ основаніяхъ должно быть преподаваемо въ школахъ.

Приходилось наконецъ разстаться съ Гентшелемъ. Онъ видимо былъ уже расположенъ ко мнѣ и въ эту минуту казался растроганнымъ. „Не забудьте, сказалъ онъ при прощаньи, пожимая мою руку, меня на вашей далекой родинѣ“ (Vergessen Sie mich nicht in ihren veiten Vaterland).

Еще раньше, въ разговорахъ съ нимъ, на его невольное сѣтованіе, о трудности дѣла преподаванія пѣнія, о борьбѣ по этому случаю съ разнообразными мелочными интригами и дрязгами, я сказалъ, что результаты его трудовъ и скорбей не пропали безслѣдно; его имя извѣстно и уважаемо уже въ Россіи. „Этимъ вы сказали мнѣ большую пріятность“, проговорилъ тихимъ голосомъ съ чувствомъ Гентшель.

Изъ Вейсенфельда я уѣхалъ подъ вліяніемъ мпротворнаго впечатлѣнія. Я видѣлъ человѣка, скромно трудившагося цѣлую жизнь на благородномъ педагогическомъ поприщѣ, въ пользу народнаго образованія.

Въ заключеніе еще нѣсколько словъ объ учительской семинаріи:

При систематическомъ проведеніи курса пѣнія въ продолженіи двухъ лѣтъ въ просемпаріи ученики пріобрѣтаютъ надлежащее умѣнье въ чтеніи и пѣніи нотъ съ листа, безъ приготовленія. Не маловажнымъ пособіемъ для того служитъ изученіе игры на скрипкѣ и фортепіано и занятія теоріей музыки. На основаніи такихъ данныхъ становится вѣроятнымъ фактъ, почему чтеніе нотъ въ семпаріи идетъ свободно и безъ фальши, т. е. безъ предварительной долбяжки на память, въ чемъ (какъ было сказано выше) я убѣдился, присутствуя при разучиваніи четырехголоснаго мотета. Въ продолженіе пяти-лѣтняго курса, двухъ въ просеминаріи и трехъ въ семпаріи, ученики проходятъ весьма достаточную и основательную школу пѣнія и музыки, способную образовать достойныхъ учителей для народныхъ школъ по этимъ предметамъ.

Учитель народной школы, онъ же и контръ-органистъ, обязанъ образовать церковные хоры, руководить ихъ и во время богослуженія сопровождать пѣніе игрою на церковномъ органѣ. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства семинарія въ особенности налегаетъ на изученіе игры на фортепіано, какъ начальнаго пособія, ведущаго непосредственно къ изученію игры на органѣ.

Выписываю распредѣленіе занятій пѣніемъ и музыкой въ Вейсенфельдской учительской семинаріи.

Пѣніе въ трехъ соединенныхъ классахъ по три урока въ недѣлю.

Въ третьемъ (младшемъ) классѣ.

Игра на фортепіано.
Игра на органѣ. } по одному уроку въ недѣлю.

Во второмъ классѣ.

Игра на фортепіано.
Игра на органѣ. } по одному уроку въ недѣлю.

Въ первомъ классѣ.

Игра на органѣ по два урока.

Игра на скрипкѣ во всѣхъ классахъ, разсчитанныхъ по способностямъ учениковъ на отдѣлы, по два урока въ недѣлю.

Теорія музыки.

Въ третьемъ классѣ по два урока въ недѣлю. Во второмъ и первомъ классѣ отдѣльно по одному уроку въ недѣлю.

Ходъ занятій и общую программу музыки и пѣнія я въ настоящей статьѣ не помѣщаю.

Для практическаго примѣненія пріобрѣтенныхъ познаній къ методикѣ преподаванія, ученики отсылаются въ находящіяся при семинаріи школы.

Школы эти слѣдующія: a) образцовая школа въ числѣ 360 учащихся мальчиковъ и дѣвицъ; b) школа для бѣдныхъ въ числѣ 48 учащихся; c) институтъ глухо-нѣмыхъ въ числѣ 50 учащихся.

Личный составъ учащихъ.

Въ семинаріи полагается одинъ директоръ (онъ-же преподаватель), и второй, третій и четвертый преподаватели.

Въ институтѣ глухонѣмыхъ—инспекторъ и три преподавателя.

Въ образцовой школѣ шесть преподавателей безплатно. Въ прогимназіи два учителя.

Н. Брянскій.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ШВЕЦІИ.

Въ послѣдніе годы Швеція все болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе людей, серьезно интересующихся вопросами образованія массъ народа. Энергія правительственной и частной дѣятельности, цѣлесообразность распоряженій, сходство климатическихъ условій и наконецъ условія столь же рѣдкаго разсѣленія жителей, какъ и у насъ, даютъ возможность предполагать, что нашимъ земствамъ и вообще дѣятелямъ по народному образованію будетъ не безъинтересно ознакомиться съ положеніемъ дѣла у нашей сосѣдки, поставившей свою школу, въ сравнительно короткое время, при обязательномъ обученіи, внѣ мертвящаго формализма. Съ этою цѣлію на первый разъ я представляю читателямъ переводъ брошюры подъ заглавіемъ Popular Instruction, изданной правительствомъ въ Стокгольмѣ въ 1871 году на англійскомъ языкѣ, по поводу Лондонской нынѣшняго года выставки, оставляя до будущаго обзоръ самой школы, бывшей на выставкѣ со всѣми ея учебными пособіями и удерживаясь отъ всякихъ выводовъ, по этой брошюрѣ. Цифры говорятъ лучше словъ.

Юл. Симашко.

ШВЕЦІЯ.

НАРОДНОЕ ОБУЧЕНІЕ.

ОТЧЕТЪ О НАРОДНОМЪ ОБУЧЕНІИ ВЪ ШВЕЦІИ.

Законъ о народномъ обученіи въ Швеціи, съ небольшими измѣненіями дѣйствующій и до настоящаго времени, обнародованъ 18-го іюня 1842 года и его главнѣйшія положенія суть слѣдующія:

Въ каждомъ приходѣ должна быть одна постоянная школа съ учителемъ, имѣющимъ дипломъ нормальной школы. (Учительской Семинаріи).

Если по недостатку денегъ или по другимъ обстоятельствамъ, постоянная школа не можетъ быть устроена, то временно ученіе можетъ производиться въ подвижныхъ школахъ, съ однимъ или нѣсколькими учителями, имѣющими дипломъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дѣти живутъ такъ далеко отъ школъ, что имъ затруднительно по-

сѣщать ихъ, должны быть устроены приготовительныя школы, въ которыхъ учителя могутъ быть и безъ дипломовъ.

Въ каждомъ приходѣ, вообще составляющемъ учебный округъ, долженъ быть избираемъ училищный совѣтъ.

Училищный совѣтъ, въ которомъ предсѣдательствуетъ приходскій пасторъ, имѣетъ надзоръ за всѣмъ касающимся обученія въ школахъ, составляетъ для нихъ правила, утверждаемыя епископомъ и главою епархіи.

Народныя или элементарныя школы устраиваются и содержатся приходомъ, съ нѣкоторымъ пособіемъ отъ государства.

Содержаніе, имѣющаго дипломъ учителя элементарной школы, не должно быть менѣе 400 шведскихъ рейхсталеровъ, т. е. около 142 рублей (Шведскій рейхст.= 35,424 коп.), квартиры, отопленія, корма для коровы и земли подъ огородъ и садъ, послѣдній, какъ для нуждъ самаго учителя, такъ и для обученія уходу за деревьями.

Отъ учителя элементарной школы требуется—выдержать экзаменъ въ нормальной школѣ и такой учитель избирается приходомъ изъ трехъ кандидатовъ, предлагаемыхъ училищнымъ совѣтомъ.

Предметы, преподаваемые въ народной или элементарной школѣ, суть слѣдующіе:

Законъ Божій, шведскій языкъ, ариѳметика и геометрія, исторія и географія, естественная исторія, чистописаніе, рисованіе, пѣніе, гимнастика и фехтованіе, садоводство и посадка деревьевъ.

Обученіе даровое, но приходъ имѣетъ право требовать небольшую плату за каждаго не бѣднаго ребенка, если это необходимо для поддержки школы; однако приходъ весьма рѣдко пользуется этимъ правомъ.

Всѣ дѣти, достигшія извѣстнаго возраста, должны поступать въ школу, исключая тѣхъ, которыхъ родители и опекуны удостовѣряютъ, что ихъ дѣти учатся въ публичной коллегіи, дома или въ частной школѣ.

Получающіе домашнее образованіе должны подвергаться ежегодному экзамену въ элементарной школѣ съ тою цѣлью, чтобы училищный совѣтъ могъ судить, соотвѣтствуетъ ли домашнее образованіе своимъ объемомъ курсу проходимому въ школахъ. Дѣти, родители и опекуны которые не имѣютъ средствъ платить за содержаніе и одежду дѣтей въ школѣ, должны быть освобождены отъ платы приходомъ.

Тѣ дѣти, которыя черезъ дальность разстоянія или въ холодное время года не могутъ посѣщать школы ежедневно, выучившись читать, могутъ приходить въ школу только разъ или два въ недѣлю, однакоже съ условіемъ, что ихъ родители и опекуны извѣстны своею

нравственностью и способностью учить дѣтей или помогать ихъ образованію.

Каждый глава семейства долженъ наблюдать, чтобы дѣти его служителей и подчиненныхъ не оставались безъ необходимаго образованія.

Если родственники или опекуны не слѣдуютъ предписаніямъ, даннымъ относительно хожденія ихъ дѣтей въ школу, то дѣти могутъ быть отняты у родителей и отданы на попеченіе другихъ лицъ.

Викарій каждаго прихода долженъ дважды въ годъ объявлять списокъ дѣтей, достигшихъ въ послѣднее полугодіе школьнаго возраста.

Передъ выходомъ изъ школы дѣти держатъ экзаменъ, чтобъ показать успѣхъ, сдѣланный ими во время пребыванія ихъ въ школѣ.

Элементарныя школы бываютъ открыты восемь мѣсяцевъ въ году и обученіе въ нихъ продолжается пять дней въ недѣлю и шесть часовъ въ день.

Частныя школы должны быть тоже подъ надзоромъ учплищнаго совѣта и если кто нибудь желаетъ открыть подобную школу, то долженъ обратиться съ просьбой къ учплищному совѣту, который не можетъ отказать въ разрѣшеніи, съ условіемъ, что лицо, желающее открыть школу, имѣетъ добрый характеръ и выказало себя способнымъ къ преподаванію.

Епископъ и глава епархіи долженъ наблюдать за обученіемъ народа и для надзора за школами должны быть различные инспектора въ каждой епархій.

Слѣдующій отчетъ покажетъ, какъ успѣваютъ школы при дѣйствіи этого закона.

Число дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста.

На основаніи вышеприведеннаго закона объ элементарныхъ школахъ, предоставлено каждому приходу и каждому училищному совѣту опредѣлять, какихъ лѣтъ дѣти должны поступать въ школу. Въ виду этого законодательство предписываетъ только, что дѣти не должны поступать въ школу позже девяти лѣтъ. Школьный возрастъ бываетъ различенъ въ различныхъ приходахъ, но обыкновенно бываетъ отъ 7—14 лѣтъ. Въ 1868 году, когда число жителей всего королевства достигло до 4,173,080, то число дѣтей отъ 7 до 14-лѣтняго возраста равнялось 714,765; но число дѣтей школьнаго возраста ограничивалось 679,128 или 16% всего населенія, какъ это будетъ видно въ первой изъ прилагаемыхъ таблицъ. Разница въ различныхъ епархіяхъ показана ниже.

Таблица, показывающая процентное содержаніе между дѣтьми школьнаго возраста и населеніемъ въ каждой епархіи за 1865 и 1868 года.

ЕПАРХІИ.	1865 г.	1868 г.
Стокгольмъ	—	13
Упсала	15	15
Линкепингъ	13	15
Скара	16	16
Стренгнесъ	14	15
Вестерасъ	16	17
Вексіо	16	17
Лундъ	16	16
Гетеборгъ	16	17
Кальмаръ	18	17
Карльштадъ	19	20
Гернезандъ	16	17
Висби	14	14
Во всемъ королевствѣ	15	16

Процентное отношеніе между числомъ дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста и числомъ дѣтей, посѣщающихъ элементарныя и приготовительныя школы въ цѣломъ королевствѣ равнялось 76% въ 1865 году и 77% въ 1868 году. Если къ этому числу прибавить число дѣтей, посѣщающихъ другія школы или учащихся дома, то оно будетъ равняться 97% изъ всего числа дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста.

Таблица, показывающая процентное отношеніе между числомъ дѣтей, посѣщающихъ школы и числомъ дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста въ каждой епархіи за 1865 и 1868 годы.

ЕПАРХІИ.	1865 г.	1868 г.
Стокгольмъ	—	35
Упсала	76	77
Линкепингъ	74	76
Скара	71	75
Стренгнесъ	76	78
Вестерасъ	81	83
Вексіо	91	91
Лундъ	84	84
Гетеборгъ	77	79
Кальмаръ	63	69
Карльштадъ	82	83
Гернезандъ	49	50
Висби	79	81
Во всемъ королевствѣ	76	77

Постоянныя и подвижныя элементарныя школы; число дѣтей, посѣщающихъ тѣ и другія.

Элементарныя школы (folkskolan) въ Швеціи, какъ вышеупомянуто, дѣлятся на два главные разряда: постоянныя школы (den fasta folkskolan) и подвижныя школы (den flyttande folkskolan); мѣстныя затрудненія были причиной тому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ постоянныя школы не могли быть устроены. Однако число постоянныхъ школъ возрастаетъ, такъ что въ 1868 году, когда всѣхъ приходовъ было 2,500, число постоянныхъ школъ дошло до 2303. Въ тѣ мѣста, гдѣ лѣса, горы или озера препятствовали устройству постоянныхъ школъ, просвѣщеніе проникало посредствомъ подвижныхъ школъ, которыя постепенно мѣнялись въ постоянныя. Въ 1865 году число подвижныхъ школъ было 1,247, т. е. составляло 36% всего числа элементарныхъ школъ, а въ 1868 году это число понизилось до 1,206 или до 34% всѣхъ элементарныхъ школъ, между тѣмъ, какъ число постоянныхъ школъ съ 2,197 дошло до 2,303.

Въ 1868 году, когда число постоянныхъ и подвижныхъ школъ достигло до 3,509, въ этомъ числѣ, какъ выше упомянуто, было 2,303 или 66% постоянныхъ школъ и 1,206 или 34%—подвижныхъ школъ; число дѣтей учившихся въ тѣхъ и другихъ дошло до 357,955, въ томъ числѣ 200,339 училось въ постоянныхъ школахъ, а 157,616 въ подвижныхъ. Слѣдовательно на 100 учащихся въ постоянныхъ школахъ приходится 75 учащихся въ подвижныхъ. Между тѣмъ число школъ постоянныхъ относилось къ числу школъ подвижныхъ въ томъ же году, какъ 100 къ 52, это показываетъ, что число учащихся въ подвижныхъ школахъ, относительно гораздо значительнѣе, чѣмъ въ постоянныхъ школахъ. Въ теченіи 1868 года въ каждой постоянной школѣ было около 87 учениковъ и въ каждой подвижной 131. Совершенно естественно, что подвижныя школы, при помощи которыхъ обученіе производится въ различныхъ мѣстахъ въ теченіе одного года, обучаютъ большое количество дѣтей, но за то время ученія въ этихъ школахъ менѣе продолжительно. Разсматривая отношенія между числомъ школъ обоего рода въ различныхъ епархіяхъ, легко замѣтить, что между числомъ тѣхъ и другихъ есть значительная разница въ различныхъ частяхъ королевства. Это будетъ видно изъ слѣдующей таблицы, а также и число школъ.

ЕПАРХІИ.	Число школъ.			Число дѣтей, учащихся			Всего.
	Постоянн. элементарн. школъ.	Подвижныхъ элементарн. школъ.	Приготовительныхъ школъ.	Въ Постоян. элементарн. школахъ.	Въ Подвижн. элементарн. школахъ.	Въ Приготов. школахъ.	
Стокгольмъ	145	—	—	6063	—	—	6063
Упсала	286	108	258	23243	8347	9747	41337
Линкепингъ . . .	185	152	237	16651	16597	9177	42425
Скара	209	60	238	23495	7585	11246	42326
Стренгнесъ	203	60	187	17914	6654	7409	31977
Вестерасъ	175	62	590	14340	6625	23510	44476
Векcіо	44	157	320	4154	24183	16977	45314
Лундъ	609	68	517	56629	9282	24385	90286
Гетеборгъ	201	142	403	18090	19022	23596	60708
Кальмаръ	53	34	94	5878	5327	6451	17656
Карльштадъ . . .	22	238	301	2355	41425	17641	61421
Гернезандъ	97	140	245	6765	12312	11524	30601
Висби	74	4	20	4782	256	928	5956
Итого .	2303	1206	3410	200339	157616	162591	520546

Въ епархіи Висби число подвижныхъ школъ составляетъ только 5% постоянныхъ, а въ епархіи Линкепингъ оно достигаетъ 82% постоянныхъ школъ. Въ епархіяхъ Векcіо, Карлштадъ и Гернезандъ больше подвижныхъ, чѣмъ постоянныхъ школъ, т. е. въ Гернезандѣ вдвое, въ Векcіо—болѣе чѣмъ втрое и въ Карльштадѣ—болѣе чѣмъ въ десять разъ.

Въ другихъ епархіяхъ число подвижныхъ школъ относительно постоянныхъ слѣдующее:

Лундъ. 11%
Скара. 28%
Стренгнасъ. . . . 29%
Вестерасъ 35%
Упсала 40%
Кальмаръ 64%
Гетеборгъ. 70%

Изъ этого видно, что подвижныя школы устроиваются преимущественно въ провинціяхъ, покрытыхъ лѣсами, горами и озерами.

Число дѣтей, обучаемыхъ въ подвижныхъ школахъ, составляетъ ниже приведенный процентъ числа дѣтей, обучаемыхъ въ постоянныхъ школахъ, а именно:

Въ епархіи Висби. 5%
„ „ Лундъ 16%
„ „ Скара 32%
„ „ Упсала 36%

Въ епархіи Стренгнасъ. . . . 37%
„ „ Вестерасъ 46%
„ „ Линкепингъ . . . 99%

Число дѣтей, обучаемыхъ въ постоянныхъ школахъ, составляетъ относительно дѣтей, обучаемыхъ въ подвижныхъ школахъ, слѣдующій процентъ:

Въ епархіи Карльштадъ . . . 6%
„ „ Вексіо 17%
„ „ Гернезандъ. . . . 55%
„ „ Гетеборгъ 95%

Во всемъ королевствѣ число дѣтей, обучаемыхъ въ подвижныхъ школахъ составляетъ 97% числа, обучаемыхъ въ постоянныхъ школахъ.

Еще существуетъ третій родъ школъ для народа, называемыхъ высшими элементарными школами (högre folkskolor). Эти школы устроены съ цѣлью облегчить дальнѣйшее образованіе ученикамъ, бывшимъ уже въ элементарной школѣ. Высшія элементарныя школы находятся въ первоначальномъ періодѣ своего развитія и ихъ всего десять.

Приготовительныя школы.

Приготовительныя школы устроены главнымъ образомъ съ цѣлью давать дѣтямъ безплодныхъ и гористыхъ мѣстностей первоначальное образованіе такъ близко отъ дома, какъ возможно, пока болѣе способныя и ближе живущія дѣти поступятъ въ элементарную школу. Въ 1868 году приготовительныхъ школъ во всемъ королевствѣ было 3,410.

Въ нижепоименованныхъ епархіяхъ было больше приготовительныхъ школъ, нежели элементарныхъ и послѣднія составляли слѣдующій процентъ относительно первыхъ.

Въ епархіи Вестерасъ 40%
„ „ Вексіо 63%
„ „ Готеборгъ 85%
„ „ Карльштадъ . . . 86%
„ „ Гернезандъ. . . . 89%
„ „ Кальмаръ. 93%

Въ слѣдующихъ епархіяхъ отношеніе было обратное, такъ что приготовительныя школы составляли слѣдующій процентъ элементарныхъ школъ:

Въ епархіи Скара. 88%
„ „ Лундъ 75%
„ „ Стренгнасъ. . . . 71%
„ „ Линкепингъ. . . . 70%
„ „ Упсала 66%
„ „ Висби 26%

Всѣхъ дѣтей, посѣщавшихъ приготовительныя школы въ 1868 году было 162,581. Значитъ въ томъ же году всѣхъ дѣтей, учившихся въ различныхъ школахъ было:

Въ постоянныхъ элементарныхъ школахъ	200,389	или	39%
„ подвижныхъ „ „	157,616	„	30%
„ приготовительныхъ „ „	162,591	„	31%
Итого . . .	520,546		

Обучавшіеся въ приготовительныхъ школахъ, составляли 45% учившихся въ элементарныхъ. Въ епархіи Вестерасъ было больше учащихся въ приготовительныхъ школахъ, чѣмъ въ элементарныхъ, но въ другихъ епархіяхъ наоборотъ, именно учащіеся въ приготовительныхъ школахъ, составляли слѣдующій процентъ:

Въ епархіи	Гетебергъ	64%
„ „	Векcіо	60%
„ „	Гернезандъ	60%
„ „	Кальмаръ	58%
„ „	Карльштадъ . . .	40%
„ „	Лундъ	37%
„ „	Скара	36%
„ „	Упсала	31%
„ „	Стренгнесъ	30%
„ „	Линкепингъ	28%
„ „	Висби	18%

Сравненіе числа дѣтей, получающихъ образованіе въ школахъ, дома и остающихся совсѣмъ безъ образованія за предъидущіе и послѣдніе годы.

Съ 1840 года число школъ постоянно возрастало, а число учениковъ возрастало еще болѣе. Съ того года до 1868, число школъ среднимъ числомъ возросло на 6%, а число учениковъ на 13%.

Съ 1850 по 1859 годъ число дѣтей, учащихся въ элементарныхъ школахъ, составляло 60% всего числа дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста, но послѣ этого года къ этому прибавились еще дѣти, учащіяся въ приготовительныхъ школахъ и тогда составилось 77%.

Въ 1868 году число дѣтей, учащихся въ элементарныхъ и приготовительныхъ школахъ, какъ прежде упомянуто, дошло до 520,546

Дѣтей, учащихся въ общественныхъ или частныхъ школахъ.	42,298
„ „ дома	99,243
Всего . . .	662,087

что составляетъ 97% всего числа дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста, т. е. изъ всего числа дѣтей, достигшихъ школьнаго возраста только 3% по болѣзнямъ или другимъ причинамъ были лишены образованія.

Разстояніе школъ.

Когда число элементарныхъ школъ увеличивается, естественно, что для многихъ дѣтей разстояніе отъ школъ уменьшается. Въ двухъ послѣднихъ столбцахъ ниже приведенной таблицы показывается число дѣтей, которымъ въ 1868 году приходилось ходить въ школу дальше 1/4 (2 1/2 рус. верстъ) и дальше 1/2 (5 рус. верстъ) шведской мили; сравнивая эти числа съ отчетомъ 1865 года видно, что произошли значительныя улучшенія въ этомъ отношеніи.

Въ 1865 году 81% всего числа дѣтей въ элементарныхъ и приготовительныхъ школахъ жило ближе 1/4 мили отъ школы, 4% болѣе четверти и менѣе половины и 15% болѣе половины. Въ 1868 году, 83% изъ всего числа дѣтей жило ближе четверти мили къ школѣ 13% дальше четверти и ближе половины и только 4% изъ всѣхъ учениковъ жило дальше полумили. Въ различныхъ епархіяхъ были слѣдующія отношенія: въ Лундской епархіи 92% изъ всего числа дѣтей жило ближе четверти мили, 7% дальше четверти и меньше половины и 1% дальше полумили. Въ епархіи Гернезандъ 79% жило ближе четверти мили, 10% дальше четверти и ближе полумили и 11% дальше полумили.

ЕПАРХІИ.	Процентъ дѣтей, учащихся въ элементарныхъ и приготовительныхъ школахъ и живущихъ въ разстояніи отъ школы.					
	Менѣе 1/4 мили.		Болѣе 1/4 мили и менѣе 1/2.		Болѣе 1/2 мили.	
	1865.	1868.	1865.	1868.	1865.	1868.
Упсала	81	81	04	15	15	04
Линкепингъ	74	75	06	19	20	06
Скара	77	78	04	18	19	04
Стренгнесъ	74	76	06	19	20	05
Вестерасъ	83	84	05	12	12	04
Векcіо	86	78	05	18	19	04
Лундъ	92	92	01	07	07	01
Гетеборгъ	85	85	08	11	12	04
Кальмаръ	85	84	02	14	13	02
Карльштадъ	81	84	04	13	15	03
Гернезандъ	75	79	11	10	14	11
Висби	75	76	05	19	21	05
Въ цѣломъ королевствѣ	81	83	04	13	15	04

Число учителей и учительницъ.

Въ 1868 году въ элементарныхъ школахъ было:

учителей	3,354
учительницъ. . . .	408
Въ приготовительныхъ школахъ:	
учителей	1,676
учительницъ. . . .	1,707
Итого. . .	7,145

Съ 1865 года число учителей и учительницъ возросло въ элементарныхъ школахъ на 24%, въ приготовительныхъ на 29%.

Число учительницъ въ теченіи этого года возросло въ элементарныхъ и приготовительныхъ школахъ на 46%; между тѣмъ, какъ число учителей въ элементарныхъ школахъ возросло всего на 2%, а въ приготовительныхъ на 11% съ 1855 года.

Если за это время число учительницъ увеличилось въ элементарныхъ школахъ, то въ приготовительныхъ оно увеличилось еще болѣе. Въ послѣднихъ въ 1868 году въ первый разъ оказалось учительницъ больше, чѣмъ учителей.

Въ 1865 году въ элементарныхъ школахъ на 94% учителей приходилось 6% учительницъ, а въ 1868 году на 92% учителей — 8% учительницъ. Въ приготовительныхъ школахъ въ 1865 году число учительницъ дошло до 44% всего числа, а въ 1868 году до 53%; между тѣмъ, какъ число учителей дошло только до 47%. Эти среднія числа выведены для всего королевства изъ отдѣльныхъ цифръ для каждой епархіи, что можно видѣть на слѣдующей таблицѣ.

ЕПАРХІИ.	Процентное отношеніе между числомъ учителей и учительницъ.			
	Элементарныя школы.		Приготовительныя школы.	
	Учителя.	Учительницы.	Учителя.	Учительницы.
Стокгольмъ	18	82	—	—
Упсала	89	11	56	44
Линкепингъ	86	14	30	70
Скара	91	09	47	53
Вестерасъ	93	07	68	32
Векcіо	96	04	37	63
Лундъ	83	17	62	38
Гетеборгъ	88	12	26	74
Кальмаръ	99	01	51	49
Карльштадъ	95	05	41	59
Гернезандъ	97	03	65	35
Висби	98	02	45	55
Во всемъ королевствѣ.	92	08	47	53

Число экзаменованныхъ учителей и учительницъ значительно возрасло въ послѣдній годъ.

Въ 1865 году на 100 учителей 87 и на 100 учительницъ 36 были экзаменованы, а въ 1868 году процентъ экзаменованныхъ учителей возросъ до 89, а экзаменованныхъ учительницъ до 49.

ЕПАРХІИ.	Процентное отношеніе между числомъ экзаменованныхъ и не экзаменованныхъ учителей и учительницъ въ элементарныхъ школахъ.							
	Учителя.				Учительницы.			
	1865.		1868		1865.		1868.	
	Экзаменованные.	Неэкзаменованные.	Экзаменованные.	Неэкзаменованные.	Экзаменованныя.	Неэкзаменованныя.	Экзаменованныя.	Неэкзаменованныя.
Упсала	71	29	81	19	29	71	36	64
Линкепингъ	79	21	79	21	45	55	48	52
Скара	91	09	90	10	50	50	42	58
Стренгнесъ	84	16	93	07	31	69	63	37
Вестерасъ	83	17	92	08	56	44	75	25
Векcіо	88	12	96	04	83	17	25	75
Лундъ	93	07	89	11	30	70	44	56
Гетеборгъ	91	09	92	08	19	81	61	39
Кальмаръ	95	05	93	07	75	25	100	—
Карльштадъ	97	03	94	06	50	50	38	62
Гернезандъ	85	15	85	15	33	67	29	71
Висби	96	04	99	01	—	100	—	100
Въ цѣломъ королевствѣ	87	13	89	11	36	64	49	51

Вознагражденіе учителямъ.

По закону 18-го іюня 1842 года и уставу 11-го декабря 1863 года, экзаменованный учитель, служащій восемь мѣсяцевъ въ году долженъ получать по крайней мѣрѣ не менѣе 400 рейхсталеровъ (142 руб.) въ годъ, включая сюда и восемь бочекъ жита натурою. Кромѣ того, приходъ обязанъ доставить каждому учителю квартиру, отопленіе, кормъ для коровы *), мѣсто подъ огородъ, какъ для нуждъ самаго учителя, такъ и для обученія дѣтей садоводству и посадкѣ деревьевъ. Изъ этихъ 400 рейхсталеровъ приходъ уплачиваетъ половину, а государство другую. Если бы приходъ захотѣлъ возвысить плату учителю до 500 рейхсталеровъ (177 рублей), государство обѣщаетъ уплачивать все-таки половину, какъ вышеупомянуто.

Экзаменованныя учительницы должны получать такое же вознагражденіе, какъ и учителя.

Вознагражденіе, получаемое учителями въ городахъ простирается

*) Или вмѣсто корма для коровы—5 бочекъ хлѣба.

среднимъ числомъ отъ 1,000 до 1,500 рейхсталеровъ (отъ 354 до 431 рубля), не включая сюда квартиру и другіе вышеупомянутые доходы. Въ восмистахъ приходахъ учителя имѣютъ еще помощниковъ, которые получаютъ въ годъ по крайней мѣрѣ 50 бочекъ хлѣба, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ священники бываютъ учителями и получаютъ тогда плату больше обыкновенной учительской.

Согласно указу отъ 29-го декабря 1860 года, учителя элементарныхъ школъ, служащіе больше восьми мѣсяцевъ въ году, должны получать по двѣ бочки хлѣба за каждый лишній мѣсяцъ.

Экзаменованный учитель элементарной школы, достигшій 60 лѣтъ и прослужившій 30 лѣтъ, получаетъ три четверти своего ежегоднаго дохода, какъ пожизненный пенсіонъ. Пенсіоны получаются также на нѣкоторыхъ условіяхъ и послѣ 25-лѣтней службы, только съ нѣкоторымъ вычетомъ для пенсіонныхъ суммъ.

Согласно уставу 29-го сентября, 1853 года, вознагражденіе учителямъ приготовительныхъ школъ должно назначаться главами семействъ того округа, гдѣ устраивается школа, и училищнымъ совѣтомъ. Учителямъ приготовительныхъ школъ тоже обязаны доставлять квартиру, кромѣ жалованья.

Предметы преподаванія въ школахъ.

Предметы, преподаваемые въ элементарныхъ школахъ суть:

Законъ Божій. Преподаваніе этого предмета за послѣдній годъ значительно улучшилось; оно начинается съ библейской исторіи изустными разсказами по картинамъ для самыхъ маленькихъ дѣтей. Маленькій катехизисъ Лютера изучается очень заботливо, съ ссылками на Библію, многіе стихи которой учатся наизустъ.

Шведскій языкъ. Большое вниманіе обращается на чтеніе вслухъ; во многихъ школахъ чтеніе идетъ поперемѣнно съ письменными упражненіями; такъ что дѣти одновременно учатся читать и писать. Дѣти часто упражняются въ орфографіи и ихъ учатъ не только плавно читать, но и понимать прочитанное, такъ что они могутъ передать своими словами смыслъ прочитаннаго. Повсюду также упражняютъ дѣтей въ выраженіи письменно своихъ мыслей.

Ариѳметика и геометрія. Въ послѣдніе годы сдѣланъ былъ значительный успѣхъ въ преподаваніи ариѳметики. Въ большей части округовъ обученіе ариѳметикѣ шло поперемѣнно съ начальнымъ обученіемъ чтенію и письму; но въ настоящее время преподаваніе этого предмета значительно улучшилось и ведется болѣе практическимъ способомъ. Изустная ариѳметика стала болѣе общей и во многихъ

школахъ дѣти считаютъ весьма легко. Число дѣтей, обучающихся ариѳметикѣ, также значительно возросло и на основаніи послѣднихъ отчетовъ инспекторовъ это число достигло до 162,524, что составляетъ 80% числа всѣхъ дѣтей, находящихся въ настоящее время въ вѣдѣніи этихъ инспекторовъ. Чтобы облегчить преподаваніе ариѳметики, употребляются маленькіе шарики, а также таблица шведскихъ мѣръ, монетъ и вѣсовъ.

Геометрія въ настоящее время преподается въ немногихъ школахъ. Она изучается практически, посредствомъ измѣренія и вычисленія простѣйшихъ фигуръ. Введеніемъ стереометрическихъ фигуръ этотъ предметъ пріобрѣлъ большой интересъ. Въ 1868 году 45,729 дѣтей училось геометріи.

Исторія и географія. Въ теченіе 1868 года число дѣтей, учившихся этимъ предметамъ, дошло до 154,868. Обученіе обнимаетъ собою главнымъ образомъ исторію и географію Швеціи, не упуская изъ виду и другія страны, преимущественно Европейскія. При преподаваніи географіи употребляются ландкарты и департаментъ народнаго просвѣщенія издалъ карты Скандинавіи, Палестины и Европы, кромѣ земныхъ глобусовъ.

Естественная исторія. Въ теченіе 1868 года число дѣтей, подвѣдомственныхъ инспекціи и обучавшихся этому предмету, дошло до 59,160, что составляетъ 30% всего числа. Ежегодно преподаваніе дѣлается болѣе общимъ; посредствомъ примѣненія физическихъ аппаратовъ и коллекціи растеній, минераловъ и другихъ естественныхъ предметовъ возбужденъ общій интересъ къ этой наукѣ.

Чистописаніе. Въ послѣдній годъ число дѣтей, учащихся писать, значительно возрасло, такъ что при послѣдней инспекціи не только всѣ дѣти учились писать, но у нѣкоторыхъ былъ даже очень хорошій почеркъ. Департаментъ народнаго просвѣщенія издалъ образцовыя прописи, которыя каждый ученикъ можетъ пріобрѣсть очень дешево.

Рисованіе. Рисованію учатъ только въ немногихъ мѣстахъ, но такъ какъ этотъ предметъ въ послѣдніе годы возбудилъ общій интересъ, то несомнѣнно, что его будутъ преподавать во многихъ школахъ. Департаментъ народнаго просвѣщенія снабжаетъ школы большими образцовыми рисунками, которые вѣшаются по стѣнамъ.

Пѣніе. Пѣнію учатъ теперь въ большой части школъ и болѣе соотвѣтственнымъ способомъ. Съ 1865 года число дѣтей, обучавшихся пѣнію, возрасло съ 200,000 до 250,000. Въ городахъ и въ нѣкоторыхъ деревняхъ, гдѣ учители не въ состояніи сами учить пѣнію, берутся особые преподаватели этого предмета. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ, очень немногихъ мѣстахъ, употребляется методъ Сольфа.

Гимнастика и фехтованіе. На основаніи отчета училищныхъ совѣтовъ въ 1865 году число дѣтей, учившихся гимнастикѣ было 125,054, а въ 1868 году это число возросло до 164,436. Гимнастика введена теперь въ большую часть элементарныхъ школъ и фехтованіе дѣлается все болѣе и болѣе употребительнымъ. Фехтованіе еще не вездѣ введено, потому что не всякій учитель способенъ преподавать этотъ предметъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и по недостатку оружій. Но постоянно возрастающее убѣжденіе въ полезности этого предмета, преодолѣваетъ это препятствіе. Постоянно представляются случаи старшимъ учителямъ изучать гимнастику, для того, чтобы потомъ они могли сами преподавать этотъ предметъ другимъ. Книга, изданная департаментомъ народнаго просвѣщенія, подъ заглавіемъ „Гимнастическія и Фехтовальныя упражненія“ еще болѣе распространила эту отрасль преподаванія.

Садоводство. Садоводство было вообще предметомъ наиболѣе пренебрегаемымъ въ элементарныхъ школахъ. Въ большинствѣ округовъ садоводство сдѣлало небольшіе успѣхи; въ другихъ округахъ оно начало подвигаться впередъ и 2,078 школъ имѣли свои участки для садовъ. Недостатку хорошихъ учителей помогли теперь тѣмъ, что обязали каждаго учителя изучать садоводство передъ выходомъ изъ нормальной школы. Въ 1868 году 25,612 дѣтей учились садоводству и посадкѣ деревьевъ.

Въ случаѣ, если по какимъ нибудь причинамъ дитя не можетъ оставаться въ школѣ такъ долго, чтобъ изучать всѣ вышеупомянутые предметы, то оно можетъ выйдти изъ школы съ тѣмъ однако, что оно по крайней мѣрѣ выучится хорошо читать, писать, четыремъ правиламъ ариѳметики, а также будетъ знать курсъ Закона Божія и библейской исторіи необходимой для конфирмаціи.

Расходы на образованіе народа.

Такъ какъ элементарная школа есть общинное учрежденіе, то каждый приходъ долженъ былъ самъ содержать свою элементарную школу; но съ 1842 года, когда былъ изданъ новый законъ, разрѣшено было выдавать субсидію отъ правительства для поддержки школъ, но только на нѣкоторыхъ условіяхъ.

Главнѣйшая поддержка, сдѣланная въ это время для народнаго образованія была—общая подать, такъ называемый *школьный налогъ* (folkskoleafgift), которую каждый плательщикъ долженъ былъ уплачивать за себя и за свое семейство. Эта подать взималась на томъ основаніи, что каждый членъ общины, способный работать, долженъ платить что-нибудь для образованія бѣдныхъ дѣтей.

Кромѣ этого налога, поддержка отъ правительства школамъ состояла въ слѣдующемъ: уплата половины жалованья учителямъ приготовительныхъ и элементарныхъ школъ; помощь высшимъ элементарнымъ школамъ; помощь бѣднымъ приходамъ; снабженіе школъ учебными пособіями.

Согласно съ общимъ правиломъ, что сами общины должны на себѣ нести главнѣйшіе расходы по содержанію школъ, правительство помогаетъ съ условіемъ, что приходъ платитъ школамъ сумму равную вышеупомянутому школьному налогу (folkskoleafgift), кромѣ того приходъ долженъ уплачивать опредѣленную часть всѣхъ другихъ издержекъ, а именно: когда правительство дастъ двѣ трети на высшія элементарныя школы, приходъ платитъ одну треть. Правительство уплачиваетъ одну половину учительскаго жалованья, приходъ другую; и для приготовительныхъ школъ правительство платитъ треть, а приходъ двѣ трети расходовъ. Правительство принимаетъ на себя расходы по образованію учителей и на плату инспекторовъ. Слѣдующая таблица подъ № 4 показываетъ сумму издержекъ на школы правительства и приходовъ въ 1868 году. Самый большой расходъ идетъ на жалованье учителямъ; плата деньгами учителямъ элементарныхъ школъ доходитъ . . . . . 1,398,527 рейхст. 96 оръ.
кормъ для коровъ. . . . . 190,146 „ 66 „
отопленіе. . . . . 157,880 „ 68 „

Итого. . . . 1,746,555 рейхст. 29 оръ.
(или около 619,049 рублей).

Доходъ учителей приготовительныхъ школъ деньгами и натурою доходитъ до—788,295 рейх. (около 279,245 руб.) или немного меньше половины денежнаго вознагражденія, получаемаго учителями элементарныхъ школъ. Слѣдовательно весь расходъ на плату учителямъ доходитъ до—2,534,851 рейх. 6 оръ (898,345 руб.). Изъ этой суммы
приходы платятъ. . . . . 1,711,051 рейхст. 31 оръ.
и кромѣ этого приходы платятъ на поддержку школьныхъ зданій . . . . 279,789 „ 49 „
расходъ на учебныя пособія. . . . 138,875 „ 99 „

Итого . . . 2,129,716 рейхст. 79 оръ.
(754,430 руб.).

Въ томъ же году расходъ правительства на первоначальное обученіе былъ:

Нормальныя школы для приготовленія учителей. 138,000 рейх.
Расходъ на инспекторовъ . . . . . 40,000 „
Школьный налогъ (folkskoleafgift) . . . . . 632,703 „

На поддержку высшихъ элементар. школъ . .	10,000	рейх.
Прибавка для жалованья экзамен. учителямъ .	150,000	„
Прибавка къ жалованью учител. приготов. школъ.	150,000	„
Помощь бѣднымъ приходамъ	20,000	„
Изданіе книгъ, картъ, дѣланіе инструмент. . .	10,000	„
Случайная помощь	27,500	„
На пансіонъ *) учителямъ элемент. школъ . .	30,000	„
Всего	1,208,203	рейх.
	(428054	рубл.).
Если къ этому прибавить издержки приходовъ	2,129,716	рейх. 79 оръ.
то всего будетъ	3,337,919	рейх. 79 оръ.
	(1,242,414	рубл.).

Если эту сумму раздѣлить на 4,173,080 жителей королевства, то прійдется по 80 оръ или около 28½ коп. на каждаго человѣка.

Съ 1865 года расходъ на обученіе народа возросъ на 14%, между тѣмъ какъ число плательщиковъ налога и жителей возросло только на 1%.

Въ 1865 году зданій для школъ, принадлежавшихъ приходамъ было 3,346 и въ 1868 году оно возросло на 19%, т. е. дошло до 3,976; изъ этого числа 2,096 школъ имѣло свою собственную землю для обработки. Въ томъ же году доходъ съ частныхъ пожертвованій простирался до 125,354 рейхст. 76 оръ или около 44,666 рубл. и къ концу этого года общій балансъ школьной кассы для всѣхъ приходовъ былъ 1,857,723 рейх. 65 оръ (658,080 рублей).

Инспекція школъ.

Съ 1861 года инспектора были приглашены правительствомъ посѣщать школы и наблюдать за преподаваніемъ. Инспектора выбираются министромъ народнаго просвѣщенія, обыкновенно срокомъ на три года.

Всѣхъ инспекторовъ въ настоящее время 49, именно: 8 въ епархіи Гернезандѣ, по 7 въ Упсалѣ и Лундѣ, 5 въ Гетеборгѣ, по 4 въ епархіяхъ Линкепингъ, Скара, Вестерасъ и Вексіо, 3 для Стренгнаса и по одному въ Карльштадѣ, Висби и Кальмарѣ. Правила для ин-

*) Государство дало разомъ 198,080 рейх. (около 70,000 руб.) для пенсіона учителямъ и къ этому прибавляется каждый годъ 30,000 рейх. (10,500 р.). между тѣмъ какъ приходъ платитъ 4% съ жалованья каждаго экзаменованнаго учителя.

спекторовъ изданы министерскимъ департаментомъ. Ихъ обязанности наблюдать за школьнымъ преподаваніемъ въ своемъ округѣ, какъ можно тщательнѣе собирать свѣдѣнія о положеніи школъ и если онѣ нуждаются въ чемъ нибудь, то давать знать объ этомъ училищному совѣту, а также направлять учителей и давать имъ совѣты. Инспекторъ обязанъ давать ежегодный отчетъ о школахъ главѣ епархіи и каждый третій годъ министру. Въ отчетѣ министру инспекторъ даетъ свѣдѣнія о развитіи школъ и о состояніи каждой. Отчеты о школахъ, дѣлаемые черезъ каждые три года, печаются на счетъ правительства и разсылаются въ училищные совѣты всего коротевства. Правительство ежегодно даетъ 40,000 реих., т. е. 141,696 рубл. на вознагражденіе инспекторовъ и на ихъ путевыя издержки.

Нормальныя школы. (Учительская Семинарія).

Въ Швеціи 9 нормальныхъ школъ (folkskolelärare seminarier), устроенныхъ для приготовленія учителей и учительницъ элементарныхъ школъ; мужскихъ нормальныхъ школъ—7, женскихъ—2. Въ 1868 году учащихся въ нихъ было 743, изъ этого числа 576 мужчинъ и 167 женщинъ.

Въ нормальной школѣ три класса, младшій считается первымъ; ученики обыкновенно остаются по году въ каждомъ. Для практическаго пріученія учениковъ къ преподаванію при каждой нормальной школѣ устроена элементарная.

Нормальныя школы находятся подъ надзоромъ епископовъ, а инспектируетъ ихъ начальникъ департамента въ министерствѣ народнаго образованія, завѣдывающій дѣлами первоначальныхъ школъ. Предметы, преподаваемые въ нормальныхъ школахъ, слѣдующіе: Законъ Божій, шведскій языкъ, исторія и географія, ариѳметика и геометрія, естественная исторія, педагогія, чистописаніе, рисованіе, музыка и пѣніе, гимнастика и фехтовальное искусство, садоводство и посадка деревьевъ.

Въ нормальныхъ школахъ ученіе продолжается 36 недѣль въ году и 42 часа въ недѣлю. Учителей въ нормальныхъ школахъ обыкновенно бываетъ: ректоръ, три или четыре учителя наукъ, кромѣ того есть учителя музыки, пѣнія, гимнастики, рисованія и садоводства. Въ женскихъ нормальныхъ школахъ изъ учителей наукъ — двое обыкновенно бываютъ женщины.

Ректоръ нормальной школы долженъ быть докторомъ философіи, а учителя должны выдержать экзаменъ, требуемый отъ поступающихъ въ университетъ. Никто не можетъ поступить въ нормальную школу

моложе 17 лѣтъ. Обученіе даровое. Правительство ежегодно платитъ 45,000 рейхст. (15,940 руб.) на стипендію бѣднымъ ученикамъ, что составляетъ по 150 рейхст. (около 53 руб.) на каждаго.

Ученики, выдержавшіе экзамены, получаютъ свидѣтельство, составленное по утвержденной формѣ. Въ 1868 году изъ нормальной школы вышло 182 ученика, выдержавшіе экзаменъ, въ томъ числѣ 150 мужчинъ и 32 женщины.

Много нормальныхъ школъ устроено на счетъ различныхъ провинцій, для подготовки учителей и учительницъ въ маленькія приготовительныя школы. Съ этой цѣлью школы поддерживаются на общественныя средства и соединены съ нормальными школами правительства.

Жалованье ректора нормальной школы 3,000 рейх. (около 1,063 руб.), но черезъ нѣсколько лѣтъ службы оно увеличивается до 4,000 рейх, (около 1,416 руб.). Жалованье учителямъ полагается въ 1,000 рейх. (355 руб.) въ первые годы службы, но потомъ постепенно увеличивается до 3,000 рейхсталеровъ.

СОКРАЩЕННЫЙ ОТЧЕТЪ ОБО ВСЕМЪ КОРОЛЕВСТВѢ.

Число жителей, количество земель и озеръ, учрежденія, количество дѣтей школьнаго возраста, время обученія, разстояніе отъ школъ въ 1868 году.

НАЗВАНІЕ ЕПАРХІЙ.	Число жителей.	Количество.		Число школъ.			Число дѣтей школьнаго возраста.	Число дѣтей учащихся въ			Всего.	Число дѣтей учащихся.		Число дѣтей не получающ. образованія.		Число дѣтей, посѣщающихъ						Число дѣтей, живущихъ отъ школы дальше.	
																Постоянныя школы.			Подвижныя и приготовительныя школы.				
		Землѣ.	Озерѣ.	Постоянныхъ элементарныхъ.	Подвижныхъ элементарныхъ.	Приготовительныхъ.		Постоянныхъ элементарныхъ школахъ.	Подвижныхъ элементарныхъ школахъ.	Приготовительныхъ школахъ.		Въ общественныхъ или частныхъ школахъ.	Дома.	По случаю болѣзни.	По другимъ причинамъ.	1—60 дней.	60—120 дней.	Больше 120 дней.	1—30 дней.	30—60 дней.	Больше 60 дней.	½ шведск. мили.	¼ шведск. мили.
Стокгольмъ . . .	131918	0279	0048	145	—	—	17334	6063	—	—	6063	9832	429	90	870	Число	дней,	пропу	щ. каж	д. реб	енк. до	шло до	10.2.
Упсала	365566	245906	20953	286	108	258	53702	23243	8347	9747	41337	2283	9072	255	755	8084	9304	6051	4511	7072	6315	1666	6109
Линкепингъ . . .	384298	146437	14663	185	152	237	55905	16651	16597	9177	42425	4421	8641	209	209	6817	6305	3959	7140	11771	6433	2460	8213
Скара	545464	107279	6033	209	60	238	56345	23495	7585	11246	42326	2213	11133	218	455	11727	8719	3049	5697	7194	5940	1709	7745
Стренгнесъ. . . .	268673	100399	10893	203	60	187	41042	17914	6654	7409	31977	2245	6098	166	556	5894	7995	4400	2113	5164	6411	1740	5917
Вестерасъ	317140	328039	23151	175	63	590	53085	14340	6626	23510	44476	1862	6046	254	447	4432	6004	5096	2858	6980	19106	1800	5149
Векcіо	307799	138850	13854	44	157	320	49542	4154	24183	16977	45314	1182	2073	242	731	1328	1611	1165	11188	25708	4314	1947	8171
Лундъ	664696	117972	4942	609	68	517	106870	56619	9282	24385	90286	6050	8293	392	1849	17893	20408	18902	8338	10520	14225	1257	5918
Гетеборгъ	458758	125560	6308	201	142	403	76948	18090	19022	23596	60708	6085	6826	304	3025	8368	5001	4846	19570	14796	8127	2203	6755
Кальмаръ	143721	49011	1412	53	34	94	25755	5878	5327	6451	17656	1507	5468	102	1022	3084	1725	1130	3825	4737	3155	4038	2403
Карльштадтъ. . .	364867	172579	18514	22	238	301	73906	2355	41425	17641	61421	1963	7092	346	3084	786	999	570	20684	30238	8144	1899	7907
Гернезандъ. . . .	366151	1935069	171046	97	120	245	61382	6765	12312	11524	30201	2031	27469	275	1006	2544	2206	215	10016	9495	4325	3434	3278
Висби	54029	25059	2424	74	24	20	7312	4772	256	928	5956	574	603	32	147	992	1793	1987	52	262	870	274	1140
Итого	4173080	3492439	296231	2303	1206	3410	679128	200339	157616	162591	520546	42298	99243	2885	14156	71949	72070	53170	95992	133937	87365	20827	68705

Число учителей и учительницъ въ 1868 году.

Названія епархій.	Учителя элементарныхъ школъ.		Учительницы элементарныхъ школъ.		Приготовительныя школы.		Число учителей и учительницъ, имѣющихъ.		
	Экзаменованные.	Неэкзаменованные.	Экзаменованные.	Неэкзаменованные.	Учителя.	Учительницы.	Постоянно имѣющіе minimum жалованья.	Болѣе minimum'а жалованья.	Получающ. менѣе установленнаго minimum'а.
Стокгольмъ	27 мужчинъ и 122 женщины преподаютъ въ общественныхъ школахъ.								
Упсала	294	68	16	29	156	123	228	60	29
Линкепингъ	235	62	24	26	65	154	228	35	25
Скара	242	28	11	15	118	129	196	39	1
Стренгнесъ	218	17	24	14	76	112	137	55	38
Вестерасъ	210	19	12	6	378	182	134	70	6
Вексіо	197	8	2	6	117	200	122	53	7
Лундъ	678	86	15	19	306	189	392	239	24
Гетеборгъ	300	24	27	17	105	293	187	111	17
Кальмаръ	81	5	1	—	46	45	59	18	3
Карльштадъ . . .	247	17	5	8	127	181	131	101	10
Гернезандъ	180	32	2	5	162	87	147	39	4
Висби	78	1	—	2	10	12	66	8	1
Итого . . .	2960	367	139	147	1676	1707	2027	828	165

Число дѣтей, учившихся различнымъ предметамъ и выдержавшихъ экзаменъ; дѣти, продолжавшія ученіе по выходѣ изъ школы 1868 году.

Названіе епархій.	Дѣти учившіяся.											Дѣти	
	Библейская исторія.	Катехизисъ.	Шведскій языкъ.	Исторія и географія.	Естествен. исторія.	Геометрія и рисованіе.	Ариѳметика.	Чистописаніе.	Садоводство.	Пѣніе.	Гимнастика.	Выдержав. экзаменъ.	выдерж. экз. и продолж. учен. потомъ.
Стокгольмъ.	6063	6063	6063	3666	3435	3131	6063	6063	—	3616	3536	—	1066
Упсала . . .	34666	32873	11997	14899	13639	5375	31883	36287	2520	22882	16720	3448	2283
Линкепингъ.	36785	35379	27513	11887	10993	3663	31717	36051	2705	25544	16820	3629	2915
Скара	33733	30903	11867	14124	14150	5340	29330	37072	4115	22745	20590	3359	1632
Стренгнесъ.	26623	26111	11609	13186	10659	4538	26851	30373	2547	14503	10550	2399	2814
Вестерасъ. .	38027	36358	10008	11505	10169	4425	37058	39556	2550	27325	13542	4133	1267
Вексіо. . . .	36778	34940	22712	13521	14830	3189	32028	33370	1858	23829	14777	5438	2902
Лундъ. . . .	76029	73041	24906	28331	25097	9688	63623	73337	5079	29463	26761	6327	5783
Гетеборгъ. .	52441	49892	19725	20635	19172	4976	46034	51089	1975	22197	17217	3912	1737
Кальмаръ. .	13218	13026	2051	1881	1226	563	8942	12123	593	5391	4061	1167	285
Карльштадъ.	45421	43287	8450	12098	8933	2284	42324	50612	1111	41524	19380	5821	1066
Гернезандъ.	23481	24847	4380	7298	4479	1691	19403	23982	482	15509	5227	1535	230
Висби	4552	4245	1942	1837	1792	719	5850	5916	643	4184	2560	446	332
Всего . .	427817	409965	163217	154868	138574	49582	381106	435781	26182	259712	171739	42614	24312

НАЗВАНІЕ ЕПАРХІЙ.	ЖАЛОВАНЬЕ.								ИЗЪ ЭТОГО ЖАЛОВАНЬЯ БЫЛО УПЛАЧЕНО.										ЕЖЕГОДНЫЯ ЗАТРАТЫ.								ШКОЛЬНЫХЪ ДОМОВЪ.		
	Учителямъ и учительницамъ.						Помощникамъ учителей, учителямъ и учительницамъ приготовительныхъ школъ.		Школьными округами.		Государствомъ.								На ремонтъ школъ.		На учебныя пособія.		Ежегодный доходъ съ пожертвованій.		Балансъ школьной кассы къ концу года.		Количество.	Построен. въ теченіи 1868 года.	Число школьныхъ домовъ съ участками земли подъ огороды.
	Жалованье деньгами.		Кормъ на сумму.		Топлива на сумму.						Школьный налогъ (folks-kobafgiften).		Прибавка къ жалованью учителямъ.																
													Элементарн. школъ.				Приготовительныхъ школъ.		Помощь бѣднымъ приходамъ.										
													Къ 400 рейхсталерамъ.		Выше 400 рейхсталеровъ.															
	Р.	О.	Р.	О.	Р.	О.	Р.	О.	Р.	О.	Р.	О.	Р.	О.	Р.	О.	Р.	О.	Р.	О.	Р.	О.	Р.	О.	Р.	О.			
Стокгольмъ . .	95282	51	—	—	—	—	—	—	82406	68	12875	83	—	—	—	—	—	—	—	—	25153	61	4311	—	1023	9	601	3	9	—	—
Упсала.	140583	1	16464	74	13209	56	78214	54	171288	94	51122	91	10818	—	2065	—	11377	—	1800	—	25916	5	17053	60	22749	49	291737	61	379	42	215
Линкепингъ . .	119353	20	16564	29	10154	49	47778	61	128175	94	50123	65	6409	—	1327	—	6670	—	1145		15927	18	13217	18	24634	77	258304	68	296	24	129
Скара	103118	95	18288	66	12211	43	56651	29	121335	64	44088	69	8879	—	3324	—	10658	—	1985	—	18817	24	8518	26	9010	77	87803	71	327	24	215
Стренгнесъ . .	94297	82	13706	77	9400	51	41602	25	107478	45	35935	90	7092	—	1140	—	6101	—	1260	—	20374	94	11623	66	24464	73	217385	62	292	27	161
Вестерасъ . . .	91701	68	13154	13	8056	45	103338	22	148525	88	42864	90	5211	—	1080	—	16763	70	1805	—	14487	80	12932	55	8749	9	129029	49	494	27	178
Векcіо	76830	5	11686	95	6905	96	67190	76	97495	24	38401	73	6231	—	1412	—	17778	75	1295	—	11280	82	4624	19	6240	53	124423	85	358	19	160
Лундъ	284773	19	48685	5	56859	70	130041	56	371778	38	82673	32	37729	—	4005	—	22423	78	1750	—	74814	53	24010	47	9034	5	175571	97	821	47	648
Гетеборгъ . . .	139591	38	14908	89	14117	4	100680	5	185090	47	57062	39	6794	—	1934	—	16446	50	1970	—	30929	27	21947	91	9349	15	127988	37	276	17	115
Кальмаръ . . .	34613	65	5152	62	3355	29	20088	59	38576	4	15884	11	3146	—	375	—	4819	—	410	—	7062	46	2075	84	1312	—	30495	15	96	3	52
Карльштадъ . .	104374	45	12085	63	8980	7	78555	64	128520	92	43337	70	9988	50	2498	—	17610	67	2040	—	18347	82	11620	91	4972	56	111219	53	363	33	86
Гернезендъ . .	82408	6	13579	54	10767	44	57636	93	98825	56	43414	91	3623	—	500	—	14433	50	3595	—	11685	97	5409	84	2518	64	145849	90	181	10	82
Висби	31600	—	5869	39	3862	74	6517	33	31553	17	6970	79	6078	—	700	—	1602	50	945	—	4991	80	1530	58	548	10	17958	99	84	1	55
Итого . . .	1398527	95	190146	66	157835	68	788295	77	1711051	31	524756	83	111998	52	2036	—	146684	40	2000	—	279789	49	138875	99	124606	97	1718369	90	3976	274	2096

ЖУРНАЛИСТИКА.

Обозрѣніе педагогическихъ статей въ органахъ нашей прессы за вторую треть года.

Педагогическій Сборникъ.—Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.—Народная школа.—Дѣтскій садъ.—Педагогическій листокъ.—Заключеніе.

Къ наиболѣе интереснымъ статьямъ «Педагогическаго Сборника« мы прежде всего должны причислить трудъ д-ра Эрисмана «Школьные столы», составляющій какъ-бы одну изъ главъ его изслѣдованія училищной гигіены; мы не станемъ распространяться объ этой статьѣ почтеннаго ученаго, потому что «Семья и Школа» не только дала уже о ней свой отзывъ, но подробно ознакомила читателей съ ея содержаніемъ и снабдила написанную по этому поводу статью серіей рисунковъ, заимствованныхъ у ея автора. Изъ остальныхъ статей этого журнала въ четырехъ, разсматриваемыхъ нами, книжкахъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія: «Пѣніе въ народныхъ школахъ въ Германіи»—Е. Альбрехта, «О дальнихъ прогулкахъ съ воспитанниками военно-учебныхъ заведеній»—А. В., «Методъ преподаванія и изученія исторіи»—А. Шуфъ и «Катехизисъ гимнастическаго искуства»; послѣднія двѣ статьи не окончены въ этихъ нумерахъ «Сборника», почему мы разсмотрѣніе ихъ отложимъ до другаго раза и будемъ говорить только о первыхъ двухъ. Значеніе пѣнія, какъ педагогическаго средства, вполнѣ установилось въ Германіи, въ которой развившіяся пѣвческія общества и музыкальныя торжества продолжаютъ оказывать свое благодѣтельное вліяніе на народныя массы, находящія въ занятіи пѣніемъ одно изъ наиболѣе облагораживающихъ развлеченій. Е. Альбрехтъ, опираясь на примѣръ германскихъ школъ, въ программу которыхъ включено обязательное хоровое пѣніе, высказывается за в|жное педагогическое значеніе обученія этому искуству и опредѣляетъ задачу своей статьи въ представленіи свода взглядовъ, находимыхъ въ нѣмецкой музыкально-педагогической литературѣ. Авторъ обращаетъ вниманіе на постановку вопроса о значеніи пѣнія въ нашихъ школахъ, гдѣ до сихъ поръ на пѣніе смотрятъ какъ на роскошь и не признаютъ за нимъ, повидимому, средства нравственнаго развитія. Пѣніе имѣетъ еще другое значеніе гигіеническое, потому что способствуетъ правильному развитію легкихъ и всего груднаго ящика, что повидимому упускаетъ изъ виду авторъ, напирающій исключитель на него какъ на средство нравственнаго развитія. «Нѣмцы, говоритъ онъ, сдѣлавъ обученіе

пѣнію обязательнымъ учебнымъ предметомъ, тѣмъ самымъ признали его значеніе въ ряду общеобразовательныхъ предметовъ; они въ основу музыкальнаго обученія положили народную пѣсню, которая, по своему духу, скорѣе всего доступна дѣтскому пониманію. Пѣсня эта, нашедшая себѣ почетное мѣсто въ школахъ, отсюда, но лишь въ болѣе художественной формѣ, проникла и въ жизнь; цѣль обученія пѣнію, по мнѣнію нѣмецкихъ педагоговъ, состоитъ въ развитіи вкуса учениковъ *къ своимъ роднымъ пѣснямъ*». Авторъ приводитъ мнѣнія швейцарскихъ педагоговъ Шейбница и Маркса, высказывающихся за благотворное вліяніе на народъ музыки и замѣчаетъ, что «на обязанности государства и общества лежитъ широкое распространеніе музыки и поощреніе этого искуства, имѣющаго важное значеніе въ народной жизни». Дальнѣйшее изложеніе посвящено указанію пріемовъ, способовъ, посредствомъ которыхъ должно совершаться обученіе пѣнію. Обращая вниманіе на господствующій въ Германіи взглядъ, что ученики элементарныхъ классовъ должны пѣть по слуху, а въ остальныхъ—по нотамъ, авторъ упоминаетъ и о мнѣніи высказывающихся исключительно за пѣніе по слуху; самъ онъ того убѣжденія, что не слѣдуетъ исключать изъ преподаванія нотное пѣніе, такъ какъ нотное письмо даетъ въ высшей степени способствуетъ вѣрному изображенію мелодіи, ритма и гармоніи и, кромѣ того, самое состояніе въ настоящее время народной музыки требуетъ пониманія нотъ. Очевидно, авторъ имѣетъ въ виду народную музыку въ Германіи, потому что у насъ она, если отчасти и положена на ноты, то все таки распространяется въ народныхъ массахъ просто, съ голоса, а знакомящіеся съ нотами почти всегда дѣлаютъ это съ спеціальной цѣлью ознакомленія съ церковнымъ пѣніемъ. Вопросъ: какой изъ двухъ существующихъ системъ звукоизображенія должно слѣдовать: нотной или цифровой (Шеве)—авторъ, ставя его, не разрѣшаетъ по той причинѣ, что до сихъ поръ еще не признаны всѣми преимущества той или другой системы. Причина въ высшей степени странная, потому что авторъ, какъ онъ самъ говоритъ, имѣетъ свой личный взглядъ и вѣроятно взглядъ его имѣетъ основанія, съ которыми весьма интересно познакомиться именно въ виду этой разноголосицы, замѣчаемой между обучающими пѣнію.

Въ Германіи, говоритъ авторъ, въ народныхъ школахъ курсъ пѣнія «представляетъ два подъотдѣла. 1) Элементарный курсъ, имѣющій въ виду образованіе голоса (динамика, мелодика и ритмика), и 2) разучиваніе и выполненіе самыхъ напѣвовъ—курсъ пѣсень». О практическомъ примѣненіи этой общей программы онъ говоритъ, что 1) ученики, пройдя элементарный курсъ, приступаютъ къ разучиванію пѣсень, или 2) оба курса соединяются въ одинъ, или же 3) курсъ пѣсень ведется самостоятельно и независимо отъ элементарнаго. Въ заключеніе статьи, авторъ дѣлаетъ краткій обзоръ современнаго положенія музыкальнаго искуства въ общественной жизни нѣмцевъ, а именно приводитъ свѣдѣнія о пѣвческихъ обществахъ и о музыкальныхъ празднествахъ. Эта весьма сжатая статья представляетъ весьма значительный интересъ, такъ что мы рѣшаемся ее рекомендовать особому вниманію не только педагоговъ и интересующихся развитіемъ народной музыки, но всѣмъ кому дорого преуспѣяніе народныхъ массъ. Дѣти, собранныя въ кучу, проводя въ школѣ время за ученіемъ, которое обыкновенно предлагается имъ въ изобиліи, возвращаются въ семью, видятъ людей въ ихъ естественной обстановкѣ; разговоръ взрослыхъ, веденный на столько съ тактомъ, что при дѣтяхъ удерживаются отъ клубничныхъ темъ, до которыхъ многіе столь охочи, не касаются вопросовъ религіозныхъ, обсужденіе

которыхъ во многихъ случаяхъ порождаетъ поверхностное усвоеніе чужихъ мнѣній, можетъ быть еще при нѣкоторыхъ условіяхъ, перечислять которыя теперь нѣтъ надобности,—разговоръ такой знакомитъ ихъ съ жизнью въ болѣе широкой степени, чѣмъ одни только сношенія съ товарищами; жизнь въ семьѣ, постоянныя столкновенія съ людьми оказываетъ массу вліяній, которыя тѣмъ благотворнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ окружающіе люди умнѣе, проще одрѣе и т. п. Въ интернатѣ пребываніе и развитіе воспитанника обставлено совсѣмъ иначе: сношенія каждаго ограничиваются даже не всѣми обитателями заведенія, сближеніе является только между воспитанниками одного и того же возраста и рѣдко переходитъ далѣе, исключительная обстановка развиваетъ такіе же нравы, только ученіе столь же, если еще не болѣе обильно. Замкнутость интернатовъ, усиливающаяся часто по многимъ домашнимъ причинамъ или обусловливающаяся дурнымъ ученіемъ или поведеніемъ воспитанника, дѣйствуетъ крайне вредно и на умственное развитіе, и на развитіе характера. Лѣтомъ жизнь и въ интернатѣ мѣняется, но замѣчаемыя измѣненія слѣдуетъ отнести скорѣе къ формѣ, нежели къ сущности. То же ученье, тѣ же, но лишь въ меньшемъ числѣ товарищи, тѣ же взрослые, ихъ окружающіе, измѣнилась лишь нѣсколько внѣшняя обстановка и уменьшились часы ученья, да и то не всегда. Жизнь такая способна не воспитать человѣка, т. е. развить всѣ его способности но скорѣе многія притупить; съ особымъ успѣхомъ можно достигнуть этого, если не выводить дѣтей далѣе дачнаго сада, или даже опредѣленной площадки. Посмотрите на сонныя физіономіи такихъ дѣтей, вслушайтесь въ ихъ медленный разговоръ и вы поймете какая скука царитъ на этой площадкѣ, какая апатія развивается въ дѣтяхъ, которыя, при первой вѣсти о сколько нибудь отдаленной прогулкѣ, совершенно мѣняются: глаза блестятъ, движенія дѣлаются живы, умъ работаетъ, соображая, что захватить съ собою для занятій, планъ которыхъ всегда рождается въ дѣтской головѣ. Одинъ захватываетъ сѣтку для ловли насѣкомыхъ и коробочку, другой—топорикъ, потому что предполагается въ лѣсу вырубить палку, третій—корзинку для грибовъ и ягодъ и т. д. Веселая компанія отправлавляется съ воспитателемъ въ путь и всѣ дѣтскія сердца лежатъ къ нему; наиболѣе безпокойные и шаловливые мальчуганы ведутъ себя солидно и развѣ только позволятъ себѣ перепрыгнуть чрезъ канаву, не взирая на присутствіе мостика, съ острить на счетъ простака товарища. и т. п. Воспитатели расположенные къ дѣтямъ не только не пренебрегаютъ этимъ въ высшей степени педагогическимъ средствомъ, но, напротивъ ищутъ случая собрать вокругъ себя, всегда на этотъ разъ довольныхъ ребятъ. Мы позволили себѣ обратить вниманіе читателя на этотъ предметъ; имѣя въ виду въ короткихъ словахъ изложить содержаніе статьи А. В, «О дальнихъ прогулкахъ съ воспитанниками военно-учебныхъ заведеній». Авторъ признаетъ что лѣтнее вакаціонное время, всегда благотворно дѣйствующее на организмъ дѣтей какъ со стороны физической, такъ и психической, на воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній, проводящихъ лѣто въ лагеряхъ, оказываетъ совсѣмъ иное вліяніе. Всѣ старанія разнообразить монотонную, искуственную жизнь не приводятъ, понятно, къ желанной цѣли; ребенокъ чувствуетъ себя далеко не самостоятельнымъ, однообразныя впечатлѣнія воспринимаются крайне слабо. Строй лагерной жизни воспитанника не соотвѣтствуетъ условіямъ развитія въ семьѣ. Изъ словъ автора мы заключаемъ, что, вѣроятно лишь въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, «число ежедневныхъ занятій не многимъ меньше учебнаго времени; если они ведутся добросовѣстно, то

они и не легче; если же кое-какъ, то скорѣе вредны, чѣмъ полезны. Игры воспитанниковъ опредѣлены не только по качеству, но и по времени. Пространство, въ которомъ вращается его ежедневная жизнь, очень ограниченно. Природа, окружающая его, однообразна. Ежедневно онъ, на пространствѣ одной десятины, встрѣчаетъ форменный баракъ, площадку, десятка два — три вытянутыхъ въ шеренгу, подчищенныхъ, подстриженныхъ, чахлыхъ шалашей; даже тѣни въ солнечный день онъ находитъ мало внѣ барака. За предѣлами его возраста онъ видитъ, точь въ точь похожее на его, жилище другихъ возрастовъ; за границами лагеря, пожалуй, видитъ и деревни, поля и лѣса, но все это далеко, и все это внѣ круга его непосредственнаго наблюденія. Это не болѣе какъ декорація, своимъ постояннымъ однообразіемъ скорѣе подавляющая, чѣмъ оживляющая». Вотъ какую картину лагерной жизни воспитанниковъ средне-учебнаго заведенія чертитъ авторъ и сознается, что строй этой жизни «требуетъ пересмотра» и, добавимъ отъ себя, кореннаго измѣненія. Мысль о дальнихъ прогулкахъ явилась у воспитателей, но многіе изъ нихъ пришли къ заключенію, объ ихъ безполезности. Авторъ полагаетъ, что выводъ такой былъ слѣдствіемъ неправильной постановки дѣла и указываетъ въ чемъ она заключалась. Педагогическая практика въ Германіи весьма широко пользуется дальними прогулками, какъ средствами воспитанія, и практическая ихъ полезность защищается въ теоретическихъ сочиненіяхъ, съ однимъ изъ которыхъ, съ сочиненіемъ Циллера, авторъ и знакомитъ въ послѣдующемъ изложеніи. Вотъ главнѣйшіе выводы этой статьи: I) Такія путешествія представляютъ одно изъ главныхъ условій наибольшей успѣшности всякаго воспитанія, II) главную цѣль такихъ путешествій Циллеръ видитъ въ дѣйствіи ихъ на образованіе характера дѣтей и III) цѣль путешествія заключается также въ помощи его для ученія. Путешествія, по мнѣнію Циллера, содѣйствуютъ образованію характера: a) доставляя возможность проникнуть во внутреннюю область дѣтскаго духа, что необходимо для разнаго рода педагогическихъ обсужденій и мѣропріятій; случай этотъ признается удобнымъ къ изученію индивидуальности воспитанника и составленію болѣе правильныхъ характеристикъ, а равно и измѣненія ихъ; b) служа воспитанникамъ непосредственно школой образованія, потому что представляетъ случай воспитаннику дѣйствовать самостоятельно; при этомъ особенно важно то, что дѣятельность эта имѣетъ характеръ общественный. Изложивъ указанныя нами, цѣли путешествій по Циллеру, авторъ переходитъ къ высказаннымъ имъ педагогическимъ условіямъ, которыя онъ считаетъ необходимыми въ виду достиженія лучшихъ результатовъ отъ дальнихъ прогулокъ. Условія приведены слѣдующія: 1) въ путешествіи должно заботиться о поддержаніи бодрости, свѣжести и веселости духа; 2) въ путешествіи, какъ и въ воспитаніи вообще, должна производиться индивидуальная разработка матеріала по частямъ, почему Циллеръ совѣтуетъ разбивать воспитанниковъ на маленькія партіи, руководимыя каждая болѣе развитымъ и нравственнымъ воспитанникомъ, и даже, при возможности, каждаго предоставлять самому себѣ; 3) путешествіе должно быть заранѣе тщательно подготовлено. Авторъ разсматриваемой статьи полагаетъ, что заключенія Циллера примѣнимы и къ жизни нашихъ интернатовъ и присовокупляетъ: 1) что въ путешествіи должны участвовать всѣ воспитанники остающіеся на лѣтнее вакаціонное время; 2) что характеръ путешествій для разныхъ возрастовъ долженъ быть различный; 3) планъ путешествія долженъ быть выработанъ если не для каждаго класса, то

для каждаго возраста отдѣльно, приноровленный къ условіямъ этого возраста; 4) руководить прогулками долженъ воспитатель, а не учитель; 5) тотъ именно воспитатель, въ завѣдываніи котораго находятся отправляющіеся въ дальнюю прогулку воспитанники; 6) воспитанники должны имѣть при этомъ съ собою простые жизненные припасы въ количествѣ только наисущественнѣйшей надобности; 7) при воспитанникахъ младшаго возраста должны быть дядьки, при остальныхъ въ этомъ не представляется надобности; 8) воспитанники въ теченіе года должны быть выучены пѣть нѣсколько русскихъ, конечно приличныхъ для нихъ, пѣсень; 9) воспитатель самъ долженъ прежде побывать въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда поведетъ потомъ воспитанниковъ. Приведя выводы статьи, мы не станемъ останавливаться на каждомъ изъ нихъ, хотя нѣкоторые, впрочемъ весьма немногіе, могутъ быть причислены къ числу спорныхъ. Развивать каждое положеніе значило бы не только пересказывать всю статью, но и снабжать изложеніе автора множествомъ замѣчаній, которыя мы могли бы сдѣлать, будучи на дѣлѣ знакомы съ особенностями и значеніемъ такого рода путешествій; это гораздо удобнѣе сдѣлать въ отдѣльной статьѣ, чего мы покуда не имѣемъ въ виду.

Приступая къ обозрѣнію педагогическихъ статей «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», мы должны прежде всего указать на весьма интересную статью С. Миропольскаго «Янъ Амосъ Коменскій и его значеніе въ педагогіи». Статья эта настолько серьезна и значеніе педагогическихъ принциповъ Коменскаго настолько велико для настоящаго времени, что мы намѣрены остановиться на ней подолѣе, дабы, хотя въ краткомъ очеркѣ, познакомить нашихъ читателей съ его выводами. Спросъ на педагогическія сочиненія въ послѣднее время значительно возросъ, появилось значительное число книжекъ посвященныхъ воспитанію,—книжекъ, подчасъ весьма сомнительнаго достоинства, но «Didactica Magna» Коменскаго остается все таки неизвѣстной русской публикѣ, не смотря на то, что творенія Коменскаго представляютъ величайшій интересъ и были въ свое время переводимы на множество языковъ. Кромѣ того, Коменскій для насъ интересенъ какъ славянинъ, идеи котораго развились затѣмъ въ Германіи и создали ту школу, которую мы постоянно ставимъ себѣ въ образецъ. Нашъ педагогическій писатель, С. И. Миропольскій, понимая великое значеніе Коменскаго, въ статьѣ, заглавіе которой мы выписали, ставитъ себѣ цѣлью познакомить русскую публику съ его жизнью и съ его идеями, и достигаетъ своей цѣли вполнѣ: величавый образъ Яна Амоса возстаетъ передъ нами и идеи его представляются намъ въ той строгой связи и послѣдовательности, которыми отличался великій педагогъ, всю жизнь свою неутомимо трудившійся въ надеждѣ воспитать болѣе сильное и счастливое поколѣніе. Первая часть статьи Миропольскаго (Журн. Мин. за май) почти исключительно посвящена изложенію біографическихъ свѣдѣній, которыми мы и воспользуемся теперь. Коменскій, отецъ котораго принадлежалъ къ общинѣ Моравскихъ братьевъ родился въ Моравіи въ 1592 году; оставшись рано сиротой, онъ до 16-го года не посѣщалъ школы. Много дорогаго времени было потеряно, но и школьное ученіе было въ то время такого, что многаго изъ него нельзя было вынести: единственнымъ средствомъ образованія считалась латынь, въ школѣ царила схоластика. «Испытавъ самъ горечь воспоминаній объ утраченномъ времени, о мукахъ убивающаго жизнь схоластическаго ученія, Амосъ посвятилъ свою жизнь задачѣ—избавить другихъ отъ этой горечи, предохранить ихъ отъ позднихъ и безполезныхъ сожалѣній. Эта задача

стала его миссіонерскимъ посланничествомъ, и она — то стяжала безсмертіе Коменскому». Не смотря на неблагопріятныя условія, въ которыя онъ былъ поставленъ въ дѣтствѣ, въ 1614 г. онъ, уже, обладая множествомъ свѣдѣній, устраиваетъ въ Преровѣ школу и издаетъ первый свой педагогическій трудъ «Правила облегченной грамматики»; въ 1618 г., будучи наблюдателемъ школъ Фульнецкаго округа, онъ «всецѣло отдался своему дѣлу и былъ истиннымъ благодѣтелемъ всего округа, распространяя образованіе и заботясь объ улучшеніи экономическаго быта мѣстныхъ жителей». Такъ дѣло шло до 1620 г., когда Бѣлогорская битва измѣнила положеніе Моравіи и заставила Амоса искать пріюта у Карла Жеротинскаго, гдѣ онъ написалъ «Лабиринтъ свѣта и рой сердца». Возникшія преслѣдованія «моравскихъ братьевъ» побудили его вскорѣ покинуть Карла и, послѣ скитаній, поселиться въ Богеміи, у папа Садовскаго, у котораго онъ занялся воспитаніемъ его дѣтей. Но и здѣсь преслѣдователи не дали ему покоя: въ 1628 Коменскій окончательно и навсегда покинулъ родину. Прибывъ въ Пальму, онъ сдѣлался учителемъ и ректоромъ Лешенской гимназіи и здѣсь написалъ свою «Didactica magna», которая, по его мнѣнію, должна была обнимать всю «науку о наилучшемъ воспитаніи юношества». Къ этому же времени относятся его сочиненія: «Материнская» и «Простонародная школа» и «Отверстая дверь языковъ», составившее ему почетную репутацію и сдѣлавшее имя его извѣстнымъ во всей Европѣ. Успѣхъ послѣдней книги авторъ объясняетъ заключающейся въ ней попыткой практически осуществовать великія идеи, высказанныя имъ въ «Дидактикѣ», которая не была современниками достаточно оцѣнена по той причинѣ, что новые взгляды, въ ней развитые, были недоступны для ихъ пониманія. Слѣдующее его сочиненіе имѣло цѣлью «обнять собою всѣ человѣческія знанія и науки, что онъ называлъ *пансофіей*». Послѣ неудобной поѣздки въ Англію, куда онъ былъ приглашенъ для организаціи школъ, въ 1642 г. онъ въ Швеціи посвятилъ въ свои планы просвѣщеннаго Оксенштерна, который, признавая всю важность его идей, просилъ Амоса «продолжать труды свои и выразилъ полное сочувствіе его пансофическимъ планамъ». Въ Эльбингѣ Коменскій продолжалъ свои педагогическіе труды, «наблюдая за ходомъ школъ, составляя руководства и развивая свои завѣтныя идеи»; въ 1646 г. имъ было представлено на судъ особой коммиссіи сочиненіе «Новый методъ языковъ», напечатанное въ 1648 г., въ которомъ онъ обращаетъ вниманіе на обработку роднаго языка и кладетъ его въ основу народнаго образованія. Послѣднія свои изданія Амосъ печаталъ уже въ Лешнѣ, куда онъ былъ вызванъ братскою общиной, провозгласившею его своимъ духовнымъ главой и епископомъ. До возвращенія въ Лешну, онъ, по просьбѣ венгерскаго князя Ракочи, работалъ въ Шаримскомъ Потокѣ и здѣсь написалъ «Schola ludus» и «Orbis pictus». Недолго Коменскій жилъ въ Лешнѣ: походъ Шведовъ, разбившихъ Поляковъ, заставилъ моравскихъ братьевъ разсѣяться, «и они уже послѣ не собирались вмѣстѣ. 64-лѣтній Коменскій сначала ушелъ въ Силезію и затѣмъ хотѣлъ поселиться во Франкфуртѣ (на Одерѣ), но его выгнала оттуда моровая язва; наконецъ онъ воспользовался приглашеніемъ сына умершаго уже своего благодѣтеля Геера и явился въ Амстердамъ. Здѣсь гонимый старецъ нашелъ и пріютъ, и почетъ. Просвѣщенный и богатый городъ понималъ значеніе Коменскаго и гордился своимъ гостемъ. По опредѣленію сената, рѣшено было снова издать всѣ педагогическіе труды Амоса, которые и вышли въ 1657 г. въ 4-хъ томахъ in folio, подъ редакціей самого автора. Здѣсь, склонный къ мистицизму, онъ

увлекся «видѣніями нѣкоторыхъ лицъ» и написалъ въ защиту ихъ «Lux in tenebris»—сочиненіе, вызвавшее много протестовъ. Для полноты слѣдуетъ упомянуть о его трудахъ: «Смутный голосъ пастыря, гонимаго гнѣвомъ Божіимъ, къ своей гибнущей въ разсѣяніи паствѣ» и «Unum Necessarium». Въ 1671 г. Коменскій умеръ въ Амстердамѣ, завѣщавъ грядущимъ поколѣніямъ идеи, развитіе которыхъ создало новѣйшую школу и, какъ это полагаетъ и Миропольскій, могущія быть въ высшей степени полезными и современному педагогу. Приступая къ оцѣнкѣ значенія Коменскаго, какъ педагога, Миропольскій (Журн. Мин. за іюнь) говоритъ, что обыкновенно установителемъ принциповъ современной педагогіи считается Песталоцци; Коменскій считается лишь «предтечей піетистической педагогіи Шпенера и Франка, имѣвшей значеніе главнымъ образомъ въ области ходегетики». Не отрицая этого значенія великаго педагога, авторъ справедливо указываетъ на вліяніе идей Коменскаго и на Базедова и на самаго Песталоцци. Считая вполнѣ важнымъ значеніе Коменскаго, какъ «предтечи піатистической педагогіи», онъ останавливается на немъ и, опредѣляя истинное значеніе піетистической школы, дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: «И такъ, въ сочиненіяхъ Коменскаго мы дѣйствительно находимъ начала піетистической ходегетики, но было бы совершенно несправедливо считать Коменскаго только піетистомъ и ограничивать этимъ опредѣленіемъ его значеніе въ педагогіи даже въ области религіозно-нравственнаго воспитанія». «Коменскій смотрѣлъ на школу вполнѣ серьезно, воспитаніе и обученіе онъ считалъ мощною силой жизни, орудіемъ усовершенствованія юныхъ поколѣній и ставилъ высоко служеніе столь великому дѣлу. Религіозно-нравственныя основы его школы дѣйствительно *универсальны*, ибо это глубокочеловѣческіе и животворящіе, созидающіе принципы, неизмѣнные для всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ». Развившееся послѣ піетическаго филантропическое направленіе, по мнѣнію автора, имѣло начало въ основоположеніяхъ, высказанныхъ Коменскимъ, но при этомъ онъ замѣчаетъ: «что у Коменскаго было велико и глубоко, у филантропистовъ стало смѣшно и поверхностно». Оба эти направленія педагогической науки, говоритъ авторъ, въ сущности представляютъ только *одностороннее* истолкованіе идей Коменскаго. Взглядъ на Песталоцци, какъ на основателя новаго, самостоятельнаго направленія не признается Миропольскимъ, который видитъ въ немъ только *педагога-практика*. «Читая и перечитывая труды Песталоцци, мы увлекаемся его горячимъ чувствомъ, его любовью къ человѣку; но въ то же время изъ мрака вѣковъ передъ нами невольно встаетъ другой величавый образъ другаго педагога, также горячо преданнаго великому дѣлу народнаго воспитанія; и чѣмъ больше мы вчитываемся и размышляемъ, тѣмъ яснѣе становится образъ Коменскаго: это *его* идеи, *его* стремленія, *его* открытія. Сопоставленные вмѣстѣ, они какъ бы комментируютъ другъ друга, но въ то же время оригинальность, глубина и широта педагогическихъ воззрѣній Коменскаго ставятъ его безконечно выше Песталоцци». Полагая, что мысль эта для многихъ покажется парадоксальной, авторъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ словъ рядъ фактовъ, убѣждающихъ, что положенія Песталоцци, формулированныя его ученикомъ—знаменитымъ Дистервегомъ, ранѣе высказаны Коменскимъ. Вотъ эти положенія, приведенныя авторомъ цѣликомъ изъ Дистервега: 1) Правила воспитанія не создаются; ихъ надо искать въ человѣческой природѣ. 2) Живое стремленіе къ усовершенствованію лежитъ въ природѣ человѣка, который, какъ существо органическое, принадлежитъ органической природѣ. 3) Слѣдовательно, главная задача

истиннаго воспитанія состоитъ въ устраненіи препятствій для развитія; оно должно дѣйствовать болѣе отрицательно, чѣмъ положительно. 4) Положительное дѣйствіе воспитанія состоитъ въ возбужденіи; наука воспитанія есть искуство возбуждать. 5) Развитіе человѣка начинается съ ощущеній, съ чувственныхъ впечатлѣній; его высшій умственный идеалъ составляетъ разумность, а практическій — самостоятельность. 7) Способность къ практической дѣятельности зависитъ гораздо больше отъ обладанія умственными и тѣлесными силами, чѣмъ отъ знанія; и потому главною задачей воспитанія (а также и обученія) служитъ развитіе формальной силы. 8) Развитіе религіозности человѣка гораздо болѣе зависитъ отъ обращенія съ благочестивою матерью и сильнымъ волею отцомъ, чѣмъ отъ заучиванія текстовъ и катехизиса. Религіозное, какъ и все воспитаніе вообще, должно начинаться съ рожденія дитяти. Оно лежитъ преимущественно на рукахъ матери. 9) Главными предметами для формальнаго развитія силы суть *форма, число и рѣчь.*

Замѣчая, что 7-й и 9-й изъ этихъ тезисовъ слѣдуетъ отстранить, какъ составляющіе слабыя стороны и что они болѣе принадлежатъ Дистервегу, чѣмъ Песталоцци, авторъ остальные указываетъ въ трудахъ Коменскаго. Давъ такое значеніе трудамъ Коменскаго, Миропольскій въ дальнѣйшемъ изложеніи знакомитъ съ главнѣйшими его педагогическими идеями, которыя имѣютъ въ себѣ «глубокія основы и для *дальнѣйшаго* будущаго развитія педагогической науки»; но ранѣе, нежели приступить къ этому изложенію онъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія объ относительномъ значеніе его дидактическихъ трудовъ и знакомитъ читателей съ критическими воззрѣніями Коменскаго на современную ему школу и на дѣло обученія вообще. Изъ приведенныхъ нами выше сочиненій главнѣйшими авторъ считаетъ «Великую Дидактику», въ которой, по его словамъ. «видѣнъ широкій размахъ мысли глубокой и вполнѣ свѣжей, которую еще не съузили неудачи опыта, которая еще не задается вопросомъ, выполнимы-ли новыя идеи и предначертанія въ данное время, при данныхъ условіяхъ; вполнѣ сознавая новость и самобытность своего труда, онъ предвидитъ борьбу съ старымъ порядкомъ дѣлъ, съ преданіями и предразсудками, но онъ полонъ вѣры въ свою миссію и смѣло, и рѣшительно обѣщаетъ такіе результаты отъ новой школы. которые и понынѣ еще desiderata будущаго; смѣло плыветъ онъ на полныхъ парусахъ, не лавируя, давая свободный ходъ теченію своихъ мыслей». Обращаясь къ критическимъ воззрѣніямъ Коменскаго, Миропольскій говоритъ, что они отличаются необыкновенною мѣткостью и глубоко-яснымъ пониманіемъ дѣла, предлагаемыя имъ практическія мѣры могутъ служить и въ настоящее время для развитія народнаго образованія. Затѣмъ авторъ представляетъ въ сгруппированномъ видѣ эти воззрѣнія. Коменскій замѣчать: 1) что до сихъ поръ не было школъ, гдѣ учились бы *всѣ, всѣму, совершенно;* 2) что въ школѣ царятъ распущенность и пренебреженіе нравственнымъ образованіемъ; 3) что всюду преобладаетъ чисто—словесная ученость, нежели реальное знаніе; 4) что многія изъ школъ, ограничиваясь латинскимъ языкомъ, совершенно пренебрегаютъ отечественнымъ; 5) что схоластическій методъ языкознанія долженъ быть замѣненъ практическимъ. Причину неуспѣшности школьнаго ученія Коменскій видитъ: 1) въ неправильной постановкѣ дѣла, противной естественнымъ законамъ человѣческаго развитія; 2) въ общемъ недостаткѣ въ школьныхъ пособіяхъ и принадлежностяхъ, необходимыхъ для раціональнаго преподаванія; 3) въ несовершенствѣ самихъ учебниковъ, въ которыхъ не соблюдается тотъ естественный порядокъ, чтобы сперва данъ былъ матеріалъ, а затѣмъ

слѣдовала форма. («Обыкновенно же въ школахъ учатъ языку прежде вещей; нѣсколько лѣтъ упражняютъ умъ въ словесныхъ искуствахъ, и только въ послѣдствіи, невѣдомо когда, переходятъ къ реальнымъ знаніямъ, тогда какъ вещь есть существенное, а слово случайное»). Причины неуспѣшности школьнаго ученія заключаются также 4) въ раннемъ ученіи прежде чѣмъ у дѣтей явилась любовь къ ученію; 5) въ массѣ предметовъ, которымъ дѣтей хотятъ учить разомъ; 6) въ подавленіи памяти диктовкой множества словъ и понятій, тогда какъ естественный процессъ развитія дѣтской природы указываетъ прямо, что сперва слѣдуетъ озаботиться развитіемъ пониманія вещей, затѣмъ памяти, далѣе языка и рукъ; 7) въ непедагогическомъ расположеніи самого обученія, когда начинаютъ его съ изученія наукъ, вдаются въ подробности, не предпославши предварительно общаго сокращеннаго обозрѣнія науки; изучаютъ искуства, языки, не сообщивши дѣтямъ ихъ элементовъ; 8) въ неисправномъ посѣщеніи учениками школъ; 9) въ небрежности учителей, часто начинающихъ новое дѣло не окончивъ стараго; 10) въ отсутствіи у учителей опредѣленнаго плана занятій; 11) въ наспльственныхъ мѣрахъ, которыми думаютъ побудить дѣтей къ ученію; 12) въ пренебреженіи правиломъ, требующимъ, чтобы при обученіи переходили отъ легкаго къ трудному; при этомъ онъ замѣчаетъ, что латыни нужно учиться посредствомъ роднаго языка, а не наоборотъ; 13) въ преподаваніи иностранныхъ языковъ преподавателями, не знающими родной рѣчи ученика; 14) въ чрезмѣрномъ обремененіи учениковъ работами; 15) въ отсутствіи разъясненія заданнаго ученику; 16) въ дурномъ направленіи школъ, которыя потеряли изъ виду свою общеобразовательную цѣль и обратились въ фабрику риторовъ и діалектиковъ. Медленность успѣховъ Коменскій объясняетъ тѣмъ; 1) что школы не опредѣляютъ себѣ заранѣе цѣли, до которой слѣдуетъ доводить учащихся, не имѣютъ подробнаго распредѣленія занятій, въ теченіе каждаго года, мѣсяца и дня; 2) что соединенное въ природѣ воспринимается не связно, но отрывочно; 3) что руководители обученія не знаютъ прямого, безошибочно ведущаго къ цѣли пути; 4) что науки и искуства преподаются не полно, не энциклопедично, но отрывочно; 5) что недостаетъ единства метода; 6) что учителя не владѣютъ искуствомъ совмѣстного обученія и не умѣютъ занимать всѣхъ учениковъ въ то время, когда спрашиваютъ одного; 7) что множество учителей затрудняютъ учениковъ, предлагая имъ каждый часъ новое и различное; 8) что ученикамъ дозволяется читать въ классѣ и внѣ класса, кромѣ учебниковъ, другія книги. Многія изъ указанныхъ Коменскимъ причинъ малоуспѣшности обученія нынѣ устранены, по крайней мѣрѣ въ теоріи, но многія и теперь существуютъ и не перестаютъ заботить педагоговъ. Надо удивляться, что Коменскій, жившій два вѣка тому назадъ, такъ мало устарѣлъ, или, вѣрнѣе,—тому что обученіе въ 200 лѣтъ сдѣлало столь незначительные успѣхи, что большинство его критическихъ замѣчаній могли бы быть сдѣланы и теперь.

Главнѣйшія иден Коменскаго авторъ излагаетъ, оговариваясь, что онъ различаетъ въ немъ педагога—теоретика и практика (журн. мин. за іюль). Имѣя въ виду Коменскаго, какъ теоретика-педагога, онъ говоритъ: I) объ открытомъ имъ основномъ началѣ педагогіи вообще и объ основномъ принципѣ дидактики въ частности, II) объ открытыхъ имъ законахъ воспитывающаго обученія, III) объ его идеѣ о педагогическомъ методѣ, IV) объ его ученіи о дисциплинѣ и о планѣ внутренней организаціи школьнаго обученія, и V) объ его идеѣ о народной школѣ.

I. До Коменскаго, говоритъ авторъ, существовало только чисто-эмпирическое педагогическое знаніе и традиціонное искуство. Всеобъемлющій и глубокій умъ Коменскаго впервые обнялъ въ единствѣ и цѣлости основной идеи безконечно-сложную и неуловимо-разнообразную массу опытовъ, средствъ и пріемовъ учебно-педагогической дѣятельности. Ему принадлежитъ первое установленіе основнаго педагогическаго принципа, который сдѣлалъ возможнымъ дальнѣйшее развитіе педагогіи, какъ науки. Этотъ принципъ очень простъ и общеизвѣстенъ: «*Воспитаніе человѣка должно быть сообразно съ его природой*». Но эта-то простота и составляетъ его достоинство: основное начало не можетъ быть сложнымъ. Установленный Коменскимъ принципъ *естественности* воспитанія есть неизмѣнный и высшій принципъ педагогіи и имѣетъ всѣ черты научнаго начала, что авторъ и доказываетъ далѣе. «Вникая въ этотъ принципъ, полагаемый Коменскимъ въ основу воспитанія съ формальной стороны, говоритъ авторъ, мы находимъ первыми его признаками свободу и естественность; съ реальной точки зрѣнія начало это заключаетъ въ себѣ все богатство, все содержаніе безконечно-разнообразной жизни духа». «Кто знаетъ, что такое человѣкъ, говоритъ Дистервегъ, чего требуетъ его природа, и въ чемъ состоитъ его счастье и предназначеніе, тотъ непремѣнно желаетъ свободнаго развитія каждаго человѣка, всѣхъ народовъ и всего человѣческаго рода». Для выясненія постановленнаго Коменскимъ принципа, Миропольскій обращается къ его взгляду на человѣка и его природу. На человѣка Коменскій смотритъ, какъ на живую личность, психофизическій организмъ, заключающій въ себѣ самомъ законы для развитія, зерно и корень для интеллектуальнаго и нравственнаго образованія». Все воспитаніе заключается въ возбужденіи самой природы къ развитію, къ проявленію, къ самодѣятельнооти,—сперва внѣшнихъ чувствъ, а затѣмъ и высшихъ духовныхъ дѣятельностей; поэтому «воспитаніе вовсе не есть что-либо случайное и произвольное; это цѣлесообразное возбужденіе естественнаго процесса развитія человѣка». Положенія Коменскаго апріоорестично; индуктивныя науки въ его время были на весьма низкой ступени развитія; нынѣ мы, опредѣляя природу человѣка, должны руководствоваться тѣмъ, что даетъ намъ естествознаніе, ибо, какъ говоритъ и Коменскій, только при познаніи природы человѣка возможно раціональное его воспитаніе. Что же такое человѣкъ? Для отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ обратиться къ наукѣ, предметъ которой *все что живетъ* она только можетъ отвѣчать намъ *удовлетворительно и ея положенія слѣдуетъ положить въ основу науки о воспитаніи*. Переходя къ дидактикѣ, Миропольскій говоритъ, что Коменскій указалъ принципъ, на которомъ она зиждется,—принципъ *воспитывающаго обученія*.

II. Законы дидактики, заключающіеся въ основномъ принципѣ педагогіи, установленномъ Коменскимъ, неизмѣнны, какъ представляющіе развитіе принципа высшаго. «Такимъ образомъ, продолжаетъ Миропольскій, всѣ столь знакомыя всѣмъ положенія, каковы: нужно идти отъ близкаго къ далекому, отъ простаго къ сложному, или — «обученіе должно быть постепеннымъ», «сперва фактъ, а затѣмъ слово» и т. п., всѣ эти истины извѣстны были Коменскому и онъ есть истинный ихъ inventor,если можно только назвать пріобрѣтеніемъ извлеченіе въ свѣтъ того, что лежало раньше въ глубинѣ природы человѣческой и чему человѣкъ слѣдовалъ во всѣ вѣка безсознательно». При этомъ мы должны замѣтить, что многія дидактическія положенія, были высказаны еще Сократомъ, какъ мы это ука-

зали въ предъидущемъ обозрѣніи, и поэтому Коменскаго называть ихъ изобрѣтателемъ можно лишь игнорируя великаго учителя древнихъ Аѳинъ. Въ виду важности началъ воспитывающаго обученія, авторъ дѣлаетъ краткій разборъ трехъ главъ «Великой дидактики», посвященныхъ этому предмету. Установивъ общій принципъ: «обученіе должно быть сообразно съ природой», Коменскій обращаетъ вниманіе: 1) на благовременность—образованіе человѣка должно начинаться въ дѣтствѣ; 2) на необходимость подготовки учащихся, сообщенія ученикамъ содержанія прежде формъ, руководствуясь чѣмъ необходимо: a) имѣть достаточный запасъ книгъ и всѣхъ другихъ учебныхъ пособій, b) заботиться о развитіи разсудка прежде языка, c) обучать языкамъ не по грамматикѣ, но по избраннымъ авторамъ, d) реальныя науки предпосылать формальнымъ и e) примѣры давать прежде правилъ; 3) на существующее въ человѣкѣ предрасположеніе къ знанію, почему задача учителя состоитъ въ томъ, чтобы вызвать въ дитяти расположеніе къ умственному труду, потребность развитія, подготовить живой матеріалъ для педагогической обработки; 4) на существующую многопредметность учебнаго курса, на слитность предметовъ и занятій, предлагаемыхъ для единовременнаго изученія ученику; 5) на то, что природа начинаетъ всякую свою дѣятельность извнутри, 6) на необходимость учить сперва основаніямъ и общему, а затѣмъ выводамъ и частностямъ; нужно сперва дать общій очеркъ науки, въ ея элементарномъ видѣ, затѣмъ лишь давать систему, а наконецъ уже переходить къ спеціальной обработкѣ частныхъ ея вопросовъ; 7) на то, что природа не дѣлаетъ скачковъ, но идетъ шагъ за шагомъ: 8) на то, что обученіе не можетъ разсчитывать пока: a) курсъ обученія не будетъ проходиться сполна, b) пока школу будутъ безпокоить, тревожить и перебивать занятія внѣшнимъ шумомъ, c) пока планъ занятій не будетъ выполняемъ безъ перерывовъ и наконецъ d) пока будутъ терпимы опущенія классовъ и отлучки изъ школы; 9) на необходимость предохранить школу, обученіе и учащихся отъ всего вреднаго. Затѣмъ Коменскій обращается къ изложенію началъ обученія легкаго и пріятнаго: 1) для успѣха дѣла, нужно начинать ученье вовремя и прежде всего заботиться о нравственномъ образованіи, а затѣмъ и о знаніи; 2) прежде всего всѣми мѣрами должно стараться возбудить въ учащихся горячее желаніе знать и учиться; затѣмъ самый способъ обученія долженъ облегчать трудъ ученія; 3) въ обученіи должно учить сосредоточенно, избѣгая множества словъ; 4) природа идетъ отъ легкаго къ трудному, почему необходимо: a) чтобы учитель говорилъ на родномъ языкѣ ученика, и на этомъ языкѣ предлагалъ бы правила языковъ, вновь изучаемыхъ; b) чтобы всѣ объясненія предметовъ также совершались на родномъ языкѣ; c) чтобы грамматики и лексиконы приспособлялись къ тому языку, который служитъ посредствующимъ при изученіи другаго; d) чтобы занятіе новыми языками совершалось постепенно: сначала ученикъ пусть привыкаетъ понимать рѣчь, затѣмъ учится писать и наконецъ, научается говорить; e) чтобы родная рѣчь всегда предшествовала латыни; f) самые предметы всегда должны быть распредѣляемы такимъ образомъ, чтобы сперва изучались окружающіе ученика, затѣмъ близкіе предметы, потомъ болѣе отдаленные и наконецъ, самые далекіе. g) сперва должно упражнять внѣшнія чувства дитяти, потомъ память, далѣе разсудокъ и наконецъ сужденіе. Далѣе Коменскій указываетъ; 5) что необходимо избѣгать обилія предметовъ и занятій въ школахъ; 6) уменьшить число учебныхъ часовъ, не обременять слишкомъ памяти и все располагать

сообразно съ степенью воспріятія учащихся; 7) при выборѣ предметовъ обученія мало имѣть въ виду только степень ихъ доступности, но и расположеніе дѣтей къ тому или другому занятію; 8) учитель долженъ только содѣйствовать естественному развитію, всѣми средствами помогать самостоятельной работѣ учениковъ; 9) учитель увеличитъ легкость обученія, если будетъ сообщать учащимся свѣдѣнія, пригодныя въ ежедневной нашей жизни, которыя ученики могли бы обращать въ дѣло; 10) легкость обученія требуетъ единообразной учебной дѣятельности въ школѣ. Изложивъ приведенныя нами вкратцѣ начала Коменскаго, авторъ переходитъ къ изложенію тѣхъ основныхъ требованій, «посредствомъ которыхъ можно сдѣлать обученіе въ школѣ прочнымъ и основательнымъ, дѣйствуя согласно съ природой. Такихъ основныхъ принциповъ онъ насчитываетъ также десять. Обученіе станетъ основательнымъ, когда 1) въ школахъ будутъ преподаваться предметы дѣйствительно полезные; 2) когда весь учебный курсъ будетъ имѣть единство; 3) когда все будетъ опираться на прочныя основы, а самыя основы 4) будутъ положены глубоко; 5) когда все обученіе будетъ основываться только на однихъ этихъ началахъ; 6) когда все, различаемое по частно, съ точностью будетъ разграничено; 7) когда все послѣдующее будетъ основываться на предъидущемъ; 8) когда все сродное будетъ находиться въ постоянной связи; 9) когда весь учебный матеріалъ будетъ расположенъ въ правильномъ отношеніи къ разсудку, памяти и языку, и наконецъ, 10) когда все будетъ укрѣпляемо постояннымъ упражненіемъ». Перечисляя эти основныя требованія, Миропольскій о каждомъ изъ нихъ говоритъ особо.

III. Изъ основнаго принципа воспитанія Коменскій непосредственно вывелъ *педагогическій методъ*, который, въ противоположность научному субъективенъ; «цѣль его—приспособить расположеніе учебнаго матеріала къ естественному ходу развитія дѣтской личности». Коменскій различаетъ четыре вида, или правильнѣе, момента одного и того же метода: 1) въ методѣ наукъ проводитъ идею наглядности въ обученіи; 2) метода искуствъ служитъ дополненіемъ метода наукъ, такъ какъ въ общую цѣлость общеобразовательнаго учебнаго курса входятъ не только теоретическія знанія, но и практическіе навыки,—умѣнья; 3) методъ искуствъ и 4) методъ нравственнаго образованія. «Вытекая изъ общаго начала, всѣ они представляютъ собою единство и цѣлость и взаимно дополняютъ другъ друга, ибо задачи наукъ, искуствъ и языковъ нераздѣльно соединены въ обученіи съ задачами моральнаго развитія личности».

Понимая важность единства учебнаго метода, Коменскій ставитъ вопросъ: какимъ образомъ можно достигнуть того, чтобы преподавать все по одной и той же методѣ? Отвѣтомъ на это служатъ слѣдующія строки: «Воспитаніе должно быть сообразно съ природой воспитываемаго, слѣдовательно, и методъ учебно-воспитательный долженъ быть естественнымъ, т. е., должно опираться на естественные законы развитія человѣческой природы; но природа человѣческая въ существѣ своемъ одна и та же, слѣдовательно, и методъ педагогическій въ существѣ своемъ долженъ быть одинъ и тотъ же». «Изучивъ природу человѣка, учитель долженъ все соображать съ естественнымъ ходомъ развитія ученика, сохраняя индивидуальность воспитанія и все возводя къ единству общаго воспитательнаго принципа». Далѣе авторъ обращается къ идеямъ Коменскаго о концентраціи обученія. «Во всѣхъ школахъ, говоритъ Коменскій, должно быть преподаваемо одно—все, что дѣлаетъ человѣка ис-

тинным человѣкомъ, только сообразно съ возрастомъ и воспріемлемостью учащихся, при чемъ слѣдуетъ располагать предметы по естественной методѣ, т. е., постепенно расширяющимися кругами». Идеи Коменскаго о педагогическомъ методѣ изложены Мирополькимъ довольно полно; методамъ наукъ и искуства онъ посвящаетъ весьма значительную часть послѣдняго отдѣла своей статьи. Къ сожалѣнію объемъ нашего обозрѣнія заставилъ насъ о многомъ совсѣмъ не упомянуть; но тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что цѣль наша достигнута: читатели серьезно интересующіеся педагогическими вопросами уже изъ нашего короткаго изложенія видятъ на сколько интересенъ трудъ почтеннаго автора и безъ сомнѣнія захотятъ сами ознакомиться съ его статьей. Перейдемъ теперь къ ученію Коменскаго о дисциплинѣ и къ его плану организаціи школьнаго обученія.

IV. Въ основѣ всякой школьной организаціи лежитъ дисциплина, которую Коменскій понималъ «необыкновенно-глубоко и гуманно-педагогически», «Дисциплина должна быть примѣняема безъ страстности, гнѣва и ненависти»; она имѣетъ гораздо болѣе воспитательную, нежели учебную цѣль: возстановленіе, а не разрушеніе, исправленіе, а не казнь. «Школа Коменскаго вся дышетъ миромъ и любовью, связана глубокимъ внутреннимъ единствомъ»; онъ понималъ, что живое начало порядка и дисциплины лежитъ не во внѣшнихъ предписаніяхъ, а во внутреннемъ самоустроеніи личности, въ навыкѣ свободнаго и сознательнаго подчиненія закону. Идеи Коменскаго о развитіи въ молодыхъ натурахъ самообладанія въ высшей степени замѣчательны. Сила воли, говоритъ онъ, пріобрѣтается и крѣпнетъ въ побѣдахъ надъ собою». Коменскій обученіе и дисциплину желалъ поставить въ тѣсную связь; «въ школѣ нѣтъ мѣста quasi — знанію, поверхностному, легкомысленному, ибо знаніе должно осмыслять жизнь и служить руководствомъ воли. Въ этомъ смыслѣ нужно понимать и извѣстное изрѣченіе его, что «въ школѣ должно учить только полезному». Признавая трудъ великой и живой силой нравственнаго развитія, Коменскій совѣтуетъ занимать учениковъ серьезнымъ, пріятнымъ и увлекающимъ дѣломъ, а также предохранять развивающуюся дѣтскую натуру отъ ошибокъ. Затѣмъ авторъ излагаетъ идеи Коменскаго о внутренней организаціи школьнаго ученья, причемъ останавливается на вопросѣ о классной системѣ преподованія, за которую стоялъ Коменскій, полагавшій, что должно давать цѣльное знаніе, а не клочки его, и что для единства педагогическаго метода, непрерывности и концентраціи учебнаго курса необходима объединяющая личность преподавателя. Говоря объ условіяхъ успѣха школьнаго обученія, Коменскій указываетъ, какъ на главную задачу учителя—возбужденіе вниманія во всемъ классѣ, говоря о чемъ авторъ приводитъ поставленныя Коменскимъ условія для поддержанія вниманія. Коменскій признавалъ существенно важнымъ для успѣшнаго веденія школьнаго дѣла равномѣрность успѣховъ учениковъ одного класса и порицалъ многословіе, въ которое часто вдаются ученики при своихъ классныхъ объясненіяхъ.

V. До Коменскаго не мыслимо было существованіе элементарной народной школы, потому что существованіе ея невозможно безъ народнаго языка, безъ наглядnаго обученія, безъ идеи воспитывающаго обученія. Ставя вопросы о возможности существованія народной школы, авторъ заключаетъ, что Коменскаго слѣдуетъ признать истиннымъ основателемъ народной школы. Идеальная школа великаго педагога общедоступна: «въ нее идетъ всякій ребенокъ, безъ различія пола, состоянія, общественнаго положенія. Мальчики

учатся съ дѣвочками, ибо и тѣ, и другія—дѣти, цѣль которыхъ одна и та же». Всѣ получаютъ необходимое элементарное образованіе, ибо всѣ какъ, существа разумныя, должны выполнить свое человѣческое назначеніе. Обученіе свободно и легко, потому что не насилуются силы учениковъ и ученіе ведется сообразно природѣ дѣтей. Въ основу школы положенъ родной языкъ и наглядное обученіе; «духъ школы его — духъ свѣта и радости, расположенія и любви; учитель ея подражаетъ солнцу, все освѣщающему, согрѣвающему и плодотворящему. Дисциплина этой школы — это нравственно образующая и созидающая сила, она внушаетъ не страхъ, а любовь. Единство во всемъ есть общій девизъ этой школы. Обученіе въ ней свободно, ибо естественно. Эта школа имѣетъ классныхъ учителей, взаимное обученіе; даже съ внѣшней стороны школа Коменскаго есть такое веселое, привѣтливое и привлекательное мѣсто, куда дѣти спѣшатъ съ радостью; книги, карты, модели, коллекціи, живые образцы, чучела, словомъ все, что даетъ современная изобрѣтательность нашимъ школамъ, все это было въ идеѣ элементарной школы Коменскаго». Ученіе въ ней отъ шести до тринадцати лѣтъ; курсъ состоитъ: изъ чтенія, письма, счисленія, геометріи, пѣнія свѣтскаго и церковнаго, началъ музыки, катехизиса, исторіи и текстовъ св. писанія, ученія о нравственности, практическихъ свѣдѣній изъ политической экономіи, всеобщей географіи и исторіи, свѣдѣній изъ космографіи и наконецъ, изъ нѣкоторыхъ свѣдѣній изъ механическихъ искуствъ. Заключая свою статью, Миропольскій говоритъ, что онъ далеко не исчерпалъ всего значенія, какое имѣетъ Коменскій и рекомендуетъ его творенія особому вниманію педагоговъ; мы въ нашемъ въ высшей степени краткомъ очеркѣ далеко не вполнѣ познакомили читателей съ весьма объемистой статьею почтеннаго автора, обратившаго вниманіе читающей публики на великія мысли Коменскаго, и позволимъ себѣ рекомендовать эту статью особому вниманію всѣхъ интересующихся вопросами обученія и воспитанія. Противъ многихъ частностей можно возражать, но въ цѣломъ Коменскій и теперь великъ, такъ что современному педагогу игнорировать его трудъ значитъ не признавать великихъ началъ, легшихъ въ основаніе всего европейскаго образованія. Чтеніе этой статьи возбуждаетъ весьма серьезныя мысли и приводитъ къ заключеніямъ, которыя не пропадутъ безслѣдно для сколько нибудь развитаго человѣка. Статья эта имѣетъ тѣмъ бо̀льшее значеніе для настоящаго времени, что въ ней ясно опредѣлены основы раціональнаго обученія, которое начинается съ изученія самихъ предметовъ и родной рѣчи и точно указаны недостатки исключительнаго литературнаго образованія. Чтобы быть безпристрастными, мы должны упомянуть также о ясно выраженномъ желаніи автора, внушить читателямъ важность того, что Коменскій — славянинъ. Такое желаніе намъ кажется умѣстнымъ лишь по отношенію къ воцарившейся въ обществѣ вѣрѣ въ исключительный авторитетъ нѣмецкой педагогіи, которая имѣетъ и свои слабыя стороны; принципъ же національности по нашему мнѣнію, неумѣстенъ въ воспитаніи, потому что задача воспитанія—всесторонне развить человѣка, сообразно его природѣ, вовсе не придерживаясь тѣхъ исключительныхъ взглядовъ, которые существуютъ въ той или другой національности. Развитіе сглаживаетъ существующее между ними отличіе и образованные люди всѣхъ странъ часто болѣе близки другъ другу, чѣмъ образованные и невѣжественные, принадлежащіе къ одной и той же народности. Образованіе ведетъ къ сближенію людей, а не къ ихъ разъединенію; образованный человѣкъ есть членъ всей человѣческой семьи, а не

исключительно извѣстной территоріи или извѣстнаго племени. Намъ могутъ не правиться какія либо черты извѣстной національности — это другое дѣло, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что національности должны развивать исключительно имъ принадлежащія черты; наоборотъ, общее развитіе должно сгладить рознь, что и легко замѣтить если прослѣдить исторически развитіе всего человѣческаго общества. Для того же чтобы существовала солидарность между образованными и необразованными одного и того же государства, нужно озаботиться образованіемъ массъ, нужно, на сколько это возможно, поднять ихъ до себя, а вовсе не возбуждать въ себѣ искуственно національныя чувствованія, которыя къ тому же никакого добра принести не могутъ.

Измѣнившееся до извѣстной степени въ послѣднее время экономическое положеніе женщинъ и все болѣе и болѣе распространяющееся убѣжденіе въ необходимости для нихъ серьезнаго образованія заставили обратить особое вниманіе на, такъ называемый, «женскій вопросъ». Директоръ 3-й С.-Петербургской гимназіи г. Летоніусъ, по порученія Министра Народнаго Просвѣщенія, осмотрѣлъ нѣкоторыя женскія учебныя заведенія и представилъ отчетъ «Общеобразовательныя и спеціальныя женскія учебныя заведенія въ Берлинѣ», напечатанный въ майской книгѣ журн. Министерства. Объ этой статьтѣ мы и намѣрены теперь поговорить. Образованіе дѣвицъ, говоритъ Лемоніусъ, до сихъ поръ большею частью находится въ Пруссіи въ рукахъ частныхъ лицъ или городскихъ общинъ, а не правительства, и такой порядокъ дѣлъ истекаетъ, по его мнѣнію, изъ убѣжденія, что развитіе женщины должно быть предоставлено преимущественно семейной средѣ. Если въ Пруссіи, продолжаетъ авторъ, иначе смотрятъ на женское воспитаніе, чѣмъ на мужское, то это не потому, чтобы тамъ ставили женщину ниже мужчины или считали ее менѣе способною къ умственному развитію, а потому что оба пола, пользуясь совершенною равноправностью въ нравственномъ мірѣ, по различію врожденныхъ свойствъ своихъ, имѣютъ разныя сферы дѣятельности, — сферы, составляющія равностепенные, дополняющіе другъ друга моменты въ исторіи человѣчества. Дѣятельность женщины авторъ обусловливаетъ семьей, выйдя изъ круга которой, она измѣнила бы своему назначенію и лишилась бы естественныхъ своихъ преимуществъ, мѣняя ихъ на весьма сомнительный успѣхъ на чужомъ поприщѣ; она отреклась бы отъ дѣйствительнаго своего вліянія въ обществѣ, вступивъ въ состязаніе съ поломъ, превосходящимъ ее природными свойствами своего существа. Высказываясь такимъ образомъ, г. Лемоніусъ ссылается на рѣчь доктора Визе и присовокупляетъ: «Если убѣжденіе въ необходимости воспитывать женщину иначе, нежели мужчину, сдѣлалось общимъ убѣжденіемъ нѣмцевъ, то понятно, почему въ Германіи эксцентрическія стремленія сѣверо-американской пропаганды касательно политическаго положенія женщинъ и попытки устранить всякое различіе въ положеніи того и другаго пола не могли найдти благодарной почвы и развѣ только кое-гдѣ пустили тощіе корни. Число приверженцевъ этихъ привозныхъ идей своею ничтожностью доказываетъ, какъ чуждо нѣмецкому народу понятіе объ эмансипаціи женщины, въ формѣ сѣверо-американскаго радикализма». Далѣе авторъ говоритъ, что прусскіе университеты, принимая въ соображеніе невозможность встрѣтить между женщинами достаточно подготовленныхъ къ слушанію университетскаго курса, не допуская даже возможности такого экзамена, единогласно отказались допускать женщинъ на свои лекціи и починъ въ этомъ дѣлѣ остался за Цюрихскимъ университетомъ. При этомъ авторъ указываетъ, какъ на

авторитетъ, на доктора Гнейста, который высказался весьма рѣшительно противъ открытія женщинамъ университетскихъ аудиторій, не вслѣдствіе однако внѣшнихъ соображеній, но по причинамъ внутреннимъ. «Для женщины, по его мнѣнію, необходимъ другой способъ изложенія научныхъ истинъ. Мужчина долженъ получить строго-систематическое образованіе, которое и составляло издавна славу нѣмецкой школы; женщина же болѣе нуждается въ точныхъ *результатахъ* научныхъ изслѣдованій. *Участіе женщинъ въ нашихъ академическихъ лекціяхъ*, говоритъ Гнейстъ, *хотя и незамѣтно, но надолго перемѣнило бы ихъ характеръ. Возбуждающая къ изслѣдованію сила нашихъ лекцій уничтожилась бы ради какого-то дешеваго, внѣшняго, всѣмъ доступнаго блеска*». Изъ всего высказаннаго г. Лемоніусомъ относительно женщинъ и ихъ образованія, ясно опредѣляется его взглядъ. Мы обращаемъ вниманіе читателей на то, что это взглядъ, раздѣляемый весьма многими, но *только взглядъ и не болѣе*. Въ самомъ дѣлѣ, какое основаніе имѣетъ авторъ, утверждая, что назначеніе женщины не выходить изъ сферы семейной дѣятельности? Почему, выйдя изъ этой сферы, она лишится естественныхъ преимуществъ? Почему другая дѣятельность, къ которой она можетъ быть способной,—чуждое для нея поприще? Почему ея вліяніе не должно простираться далѣе семейнаго очага и—успѣхъ ея на другомъ поприщѣ кажется г. Лемоніусу весьма сомнительнымъ? Дѣйствительно ли мужчины превосходятъ женщинъ *свойствами своего существа*? Массу подобныхъ вопросовъ можно поставить,—вопросовъ далеко нерѣшенныхъ согласно со *взглядомъ* г. Лемоніуса. Положенія его—чисто апріористическія заключенія, неимѣющія основанія быть научными, а потому на нихъ ссылаться и нельзя. Г. Лемоніусу нравятся одни взгляды, намъ—другіе; изъ этого еще ничего не слѣдуетъ. Отвѣтъ на эти вопросы можетъ дать только положительная наука и нѣсколько исторія, которая знакомитъ насъ съ дѣятельностью женщинъ, имѣвшихъ огромное вліяніе на современниковъ, далеко переступившихъ кругъ семейной жизни и тѣмъ оказавшихъ великія услуги цѣлымъ народамъ. Убѣжденіе въ необходимости исключительнаго воспитанія для женщинъ въ Германіи вовсе не всеобще; попытки расширить кругъ дѣятельности женщинъ пустили не «тощіе корни», но не успѣли еще привести къ желанной цѣли. Напрасно, выработанныя временемъ, новыя идеи г. Лемоніусъ называетъ *привозными;* это слово вовсе не умаляетъ ихъ достоинства, даже если бы они и были таковыми. Правда, г. Лемоніусъ, многое привозное плохо, но далеко не все. Мнѣніе объ отсутствіи у женщинъ достаточной научной подготовки, необходимой для слушанія университетскихъ лекцій, тоже не вполнѣ вѣрно, потому что въ Цюрихѣ теперь слушаютъ курсъ весьма многія и Цюрихскому университету мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ двухъ женщинъ докторовъ: гг. Суслову и Бокову. Накопецъ, недостатокъ подготовки вызываетъ учрежденія, которыя могли бы дать эту подготовку, что авторъ обходитъ, хотя и говоритъ, что Фанни Левальдъ «требуетъ реальныхъ училищъ, на основаніи которыхъ въ послѣдствіи времени могли бы возникнуть *особые женскіе университеты*». Приведя ея слова, онъ продолжаетъ: «Такъ какъ почтенная писательница не представила никакого проекта предлагаемыхъ ею училищъ, то и нельзя судить о возможности ихъ осуществленія». Авторъ увлекся успѣхомъ осмотрѣнныхъ имъ въ Берлинѣ школъ и видитъ въ этихъ учрежденіяхъ все, чего слѣдуетъ желать; онъ заключаетъ свою статью такъ: «Всѣ мои наблю-

денія въ Берлинскихъ заведеніяхъ для образованія учительницъ и воспитательницъ привели меня къ убѣжденію, что они съ успѣхомъ рѣшаютъ высокую свою задачу, и я не могу не выразить желанія, чтобъ имѣющія возникнуть въ Россіи учрежденія для педагогическаго образованія женщинъ, утверждаясь на незыблемыхъ основахъ вѣры и нравственности, также явились обильными и живыми разсадниками женскаго образованія, отъ котораго зависитъ будущность нашего великаго отечества». Въ заглавіи этой статьи есть слово «общеобразовательныя», но авторъ, къ сожалѣнію, почти ничего не сказалъ объ учрежденіи, возникшемъ, благодаря Линѣ Моргенштернъ, которое въ высшей степени интересно и именно въ виду учрежденія у насъ заведеній для педагогическаго образованія женщинъ. Въ статьѣ говорится, что въ Пруссіи правительство, довольствуясь только общимъ надзоромъ, давало полный просторъ индивидуальнымъ стремленіямъ женскихъ училищъ, чѣмъ авторъ и объясняетъ существующее ихъ разнообразіе. Берлинскія женскія училища онъ подводитъ подъ слѣдующія три категоріи: 1) низшія или элементарныя, 2) среднія и 3) высшія, которыя представляютъ собою три концентрическіе курса и существуютъ самостоятельно. Въ низшихъ, говоритъ онъ, обучаютъ закону Божію, отечественному языку, первымъ четыремъ ариѳметическимъ дѣйствіямъ и рукодѣлію; въ среднихъ кромѣ того проходятъ краткій курсъ географіи и исторіи; въ высшихъ—предметы эти излагаются въ болѣе обширномъ объемѣ и затѣмъ въ нихъ преподаются еще новые языки, естествовѣдѣніе, физика, рисованіе, черченіе и рукодѣліе. Затѣмъ г. Лимоніусъ довольно подробно говоритъ о Викторіинскомъ училищѣ, о Викторіинскомъ лицеѣ, о королевскомъ Луизинскомъ институтѣ и объ Августинскомъ образовательномъ заведеніи для учительницъ и воспитательницъ. Мы изъ сказаннаго имъ извлечемъ наиболѣе интересныя свѣдѣнія о каждомъ изъ этихъ учрежденій. Каждый изъ девяти классовъ Викторіинскаго училища дѣлится на два отдѣленія, съ полугодичнымъ самостоятельнымъ курсомъ каждое; учебная программа, въ составъ которой входятъ: законъ Божій, нѣмецкій языкъ, ариѳметика, французскій языкъ, географія, исторія, естествовѣдѣніе, чистописаніе, рисованіе и пѣніе, какъ предметы обязательные, и англійскій языкъ, гимнастика и нѣкоторыя спеціальныя рукодѣлія, какъ необязательные,—программа эта, подробности которой мы не имѣемъ мѣста привести, составлена по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Такъ какъ курсъ училища разсчитанъ на учениць, оканчивающихъ имъ свое научное образованіе, то каждый предметъ преподаванія и по содержанію, и по способу изложенія такъ поставленъ, что ученицы и по окончаніи курса ученія сохраняютъ стремленіе расширить кругъ пріобрѣтенныхъ ими познаній. 2) Объемъ учебнаго предмета въ каждомъ училищѣ опредѣляется только даннымъ на преподаваніе его временемъ и силами учащихся при чемъ предполагается, что цѣль будетъ достигаться наиболѣе прямымъ путемъ; почему и не имѣются въ виду ученицы, выбывающія изъ училища ранѣе окончанія полнаго курса. 3) Ни одинъ предметъ не выходитъ за предѣлы курса общаго для всѣхъ учениць: a) потому что задача каждаго класса должна состоять лишь въ достиженіи результатовъ лишь возможныхъ; b) потому что училище безусловно обязано стремиться къ тому, чтобы сообщаемыя въ немъ свѣдѣнія твердо усвоивались учащимися, такъ чтобы во всякое время могли быть прилагаемы къ дѣлу; а потому самый способъ преподаванія, направленный къ этой цѣли, требуетъ много времени и не допускаетъ лишняго расширенія

курса. 4) Вслѣдствіе частыхъ переселеній семействъ изъ одной части города въ другую, назначено нѣсколько сроковъ для пріема ученицъ.

Для устраненія же неудобствъ, проистекающихъ отъ этого обстоятельства какъ для вновь вступившихъ, такъ и для прежнихъ, годичный курсъ каждаго класса раздѣленъ на два полугодовые курса, а именно такъ, что ученицы въ первое полугодіе проходятъ его вновь, а во второмъ повторяютъ пройденное. 5) Вслѣдствіе многопредметности училищной программы, неустранимой по требованіямъ времени, географія преподается преимущественно въ среднихъ трехъ классахъ, а исторія—въ трехъ высшихъ, но при прохожденіи исторіи повторяютъ и географію. Успѣхи ученицъ г. Лимоніусъ нашелъ весьма удовлетворительными. Викторіинскій лицей, цѣль котораго—поставить женщину на современный уровень общечеловѣческаго научнаго знанія, основанъ г-жею Эрчеръ и имѣетъ характеръ аристократическій, что впрочемъ предполагается устранить. При лицеѣ состоитъ совѣтъ попечителей, образовавшійся изъ лицъ, указаніями которыхъ г-жа Эрчеръ пользовалась при основаніи этого учрежденія; рекомендуемыя этимъ совѣтомъ лица, по приглашенію учредительницы, за опредѣленную плату, читаютъ еженедѣльно по одной лекціи, обыкновенно отъ 12 до 1 ч. пополудни. Время это выбрано въ виду того, что дѣвицы и замужнія дамы, слушающія эти лекціи, приэтомъ условіи могутъ пользоваться утреннимъ временемъ для исполненія хозяйственныхъ обязанностей и быть свободными послѣ обѣда. Каждый предметъ излагается обыкновенно въ 12-ти или 16-ти лекціяхъ, причемъ учебный годъ, раздѣленный на два семестра, продолжается отъ 1-го августа до 9-го апрѣля, что весьма удобно для живущихъ внѣ столицы. Изъ прилагаемаго авторомъ распредѣленія предметовъ лицейскаго курса мы приведемъ лишь послѣднее, за 1871 г. 1) Всеобщая исторія: Исторія германскихъ императоровъ. 2) Нѣмецкая литература: Гердеръ, Гёте, Шиллеръ. 1766—1794. 3) Исторія музыки. Германскіе композиторы со временъ Себастіана Баха до нашего времени. 4) Исторія искуствъ: Исторія германскаго искуства въ XV и XVI вѣкѣ. 5) Littérature française comparée: Développement et caractéristique générale du X-ème à XIX-ème siècle. 6) English litterature: Byron and the Lake Poets. 7) Химія: углеродъ; средства для очищенія воздуха отъ вредныхъ испареній и искуственныя красильныя вещества. 8) Ботаника. 1-й курсъ: Свѣдѣнія изъ физіологіи растеній; 2-й курсъ. Занятія въ ботаническомъ саду. Морфологія растеній. Мы вкратцѣ лишь привели эту программу, имѣя въ виду только въ извѣстной степени ознакомить читателей съ составомъ курса; интересующихся подробностями отсылаемъ къ статьѣ г. Лемоніуса. Для желающихъ устроены въ лицеѣ особые уроки, на которыхъ преподаватели критически разбираютъ письменные труды слушательницъ, представляемые, по причинѣ щекотливости, безъ подписи именъ. Существующіе при Викторіинскомъ лицеѣ дополнительные курсы отличаются отъ него, по словамъ автора, лишь способомъ преподаванія учебныхъ предметовъ. «Въ лицеѣ господствуютъ однѣ только, такъ-сказать, университетскія лекціи, названные же «курсы», по устройству своему, примыкаютъ болѣе къ среднимъ общеобразовательнымъ училищамъ, что едва-ли даже не цѣлесообразнѣе организаціи лицея. Способы обученія и занятій въ курсахъ раздѣляются на лекціи и на уроки; съ нѣкоторыми изъ лекцій для желающихъ соединяются репетиціи». Какъ въ лекціяхъ, такъ и на урокахъ излагаются только одни положительные результаты научныхъ изслѣдованій, критическій

же разборъ научнаго матеріала оставляется въ сторонѣ. Занятія по каждому предмету въ теченіе полугодоваго семестра ведутся такимъ образомъ, что представляютъ нѣчто цѣлое, законченное, не требующее дополнительныхъ лекцій. Для допущенія на курсы никакого экзамена не требуется, хотя въ слушательницахъ и предполагается необходимая къ тому подготовка. Программа курсовъ не постоянна, что видно изъ слѣдующихъ строкъ: „Выборъ предметовъ для лекцій и уроковъ обусловливается требованіями, какія заявляютъ слушательницы, и возможностію привлечь способныхъ преподавателей. Для того, чтобы состоялись лекціи по какому-либо изъ предметовъ, требуется только достаточное число лицъ, желающихъ обучаться этому предмету, такъ чтобы взносы ихъ могли покрыть расходы на приглашеніе преподавателя. Изъ этого исключаются только лекціи религіознаго и политическаго содержанія, кои въ дополнительныхъ курсахъ не читаются". Авторъ не приводитъ программъ за нѣсколько лѣтъ, а перечисляетъ только предметы, читавшіеся въ 1871 году, и обозначаетъ число уроковъ, посвященныхъ каждому предмету. Изъ этого перечня видно, что лекціи читались по теоріи воспитанія, по теоріи чтенія, по исторіи нѣмецкой литературы, по исторіи прусскаго государства и древняго міра, по химіи (приложеніе ея къ обыденной жизни) и по физикѣ (главнѣйшіе отдѣлы); въ видѣ уроковъ преподавались: французскій языкъ, англійскій, нѣмецкій, рисованіе съ натуры, а также живопись и приложеніе теоріи перспективы. Учащихся на курсахъ, между которыми господствуетъ „серьезное настроеніе", авторъ характеризуетъ такъ: Скромность въ одеждѣ тутъ еще болѣе замѣтна, чѣмъ въ лицеѣ, такъ какъ курсы соединяютъ въ себѣ учащихся изъ всѣхъ сословій; если въ лицеѣ составленіемъ записокъ занята была *большая* часть дамъ, то въ курсахъ я не видѣлъ ни одной слушательницы, которая не записывала бы лекцій".

Очертивъ такимъ образомъ высшія общеобразовательныя женскія учебныя заведенія Берлина, авторъ остальную часть своей статьи посвящаетъ описанію спеціально-педагогическихъ учрежденій: королевскому Лупзинскому институту и заведеніюдля учительницъ и воспитательницъ при королевскомъ Августинскомъ училищѣ. Первое изъ нихъ открыто еще въ 1811 году. Общими дѣлами въ немъ завѣдуетъ совѣтъ, состоящій изъ трехъ попечителей, учебною же частью преподаватели и преподавательницы. Это открытое учебное заведеніе имѣетъ въ виду: образованіе воспитательницъ, обученіе и воспитаніе дѣвочекъ и приготовленіе хорошей прислуги. Въ институтѣ всего 46 пансіонерокъ, которыя, будучи принимаемы въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ, остаются въ немъ только до конфирмаціи, такъ какъ выпускъ ихъ зависитъ не отъ количества пріобрѣтенныхъ ими свѣдѣній, а опредѣляется однимъ возрастомъ. Курсъ ученія соотвѣтствуетъ высшему женскому учебному заведенію и раздѣляется на три класса; для обученія языкамъ образуются особыя отдѣленія, состоящія изъ ученицъ, обладающихъ одинаковыми въ этомъ отношеніи познаніями. Съ цѣлью приготовленія прислуги принимаются въ институтъ дѣвочки отъ 12 до 14 лѣтъ, остающіяся также только до конфирмаціи и обязанныя, за получаемое вознагражденіе, исполнять возлагаемыя на нихъ обязанности; затѣмъ, при хорошемъ поведеніи, они институтомъ рекомендуются частнымъ семействамъ. Кромѣ этихъ двухъ категорій воспитывающихся въ институтѣ существуетъ третья—это воспитательницы-кандидатки, получающія въ немъ теоретическое и практическое образованіе; ихъ не болѣе одинад-

цати и они воспитываются на счетъ самаго учрежденія. Въ число этихъ воспитательницъ-кандидатокъ принимаются дѣвушки, достигшія возраста 18—22 лѣтъ, причемъ отъ нихъ требуется „искреннее влеченіе и намѣреніе посвятить себя дѣлу воспитанія“, а также обращается вниманіе какъ на способность ихъ къ дальнѣйшему умственному образованію, такъ и на умѣнье обходиться съ дѣтьми и на ихъ физическія качества. Кромѣ всего этого, требованія идутъ далѣе: „однимъ изъ важнѣйшихъ условій пріема кандидатки считается нравственно-религіозное ея направленіе, обнаруживающееся въ убѣжденіяхъ, во взглядахъ и поведеніи, а потому, кромѣ другихъ документовъ, требуется свидѣтельство о ея нравственности, выданное пасторомъ ея мѣста жительства“.

Затѣмъ вступающая подвергается особому экзамену по языкамъ нѣмецкому, французскому и англійскому, по ариѳметикѣ, исторіи, географіи, музыкѣ и рукодѣлію и, лишь по выдержаніи его, принимается на испытаніе, продолжающееся нѣсколько мѣсяцевъ. По окончаніи испытанія, если послѣдуетъ благопріятное для нея рѣшеніе, она „даетъ торжественное обѣщаніе“ „добросовѣстно, неутомимо и неотступно“ исполнять свои обязанности. Принятыя послѣ этихъ многихъ испытаній въ теченіе трехъ лѣтъ находятся въ институтѣ, занимаясь это время повтореніемъ курса высшаго женскаго училища, присутствуя на урокахъ пансіонерокъ и посѣщая уроки: по нѣмецкой литературѣ, по французскому и англійскому языку, по ариѳметикѣ, педагогіи и музыкѣ; кромѣ того для пріобрѣтенія практическаго навыка въ обученіи, они, подъ руководствомъ начальницы института, занимаются съ пансіонерками младшаго отдѣленія и берутъ нѣкоторыхъ изъ нихъ на свое попеченіе. Окончившая курсъ кандидатка выпускается съ особымъ свидѣтельствомъ, имѣющимъ значеніе только рекомендаціи, но не дающимъ никакихъ особыхъ правъ. Въ учрежденіи этомъ есть одна весьма хорошая черта: „пансіонъ раздѣленъ на 11 кружковъ; въ составъ каждаго изъ нихъ входятъ по 4 пансіонерки и по одной ученицѣ-служанкѣ, которыя подчинены непосредственному попеченію воспитательницы-кандидатки. Такимъ образомъ каждая изъ нихъ, находясь въ главѣ кружка, составляющаго, даже и по помѣщенію, отдѣльное цѣлое и состоящаго вмѣстѣ съ другими кружками подъ наблюденіемъ и руководствомъ особыхъ надзирательницъ, непосредственно управляетъ этою семьей, печется объ умственныхъ, нравственныхъ и физическихъ нуждахъ своихъ воспитанницъ и руководитъ дѣятельностью подчиненной ей служанки“. Такой порядокъ мы назвали хорошимъ потому, что при его соблюденіи интернатъ до извѣстной степени теряетъ характеръ казармы и въ то же время кандидатки пріучаются къ своему спеціальному дѣлу. Вопросъ только въ томъ, пользуются ли они возможностью дѣйствовать самостоятельно? Изъ статьи видно лишь то, что они обязаны представлять еженедѣльные и полугодичные отчеты о своей дѣятельности—вещь прекрасная когда это не обращается въ одну формальность, но это еще не даетъ намъ полнаго понятія о педагогической дѣятельности кандидатокъ. Общество сочувственно относится къ этому учрежденію и окончившія курсъ кандидатки всегда, говоритъ авторъ, находятъ себѣ мѣсто. Августинское образовательное заведеніе для учительницъ и воспитательницъ, существующее съ 1832 года, имѣетъ цѣлью также приготовленіе дѣвушекъ, желающихъ посвятить себя педагогической дѣятельности и преимущественно учительницъ; оно состоитъ

изъ двухъ отдѣленій: семинаріи и дополнительныхъ классовъ, отличающихся другъ отъ друга слѣдующимъ; 1) учащіяся въ семинаріи по преимуществу получаютъ образованіе практическое, между тѣмъ какъ прочія ученицы обучаются болѣе теоретически; 2) семинаристки, въ теченіе всего времени обученія, обязаны находиться въ полномъ распоряженіи руководящихъ заведеніемъ лицъ: ученицы же дополнительныхъ классовъ находятся въ этой зависимости только во время уроковъ; 3) курсъ семинаріи продолжается три года, а курсъ дополнительныхъ классовъ—два года; 4) въ семинаріи преимущественно готовятся будущія учительницы; въ дополнительныхъ классахъ—болѣе воспитательницы, хотя тѣмъ и другимъ предстоитъ одинакій выпускной экзаменъ на званіе учительницы; 5) въ семинаріи ученіе безплатно, тогда какъ въ дополнительныхъ классахъ ученицы платятъ; 6) въ семинарію принимаютъ только разъ въ годъ, а въ дополнительные классы два раза. Желающія поступить въ число семинаристокъ обязаны выдержать экзаменъ изъ предметовъ общеобразовательнаго курса женскихъ училищъ и подчиниться установленнымъ въ заведеніи порядкамъ, которые авторъ по пунктамъ перечисляетъ. Въ первое полугодіе по поступленіи онѣ, для ознакомленія со строемъ и порядками заведенія, присутствуютъ на урокахъ во всѣхъ классахъ; въ слѣдующее затѣмъ полугодіе онѣ посѣщаютъ только старшіе классы, сами слушаютъ предметы училищнаго курса въ дополнительныхъ классахъ, излагаемые съ цѣлью дидактическаго приложенія, и, кромѣ того, занимаются французскимъ языкомъ, дидактикой, учебной дисциплиной, пѣніемъ и рукодѣліемъ. Практическія ихъ занятія въ это время состоятъ въ преподаваніи уроковъ рисованія, чистописанія и рукодѣлія подъ руководствомъ преподавателей. Въ теченіе втораго года они продолжаютъ слушать излагаемые имъ предметы и вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ наблюденіемъ класснаго наставника, преподаютъ въ отдѣленіяхъ младшихъ классовъ, которые поручаются ихъ вѣдѣнію, двумъ или тремъ—одинъ классъ, обучаютъ, подъ руководствомъ старшихъ семинаристокъ, рукодѣлію въ младшихъ классахъ и участвуютъ въ надзорѣ за ученицами до прихода преподавателя. На третій годъ онѣ находятся собственно какъ-бы не въ качествѣ воспитанницъ, а скорѣе—подъ покровительствомъ заведенія: имъ, въ видѣ опыта, разрѣшается обучать въ другихъ училищахъ, пользуясь совѣтами и наставленіями директора; онѣ представляютъ отчеты о своихъ занятіяхъ съ ученицами и посѣщаютъ вечернія лекціи по разнымъ отраслямъ педагогіи. Дополнительные классы, которыхъ всего два, состоятъ изъ трехъ курсовъ: первый годовой и слѣдующіе затѣмъ два полугодовые; цѣль перваго дополнить общее образованіе вступившихъ и тѣмъ поднять общій уровень ихъ познаній; цѣль остальныхъ двухъ курсовъ болѣе спеціальная, что видно изъ того, что въ это время преподается, кромѣ языковъ французскаго и нѣмецкаго, психологія, теорія воспитанія, методика и дидактика; независимо отъ этого ученицы теперь даютъ пробные уроки и читаютъ лекціи на педагогическія темы. По окончаніи своего образованія въ училищѣ воспитанницы держатъ особый экзаменъ и, въ случаѣ успѣха, получаютъ права быть учительницами въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Желая познакомиться съ окончательными результатами, достигаемыми описанными заведеніями, авторъ посѣщалъ ихъ классы съ цѣлью составить себѣ понятіе о трудахъ женщинъ-педагоговъ, получившихъ образованіе въ этихъ заведеніяхъ и нашелъ, что результаты, ими достигаемые, болѣе чѣмъ удовлетворительны.

Вотъ въ краткомъ очеркѣ наиболѣе интересная фактическая сторона статьи, измышленія и пожеланія г. Лемоніуса мы не считаемъ нужнымъ приводить, потому что они не блещутъ особой оригинальностью. Насъ безпокоитъ только одинъ вопросъ: неужели все видѣнное авторомъ имѣетъ только хорошую сторону, неужели, занимаясь изученіемъ описанныхъ имъ учебныхъ заведеній, онъ не нашелъ въ нихъ никакихъ недостатковъ, на которые слѣдовало бы указать въ виду учрежденія подобныхъ заведеній у насъ? Нѣмецкая школа, безспорно, имѣетъ массу блестящихъ качествъ, но, какъ все существующее, имѣетъ и свои слабыя стороны. Авторъ ихъ не указалъ; онъ только любуется на плоды, выросшіе на нѣмецкой почвѣ, и желаетъ видѣть ихъ и въ Россіи. Желаніе, разумѣется, благое, но это вовсе не должно исключить критическаго отношенія къ дѣлу со стороны человѣка, признаваемаго учебнымъ вѣдомствомъ за компетентнаго въ вопросѣ женскаго образованія. Прочитавъ статью, можно уже только потому, что въ ней все видѣнное одобряется, и только одобряется, принять автора за человѣка пристрастнаго къ нѣмецкой школѣ, который до того увлекается ея достоинствами, что не замѣчаетъ совсѣмъ слабыхъ сторонъ. А ужъ будто-бы ихъ нѣтъ и въ берлинскихъ школахъ?

Въ августовской книжкѣ журнала министерства напечатана статья Колосова „Пражскія гимназіи и преподаваніе въ нихъ отечественнаго языка“— „изъ отчета о заграничной командировки“, какъ объяснено въ подстрочномъ примѣчаніи. Изъ трехъ Пражскихъ гимназій въ двухъ преподаваніе ведется на чешскомъ языкѣ и въ одной на нѣмецкомъ. Авторъ задался цѣлью ознакомиться только съ первыми двумя, почему и въ статьѣ своей только о нихъ и говоритъ. Изъ двухъ Чешскихъ гимназій одна реальная, другая классическая. Реальная гимназія, основанная въ 1865 г., сначала была частнымъ учебнымъ заведеніемъ и признана министерствомъ за гимназію лишь тогда, когда учредители согласились на нѣкоторыя измѣненія въ ея уставѣ. Авторъ очень мало говоритъ объ этомъ учрежденіи; изъ посвященныхъ ей полутора страничекъ мы узнаемъ, что въ ней, рядомъ съ другими общеобразовательными предметами, преподаются естественныя науки и латинскій языкъ; послѣдній только въ первыхъ двухъ классахъ, по 8 часовъ въ каждомъ. Остальное изложеніе почти исключительно посвящено „классической старо-городской гимназіи“. Плата за обученіе въ этой гимназіи весьма не высока— 18 гульденовъ 90 крейцеровъ въ годъ; кромѣ того каждый ученикъ ежегодно дѣлаетъ взносъ въ 50 крейцеровъ; а при вступленіи 2 гульд. 10 крейц. Деньги эти предназначаются на естественно-историческіе кабинеты и библіотеку; послѣдняя въ учительскомъ отдѣленіи имѣетъ 5864 тома, а въ ученическомъ—3957 т. Учащіеся большею частью Чехи; число Нѣмцевъ крайне ничтожно. Въ этой гимназіи преподаются слѣдующіе предметы: законъ Божій (17 часовъ въ недѣлю), чешскій языкъ и литература (16 ч.), латинскій языкъ (50 ч.), греческій языкъ (28 ч.), нѣмецкій языкъ (28 ч,), географія съ исторіей (24 ч.), математика (23 ч.), естественныя науки и физика (19 ч.), философская пропедевтика (4 ч.). Кромѣ этихъ обязательныхъ предметовъ существуютъ и необязательные: французскій и итальянскій языки и искуства. Политическія условія жизни чешскаго народа развили въ немъ ненависть ко всѣму нѣмецкому; а также и къ языку: авторъ говоритъ, что нелюбовь эта отражается и на учащихся дѣтяхъ. „Образованные Чехи говорили мнѣ не разъ

съ видимымъ удовольствіемъ, что ученики не любятъ нѣмецкаго языка и бо̀льшею частію дурно учатся по этому предмету. Они видятъ отрадный фактъ въ томъ, что ученики гимназій къ концу курса выносятъ болѣе свѣдѣній по латинскому языку, чѣмъ по столь ненавистному нѣмецкому".

Объемъ преподаванія, распредѣляемаго на восемь классовъ, авторъ представляетъ въ слѣдующей программѣ: 1) законъ Божій: церковные обряды, священная исторія, катихизисъ и церковная исторія; 2) чешскій языкъ: грамматическія свѣдѣнія, являющіяся какъ результатъ практическихъ занятій, историческая грамматика и исторія литературы; 3) латинскій языкъ: первые два года грамматика; затѣмъ чтеніе Корнелія Непота, Цезаря, Тита Ливія, Овидія, Саллюстія, Цицерона, Виргилія, Тацита и Горація, 4) греческій языкъ: грамматика также первые два года, а потомъ чтеніе классиковъ: Ксенофонта, Гомера, Геродота, Демосѳена, Платона и Софокла; 5) географія—во всѣхъ классахъ, кромѣ перваго, соединена съ исторіей; географическіе очерки той страны, исторію которой проходятъ; 6) исторія проходится концентрически—въ два періода; дважды проходится и статистика Австріи; 7) математика: ариѳметика, геометрія, алгебра, аналитическая геометрія и тригонометрія; 8) философская пропедевтика включаетъ въ себя два предмета: логику и психологію; 9) естественныя науки, какъ и исторія, проходятся концентрически въ два періода; въ преподаваніе входятъ: зоологія, ботаника, физика, минералогія и съ палеонтоліей геогнозія. Программа нѣмецкаго языка не приведена, потому что она не отличается постоянствомъ. Авторъ посѣщалъ нѣкоторые уроки чешскаго языка и литературы, которые имъ изложены довольно подробно, изъ чего мы и составили программу этихъ предметовъ. Изъ изложенія его видно, что ученики IV класса „упражняются по преимуществу въ сочиненіяхъ практическаго, дѣловаго характера (квитанціи, росписки, благодарственныя письма и т. п.)," что имъ не одобряется. Дѣйствительно, такія занятія не могутъ быть названы раціональными, ибо задача общеобразовательной школы заключается не въ сообщеніи практическихъ умѣній, подобныхъ приведенному, а во всестороннемъ развитіи учащихся. Авторъ соглашается съ Бужаевымъ, что „гимназія должна образовать въ ученикѣ *умѣнье, способность;* примѣненіе же остается на удѣлъ самой жизни: школа никакъ не можетъ предупредить всѣхъ случаевъ, въ коихъ понадобится ученику писать о томъ или другомъ" и говоритъ, что, наблюдая преподаваніе въ описываемомъ имъ заведеніи исторіи отечественной литературы, онъ, не успѣвъ составить себѣ о немъ полное понятіе, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) преподаваніе литературы въ чешскихъ гимназіяхъ, какъ и у насъ, не отличается тою строгою выработанностью, какъ преподаваніе языка; 2) при преподаваніи этого предмета обращается особенное вниманіе на Зеленогорскую и Краледворскую рукописи; 3) преподаватели литературы заботятся всего болѣе о томъ, чтобы дать ученикамъ серьезныя фактическія и теоретическія свѣдѣнія. Послѣднее замѣчаніе приводится авторомъ потому, что „многіе преподаватели словесности у насъ ставятъ для себя главною цѣлью заботу вообще о развитіи нравственнаго и эстетическаго чувства и т. п." Признавая важною эту цѣль, онъ полагаетъ, что она можетъ быть достигнута лишь совокупной дѣятельностью всѣхъ преподавателей. *Совершенно справедливо послѣднее замѣчаніе,* но изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы преподаватель отечественной литературы упускалъ

изъ виду эту цѣль. Необходимо фактическое изученіе, но останавливаться только на немъ, не анализировать фактовъ и не дѣлать изъ нихъ выводовъ—это значитъ устранять воспитывающее значеніе обученія, т. е. заниматься выучкой, а не преслѣдовать цѣль педагогическую. Въ разсматриваемыхъ нами нумерахъ журнала министерства помѣщена (кн. 7-я и 8-я) статья Ѳ. Зеленогорскаго „Ученіе Аристотеля „о душѣ“ въ связи съ ученіемъ о ней Сократа и Платона“, въ предисловіи, въ которомъ авторъ, обращая вниманіе на вопросъ: дѣйствительно ли этотъ трактатъ принадлежитъ Аристотелю? отвѣчаетъ на него положительно. „Трактатъ о душѣ по своему содержанію доказываетъ, что все, что лучшаго и разумнѣйшаго было высказано о душѣ Сократомъ и Платономъ, понято и усвоено въ трактатѣ такъ, какъ не понято и не усвоено ни однимъ изъ послѣдующихъ мыслителей, даже изъ тѣхъ, которые считали себя послѣдователями ученія Платона. Въ этомъ случаѣ мы разумѣемъ по преимуществу психологическое, а не матафизическое ученіе о душѣ и душевныхъ явленіяхъ, высказанное Сократомъ и Платономъ“. Признавая этотъ трудъ Аристотеля первымъ опытомъ систематическаго изложенія ученія о душѣ, авторъ не считаетъ его за первый опытъ разработки и изслѣдованія вопросовъ о душѣ, потому что самъ Аристотель излагаетъ въ своемъ трактатѣ мнѣнія о душѣ, мыслителей, живщихъ до него. Метафизическіе вопросы были подняты гораздо раньше; до Сократа „явилось сознаніе важности и необходимости для человѣка изучать самаго же человѣка и природу его. Въ это же время явился знаменитый испытатель природы—Гиппократъ, который считалъ необходимымъ „изучать человѣка въ отношеніи къ тому, что онъ ѣстъ и пьетъ и чѣмъ занимается, также—слѣдствія, отсюда проистекающія“; слѣдовательно, изучалъ съ тою же практическою цѣлію, съ какою изучалъ его „Сократъ“. Представленія о душѣ до Сократа были матеріальныя; Сократъ первый высказалъ, что разумъ есть принадлежность души, а страсти—принадлежность тѣла и даже пошелъ далѣе: природу души онъ противопоставилъ природѣ всего вещественнаго. Авторъ указываетъ нѣкоторые вопросы, которые ставитъ Аристотель, какъ особенно трудные для рѣшенія: какому методу слѣдовать въ изученіи души и ея сущности? Есть ли душа сущность, или она количество, качество и проч. Имѣетъ ли душа части, или она не имѣетъ частей? Нужно ли остановиться на изученіи души только въ одномъ человѣкѣ, или признать душу и въ животныхъ? Если признать душу въ послѣднихъ, то въ родѣ или только видами различается душа? Относительно страстей и душевныхъ явленій нужно ли признать, что всѣ онѣ общи душѣ съ тѣломъ, или есть между ними такія, которыя исключительно принадлежатъ душѣ? Кому слѣдуетъ изучать душу—физику-ли, который изучаетъ тѣло, или діалектику, который изучаетъ понятія? Аристотель душу опредѣляетъ, какъ „начало живыхъ существъ“ и выводъ свой основывалъ не на изученіи одного человѣка, но и на наблюденіяхъ надъ животными. Цѣлью своей обширной статьи авторъ ставитъ—изложить изученіе о душѣ, заключающееся въ трактатѣ Аристотеля; сжатость и отрывочность этого трактата побуждаетъ его „устранить нѣкоторыя изъ этихъ трудностей, обращаясь къ тому, что было высказано въ томъ или въ другомъ случаѣ о душѣ Сократомъ и Платономъ“. Автора интересуетъ преимущественно научно-психологическое ученіе о душѣ всѣхъ трехъ философовъ; желаніе его—опредѣлить, что изъ изложеннаго въ трактатѣ Аристотеля принадлежитъ ему самому и что новое внесъ онъ въ это уче-

ніе. Для достиженія этой цѣли онъ считаетъ необходимымъ войти въ подробности психологическаго ученія, сдѣланнаго Сократомъ и Платономъ. Мы замѣтили, говоритъ онъ, что толкователей и критиковъ интересовало больше метафизическое ученіе Платона о душѣ и мало интересовало психологическое ученіе о ней. То же съ нѣкоторымъ ограниченіемъ можно сказать о толкователяхъ и критикахъ ученія о душѣ, изложеннаго Аристотелемъ. Мы находимъ болѣе интереснымъ и болѣе необходимымъ въ настоящее время узнать и раскрыть психологическое ученіе о душѣ, высказанное лучшими древними мыслителями въ лучшемъ направленіи ученія о душѣ, явившемся въ древнемъ мірѣ. Это ученіе развилось постепенно и послѣдовательно въ лицѣ Сократа, Платона и Аристотеля, такъ что каждый изъ двухъ послѣднихъ продолжалъ трудиться въ изъясненіи и изслѣдованіи того, что не было изъяснено и изслѣдовано предшественникомъ, — слѣдуя при этомъ тому направленію ученія о душѣ, которому начало положилъ Сократъ. Самый трудъ Ѳ. Зеленогородскаго столь значителенъ по своему объему и по качеству такова, что передать его въ короткихъ словахъ нѣтъ никакой возможности; мы приведемъ только заголовки отдѣльныхъ главъ и передадимъ содержаніе заключенія статьи. Главы слѣдующія: критическій разборъ и опроверженіе мнѣній о душѣ предшествующихъ (Аристотелю) мыслителей; опредѣленіе души; раздѣленіе души по видамъ и способностямъ; о душѣ питающей, о душѣ ощущающей; о воображеніи, памяти и припоминаніи; объ умѣ; о душѣ, движущей къ мѣсту. Заключеніе автора представляетъ довольно полный сводъ всего имъ высказаннаго ранѣе; мы теперь перейдемъ къ его положеніямъ. Въ изложеніи ученія Аристотеля отдѣлъ объ умѣ есть одинъ изъ слабыхъ отдѣловъ всего трактата; въ немъ онъ болѣе, чѣмъ въ другихъ, повторяетъ высказанное Сократомъ и Платономъ. Аристотель въ этомъ ученіи не остался вполнѣ вѣрнымъ данному имъ опредѣленію души. „Въ ученіи объ умѣ страдательномъ и умѣ дѣятельномъ онъ сдѣлалъ приложеніе общей опытной истины, что каждая вещь въ природѣ испытываетъ дѣйствіе другой вещи и сама дѣйствуетъ въ силу собственной энергіи“. Объ открытомъ Аристотелемъ законѣ воспоминанія „по смежности“ авторъ говоритъ, что законъ этотъ найденъ, благодаря тому, что память и припоминаніе онъ старался выяснить изъ движенія въ насъ образовъ, воспринятыхъ внѣшними чувствами. Затѣмъ Аристотель сдѣлалъ смѣлую попытку подвести психическія явленія подъ законы физическіе—стремленіе объяснять эти явленія въ связи съ тѣломъ, — съ законами физіологіи. Древній міръ, говоритъ авторъ, не представилъ ничего подобнаго тому, что сдѣлалъ Платонъ для отличенія и выдѣленія самостоятельной дѣятельности нашей души. Это сдѣлано Платономъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ высказаннаго Сократомъ принципа о нематеріальности души и отличіи ея отъ тѣла. Платонъ своимъ анализомъ проникаетъ туда, куда не проникалъ взоръ мыслителей, жившихъ до него, и отдѣляетъ дѣйствіе души тамъ, гдѣ признавалось дѣйствіе одного тѣла и законовъ матеріи. Платонъ, какъ видно изъ его твореній, весьма хорошо освоился съ наблюденіемъ душевной жизни, овладѣлъ методомъ наблюденія и умѣньемъ подмѣчать дѣятельность и проявленія души въ самомъ происхожденіи ихъ. У Платона Сократъ узнаетъ душу юноши и ея стремленія послѣ двухъ или трехъ отвѣтовъ послѣдняго на предложенные имъ вопросы. Психологическій анализъ Платона удивляетъ своею тонкостью, точностью и подробностью; но въ то же время Платонъ сравнительно мало распространяется о дѣйствіи тѣла въ связи съ дѣйствіемъ ду-

ши, особенно тамъ, гдѣ это дѣйствіе тѣла казалось мало понятнымъ. Тутъ онъ для объясенія явленія пользуется образными представленіями, которымъ все таки не даетъ серіознаго и научнаго значенія и не допускаетъ тогда, когда производитъ психологическій анализъ душевныхъ явленій, доступныхъ этому анализу, при помощи котораго онъ открылъ нѣкоторые общіе законы самостоятельной дѣятельности и проявленій души. Аристотель старается восполнить недостатокъ въ изслѣдованіяхъ Платона; онъ, изучая душевныя явленія, пришелъ къ весьма серіознымъ результатамъ. Ученіе его „о оспособностяхъ“ стоитъ въ связи съ его стремленіемъ изучить дѣятельность души въ ея тѣлесныхъ проявленіяхъ. Наблюденія Аристотеля надъ живыми существами привели его къ заключенію, что одни изъ нихъ не обнаруживаютъ душевныхъ явленій, обнаруживаемыхъ другими, — одни въ этомъ отношеніи болѣе совершенны, чѣмъ другія. Эти же наблюденія дали ему возможность сдѣлать другой выводъ, что ограниченность душевныхъ явленій въ живыхъ существахъ находится въ зависимости отъ ограниченности ихъ тѣлесныхъ органовъ“. Душевныя явленія на столько возможны въ живомъ существѣ, на сколько тѣло по своему устройству способно проявлять жизнь и дѣятельность души. Равнымъ образомъ только такія душевныя явленія обнаруживаются и такимъ образомъ проявляются, какія и какимъ образомъ способно бываетъ обнаруживать и проявлять тѣло“. Аристотель подтвердилъ заключеніе Платона объ истинности, непогрѣшности ощущеній каждаго чувства въ отдѣльности. Онъ держится того мнѣнія, что чувство воспринимаетъ форму предмета безъ матеріи, подобно тому какъ воскъ принимаетъ отпечатокъ перстня, и „кажется, убѣжденъ, что образъ, составившійся матеріально въ чувственномъ органѣ, въ силу законовъ природы не пропадаетъ, а продолжаетъ существовать въ тѣлесной субстанціи“. Эта теорія интересна какъ ступень, по которой поднималось человѣческое знаніе. Признавая вполнѣ, что научная критика разбила эту теорію, авторъ считаетъ его идею замѣчательной и достойной вниманія и тутъ же добавляетъ, что Аристотель представилъ лишь слабую попытку въ изслѣдованіяхъ и объясненіяхъ этого рода. Главной признаетъ силу методическаго анализа у Аристотеля и умѣнье овладѣвать наблюдаемыми ими явленіями, что составляетъ преимущественное достоинство и отличительный признакъ психологическихъ изслѣдованій трехъ знаменитыхъ мыслителей древности: Сократа, Платона и Аристотеля. Вопросы, занимавшіе Аристотеля, еще до сихъ поръ тревожатъ умы; отвѣтъ на нихъ всецѣло не можетъ дать современная наука, но она уже выработала методъ изслѣдованія, благодаря которому, съ дальнѣйшимъ развитіемъ наукъ естественныхъ, мы можемъ надѣяться разрѣшить проблеммы, въ зависимости отъ которыхъ находится вся педагогическая дѣятельность.

Оставляя журналъ министерства, слѣдовало бы сказать нѣсколько словъ о статьѣ „По вопросу о преобразованіи реальныхъ гимназій“; мы ограничимся сообщеніемъ, что самому „Проекту устава реальныхъ училищъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія“ предпосланы объясненія, которыхъ мы не будемъ здѣсь касаться, такъ какъ редакція по этому вопросу уже высказалась. Имѣя цѣлью въ нашихъ обозрѣніяхъ знакомить читателей со всѣми сколько нибудь замѣчательными статьями, появляющимися въ нашихъ журналахъ, мы, подавленные массой матеріала, по неволѣ, о многомъ должны говорить уже слишкомъ коротко. Въ обзорѣ педагогической журна-

листики за первую треть настоящаго года мы указали задачу журнала „Народная школа“ и привели названія наиболѣе замѣчательныхъ статей этого изданія. Теперь мы, обращаясь къ четыремъ книгамъ „Народной школы“, вышедшимъ въ теченіи второй трети года, имѣемъ въ виду посвятить ихъ обзору опять весьма немного мѣста, что вызывается и безъ того значительнымъ объемомъ нашей статьи. Крупнѣйшими статьями по своему значенію мы признаемъ: „Лѣтнія педагогическія занятія сельскихъ учителей земства Псковскаго уѣзда въ теченіи іюля мѣсяца 1870 г.“ — В. Гербача, „Первое знакомство съ сельской школой“—С. Н. Воробьева, „Занятіе рисованіемъ съ малыми дѣтьми“—Е. Волкова, „Элементарная школа Ильиныхъ въ Николаевѣ“—барона Н. Корфа, „Кантемиръ“ (изъ „разсказовъ о томъ, что у насъ сохранилось по народной памяти и по грамотѣ) — В. Водовозова и разборъ книги Столпянскаго „Руководство для сельскихъ учителей“; разборъ этотъ написанъ редакторомъ, Ѳ. Н. Мѣдниковымъ, и при чтеніи въ Педагогическомъ Обществѣ возбудилъ жаркія пренія съ которыми уже знакомы читатели нашего журнала. Число приложеній къ „Народной школѣ“ по прежнему весьма значительно; изъ нихъ наиболѣе интересны слѣдующія: „Обученіе письму въ народной школѣ“ (№№ 5, 6 и 8) — С. Миропольскаго, „Школьные напѣвы на два дѣтскихъ голоса“—А. Васса, “О необходимости привитія осны“—А. Комина, начавшійся печататься (№ 5) „Сборникъ поэтическихъ произведеній русской литературы“, представляющій христоматію для народныхъ учителей. Кромѣ этихъ приложеній, продолжалось печатаніе разсказовъ В. Водовозова „изъ физики и химіи“, весьма интересныхъ по своему изложенію; слѣдуетъ упомянуть также о „Лѣчебникѣ домашней скотины и птицъ“, заключающему указаніе средствъ къ правильному уходу, сбереженію здоровья домашней скотины и птицъ и подачѣ имъ помощи въ болѣзняхъ. Лѣчебникъ составленъ А. Савельевымъ весьма сжато и изложеніе его настолько просто, что не представитъ, вѣроятно, затрудненій для чтенія въ средѣ крестьянъ.

Въ прошломъ обозрѣніи мы не говорили о педагогическомъ журналѣ „Дѣтскій Садъ“, цѣль котораго—„улучшеніе домашняго и общественнаго воспитанія дѣтей всѣхъ сословій для жизни и дѣла“. Журналъ этотъ предназначается для родителей, наставниковъ и воспитательницъ; объемъ его весьма незначителенъ. Родителямъ мы можемъ рекомендовать „Изъ жизни“, въ которыхъ авторъ выказываетъ наблюдательность и пониманіе въ воспитаніи среды. Интересную статью д-ра Д-б-на „Объ искуственномъ кормленіи дѣтей“. Больше, признаться, не на что указать, потому что и число статей весьма незначительно и отпускаются онѣ читателямъ въ весьма небольшихъ дозахъ. Направленіе журнала опредѣляется какъ самой задачей его—служить воспитанію дѣтей, приготовляя ихъ „для жизни и дѣла.

При журналѣ „Дѣтское чтеніе“ четыре раза въ годъ сталъ нынѣ выходить, въ видѣ приложенія, „Педагогическій листокъ“, предназначаемый для родителей и воспитателей. „Педагогическій листокъ“—это небольшія книжки, составленныя весьма добросовѣстно и небезъинтересно. Мы остановимся сперва на небольшой статьѣ „Старыя пѣсни“, въ которой обращается вниманіе на значеніи вліянія среды, окружающей ребенка. Среда — великое дѣло, говоритъ авторъ. Она воспитываетъ лучше всякихъ искуственныхъ мѣръ и отъ ея вліяній не избавляется ни одинъ человѣкъ, какъ бы не былъ онъ богато надѣленъ природою. Вотъ почему и мы желаемъ обратить вниманіе нашихъ читателей на это условіе воспитанія, безъ котораго безсильны всѣ усилія лю-

дей на пользу растущаго юношества. Образъ жизни, родъ занятій, нравы и привычки неотразимо дѣйствуютъ на ростущихъ въ семьѣ дѣтей и дѣйствуютъ тѣмъ сильнѣе, что первые годы жизни дѣти всегда впечатлительны. Позже человѣкъ вооружается и умомъ, и волею и можетъ бороться съ жизнью, относиться къ ней критически, а ребенокъ не имѣетъ этихъ средствъ, онъ слабѣе и податливѣе взрослаго. Много труда и усилій приходится затратить человѣку взрослому, чтобъ побѣдить въ себѣ привычки и стремленія, пріобрѣтенныя въ дѣтствѣ. Человѣкъ, желающій быть полезнымъ юношеству, долженъ прежде всего задать себѣ вопросъ, что дастъ ему жизнь окружающихъ людей, чему она научитъ его. Будетъ ли то жизнь трудовая или обезпеченная? Каковы отношенія людей между собою: прямыя или неискреннія, дружественныя или себялюбивыя? Самимъ-ли имъ приходиться гнуть жизнь по своему или она давитъ ихъ? Помогаютъ-ли люди другъ другу или ведутъ борьбу между собою, пуская въ ходъ ложь, интригу, лесть и т. п. средства. Жизнь въ другой средѣ и введеніе въ нее сильной и дѣльной личности, которыя могли бы сдѣлать выгодное и сильное вліяніе на дѣтей въ иныхъ случаяхъ только одни и могутъ парализовать вліянія среды. Авторъ не задается исчерпать весь матеріалъ о воспитательномъ значеніи среды, а имѣетъ въ виду только намѣтить ту точку зрѣнія, съ которой смотритъ на дѣло. Сущность воспитанія авторъ сводитъ къ слѣдующимъ главнымъ задачамъ: 1) Поддержка здоровья человѣка и укрѣпленіе его органовъ; 2) развитіе силъ человѣка, которыми онъ воспринимаетъ и переработываетъ впечатлѣнія; 3) соображеніе условій среды. Онъ, устраняя вопросъ объ искуственныхъ средствахъ воспитанія, за которыми признаетъ полезность, замѣчаетъ, что вопросъ воспитанія не исчерпывается средствами, за которыми установился эпитетъ воспитательныхъ. Дѣти болѣе всего воспитываются жизнью, на нихъ производятъ сильнѣйшее вліяніе условія жизни той семьи, въ которой они находятся. Наблюдательность ихъ сосредоточивается далеко не тамъ только на что обращается ихъ вниманіе; нѣтъ, поле для нея весьма обширно: самые различные предметы и проявленія, окружающіе людей, производятъ глубокое впечатлѣніе на воспріимчивый организмъ ребенка; наблюдаемые факты постепенно анализируются и на нихъ строятся выводы, отъ которыхъ иногда человѣкъ не можетъ отдѣлаться въ теченіе цѣлой жизни. Онъ часто сознаетъ неправильность своихъ заключеній, сложившихся подъ вліяніемъ исключительныхъ условій, онъ, повидимому, давно призналъ ихъ нераціональность,—но, тѣмъ не менѣе, они составляютъ основу его нравственнаго развитія и въ жизни постоянно сказываются. Примѣръ, дѣло—проповѣдалъ міру великій учитель, знавшій, что только дѣло можетъ убѣждать. Положеніе это мы признаемъ въ высшей степени педагогическимъ. Сколько ни учите вашихъ дѣтей быть добрыми, но, если вы сами поступаете дурно, назиданія ваши не будутъ имѣть успѣха, если же вы оставите наставленія на словахъ и будете учить дѣломъ, результаты будутъ совершенно другіе. Воспитаніе есть сумма вліяній, которымъ подвергается ребенокъ и наиболѣе сильныя изъ нихъ—это вліянія фактовъ, жизни. Сдѣлайте, чтобы они были благодѣтельны, тогда только успѣхъ дѣла будетъ гарантированъ. Вотъ потому-то мы и полагаемъ, что только хорошій человѣкъ можетъ быть хорошимъ педагогомъ. Производить различные предметы можетъ всякій знающій производство и владѣющій техническимъ умѣньемъ, воспитывать же хорошо можетъ только умный и нравственный человѣкъ, потому что главнѣйшее воспитательное средство—это личное вліяніе,

вліяніе характера и всей нравственной личности воспитывающаго. Окружайте вашихъ дѣтей честными, любящими людьми, не давайте имъ въ своей жизни примѣровъ, способныхъ развратить дѣтскую натуру, и тогда вы достигнете главнаго: нравственное развитіе будетъ обезпечено. Мы не игнорируемъ другихъ сторонъ воспитанія, напротивъ, мы стоимъ за всестороннее развитіе, которое должно соотвѣствовать природѣ человѣка, но мы обращаемъ вниманіе теперь на значеніе нравственной личности воспитателя, полагая, что только чистыя руки могутъ дѣлать чистое дѣло. Поэтому человѣку, ведущему дурную жизнь мы совѣтовали бы удалить отъ себя ребенка и помѣстить въ болѣе благопріятныя условія, или же измѣнить радикально весь строй своей жизни и создать у себя ту среду, которая есть необходимое условіе для нравственнаго развитія дитяти. Извиняемся предъ читателемъ за сдѣланное нами отступленіе, но мы считали необходимымъ высказаться по вопросу о воспитательномъ значеніи среды, въ виду тѣхъ своеобразныхъ мнѣній, которыя не разъ намъ приходилось слышать отъ родителей, часто полагающихъ, что, отдавъ ребенка въ школу, они тѣмъ самымъ сдѣлали все, что только могутъ; воспитательное вліяніе жизни, самой семьи ими часто игнорируется въ томъ предположеніи, что школьное обученіе исчерпываетъ собою всѣ воспитательныя средства.

Какъ на полезную статью „Педагогическаго листка“ мы можемъ указать на трудъ А. Леве „Домашняя ариѳметика“, при составленіи которой, авторъ имѣлъ въ виду начальное домашнее обученіе.

Въ этихъ урокахъ, говоритъ онъ въ введеніи къ предлагаемымъ урокамъ, не изложенъ какой-либо особый методъ; напротивъ они составлены по образцу извѣстнаго руководства Грубе, Дистервега, Гентшеля, Геша и проч.; но отличаются отъ нихъ только тѣмъ, что совершенно устранены отвлеченныя числа, т. е. числа предлагаются дѣтямъ не иначе, какъ въ связи съ предметами окружающаго ихъ міра, знакомыми ребенку. Кромѣ того, указываетъ авторъ, уроки его составлены преимущественно по „Практической ариѳметикѣ для дѣвицъ“ — книгѣ изданной еще въ 1862 году и достаточно знакомой публикѣ. Цѣлью обученія ариѳметикѣ авторъ ставитъ ознакомленіе дѣтей съ членами и съ употребительнѣйшими дѣйствіями надъ ними и въ пріученіи дѣтей къ размышленію, сознательному труду и, наконецъ, къ ясному изложенію своихъ мыслей. Цѣль вполнѣ педагогическая, потому что задача обученія понимается вѣрно: авторъ даетъ обученію воспитующее значеніе, безъ котораго оно обратилось бы въ выучку, а не въ средство развитія. Для достиженія этой цѣли авторъ совѣтуетъ каждый урокъ сопровождать рядомъ задачъ, содержаніе которыхъ должно быть взято изъ явленій обыденной жизни. „Замѣтки по гигіенѣ“, составленныя по Фонсагрину, посвящены указаніямъ необходимости соблюденія гигіеническихъ условій въ одеждѣ, пищѣ, снѣ, въ пріученіи къ ходьбѣ и въ играхъ дѣтей. Авторъ обращаетъ вниманіе матерей на значеніе гигіены и въ заключеніе обращается со слѣдующими словами: „Выполняя добросовѣстно свою трудную задачу, женщина съ достоинствомъ носитъ великое имя матери. Вліяніе ея громадно, и міръ вправѣ требовать отъ нея, какъ отъ сѣятеля, здоровыхъ и плодоносныхъ сѣмянъ“. Статья „Послушаніе“ обнаруживаетъ въ авторѣ желаніе дать практическій совѣтъ воспитателямъ, чего она въ извѣстной степени и достигаетъ. Замѣтивъ весьма основательно, что взглядъ человѣка на значеніе послушанія дѣтей характеризуетъ его педагогическія убѣжденія, авторъ го-

воритъ, что въ этомъ отношеніи теоретики рѣзко отличаются отъ практиковъ, которые, какъ и теоретики, въ свою очередь разбиваются на многія группы, несогласныя другъ съ другомъ. „Одни требуютъ прежде всего послушанія, увѣренные, что, подчинивъ себѣ воспитанника, они не встрѣтятъ особыхъ затрудненій въ руководствѣ его, смогутъ внушить ему правильныя убѣжденія, пріучать и поступать согласно этимъ правиламъ, словомъ, что человѣкъ, который добьется подчиненія себѣ ребенка, можетъ разсчитывать, что успѣхъ воспитанія обезпеченъ. Другіе видятъ въ этомъ стремленіи подчинить себѣ волю ребенка насиліе, ничѣмъ неоправдываемое и ни къ чему не приводящее. Воспитаніе должно идти болѣе естественнымъ путемъ воспріятія впечатлѣній окружающей жизни. Насиліе въ пользу извѣстныхъ убѣжденій можетъ дать и очень горькіе плоды. Жизнь съ каждымъ новымъ поколѣніемъ приноситъ новые взгляды, и воспитатель, сдѣлавъ ребенка, въ успѣшномъ случаѣ своей работы, слугою убѣжденій зрѣлаго поколѣнія, рискуетъ сдѣлать его отсталымъ для *своего* времени или будетъ причиною ненужной ломки убѣжденій, на которую затратится не мало душевныхъ силъ юноши“. Цѣль воспитанія, по мнѣнію автора, состоитъ въ содѣйствіи человѣка взрослаго тому естественному развитію духовныхъ силъ ребенка, которое неминуемо совершается въ немъ по самой натурѣ каждаго органическаго существа. Мы поэтому достаточно уже высказались и теперь только замѣтимъ, что опредѣленіе это, не смотря на свою растянутость, не полно, потому что въ немъ совершенно упускается изъ виду физическое развитіе. Относительно вопроса о послушаніи авторъ склоняется на сторону видящихъ въ стремленіи подчинить себѣ волю ребенка насиліе, но при этомъ онъ оговаривается, полагая, что приведенные имъ два крайніе взгляда на практикѣ едва-ли могутъ быть строго выдержаны, безъ взаимной уступки. Онъ говоритъ, что „подчинивъ проявленія ребенка своей волѣ, мы ничего не выиграемъ, если опустимъ изъ виду другія условія воспитанія и, слѣдовательно, исключительная забота о подчиненіи ребенка вовсе не существенное условіе успѣха воспитанія. Но, съ другой стороны, чѣмъ болѣе ранній возрастъ возьмемъ мы, тѣмъ менѣе онъ окажется способнымъ къ самостоятельному руководству своими дѣйствіями. Опытъ ребенка еще ничтоженъ, разудокъ не окрѣпъ, воля безсильна. Онъ весь подъ вліяніемъ своей физической натуры. Его желанія и требованія идутъ почти исключительно изъ этого источника и заявляютъ себя съ настойчивою энергіею. Онъ часто не имѣетъ собственнаго опыта, чтобъ взвѣсить послѣдствія, которыя должны сопровождать удовлетвореніе его требованій, не знаетъ цѣны доводамъ чужаго разсудка, да еслибъ и обладалъ такими аргументами, то не справился бы съ внушеніями своей натуры. Такія положенія дѣйствительно возможны. Дѣтей часто привлекаетъ какая-нибудь опасная игрушка, имъ часто хочется съѣсть что-нибудь вредное, хотя бы и въ данную только минуту, напр. въ случаѣ болѣзни и т. п. Какая роль воспитателя, когда онъ является свидѣтелемъ такихъ порывовъ ребенка? Неумѣлость въ такихъ случаяхъ часто влечетъ за собою еще большій капризъ ребенка, настойчиво требующаго исполненія его желаній“. Авторъ совѣтуетъ въ такомъ случаѣ предупреждать возможность такихъ желаній въ ребенкѣ, ставя его въ соотвѣтствующія тому условія. О необходимости не сложной обстановки для ребенка мы уже говорили; знакомя читателей съ содержаніемъ статьи Ил. Мечникова. Совѣтъ этотъ не новъ, но подобныя вещи не мѣшаетъ повторять потому, что и доселѣ обстановка дѣтскихъ въ большей части слу-

чаевъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію; о другихъ комнатахъ, гдѣ бываетъ ребенокъ, мы уже и не говоримъ. Авторъ считаетъ рекомендуемый имъ способъ дѣйствій не всегда удобнымъ для приведенія въ исполненіе и предлагаетъ другой—отвлеченіе вниманія ребенка отъ даннаго предмета къ чему-нибудь другому. Признавая это средство, при находчивости и тактѣ со стороны воспитателя, авторъ допускаетъ и приказанія—средство самое употребительное на практикѣ. Но затѣмъ авторъ снова оговаривается, признаваясь, что едва-ли можно указать какое-нибудь специфическое средство, которое порождало бы требуемый результатъ.

Въ психологическихъ явленіяхъ, говоритъ онъ, каждый фактъ опредѣляется цѣлою совокупностью предшествовавшихъ обстоятельствъ. Нѣтъ возможности указать въ сферѣ этихъ явленій, что такое-то дѣйствіе порождаетъ такое-то слѣдствіе. При данныхъ условіяхъ — да; при другихъ слѣдствіе получилось бы иное. Воспитатель, желающій пріобрѣсти возможность словомъ своимъ удержать ребенка въ одномъ случаѣ, или побудить его къ дѣйствію въ другомъ, долженъ терпѣливо подготовлять себѣ благопріятную почву. Потому-то заводя рѣчь о послушаніи, приходится не указывать опредѣленныя мѣры, а говорить объ отношеніяхъ къ ребенку, поведеніи воспитателя и т. п. вещахъ, какъ необходимыхъ условіяхъ, какъ почвы для послушанія. Далѣе авторъ совѣтуетъ воспитателю запретить что-либо ребенку, не сердясь, объяснять когда можно, когда же нельзя ограничиваться однимъ приказаніемъ и не отступать отъ него, не смотря ни на просьбы, ни на слезы ребенка. Послушаніе авторъ допускаетъ до тѣхъ поръ, пока нельзя оставить выборъ на отвѣтственности воспитываемаго и пока нельзя говорить ему, что вредно и дурно въ извѣстномъ дѣйствіи; подчиненіе же по принципу имъ осуждается.

Статья Е. Волкова „Пробѣлъ въ учебномъ курсѣ нашихъ общеобразовательныхъ заведеній“ выдвигаетъ вопросъ о необходимости введенія въ элементарное обученіе полнаго и законченнаго курса геометріи, исходящаго изъ наглядnаго разсмотрѣнія формъ и протяженій, по характеру соотвѣтствующаго установившемуся нынѣ элементарному курсу ариѳметики, въ которомъ, путемъ многочисленныхъ упражненій въ рѣшеніи геометрическихъ задачъ построеніемъ, мысль ребенка направлялась бы въ сферу изученія формъ, пріобрѣталась бы путемъ вывода изъ наблюденій и опытовъ система знаній постепенно уточняющихся геометрическихъ истинъ и пріемовъ ихъ отысканія, а также умѣніе пользоваться этими знаніями для рѣшенія всевозможныхъ практическихъ вопросовъ и задачъ. Отсутствіе элементарнаго курса геометріи въ нашихъ школахъ не разъ было указываемо какъ въ Педагогическомъ Обществѣ, такъ и въ печати, но тѣмъ не менѣе на это до сихъ поръ не обращено должнаго вниманія. Правда, были попытки его введенія, но они и остались попытками, хотя результаты ихъ должны бы убѣдить въ раціональности включенія этого предмета въ программу низшихъ классовъ. Безъ сомнѣнія, со временемъ предметъ этотъ будетъ окончательно введенъ и получитъ надлежащее развитіе, потому что необходимость его очевидна и вызывается всѣмъ строемъ математическаго курса нашихъ гимназій. Мы не будемъ долѣе останавливаться на статьяхъ „Педагогическаго листка“, имѣя въ виду въ будущемъ говорить подробнѣе о каждой интересной статьѣ этого изданія; теперь же поспѣшимъ закончить наше и безъ того длинное обозрѣніе. Изъ всего сказаннаго читатель видитъ, что и общими органами нашей прессы, которымъ приходится на своихъ страницахъ отводить мѣсто для

трудовъ, посвященныхъ самымъ различнымъ отраслямъ знанія, педагогическіе вопросы не игнорируются и это понятно: воспитаніе представляетъ собою область близкую всякому человѣку и сознаніе въ необходимости его въ послѣднее время на столько проникло всюду, что не касаться этой сферы значило бы не отвѣчать на вопросы, занимающіе современное общество, справедливо видящее въ успѣхахъ педагогіи одно изъ условій своего дальнѣйшаго развитія. Но въ то же время замѣтно, что педагогическіе журналы не процвѣтаютъ; одна уже ихъ внѣшность такова, что свидѣтельствуетъ, о незначительномъ ихъ распространеніи. Въ чемъ же заключается причина этого явленія? Полагаемъ въ томъ обстоятельствѣ, что вообще читающая публика очень не велика; большинство у насъ ничего не читаетъ или пріучило себя къ чтенію исключительно одной беллетристики, за недостаткомъ которой у насъ усердно переводятся не только самыя ординарныя, но подчасъ совершенно безцвѣтныя произведенія иностранныхъ литературъ. Возьмите любую книжку „толстаго“ журнала, беллетристика преобладаетъ, покрайней-мѣрѣ количественно, и подчасъ качество ея ниже всякой критики. Серьезными интересами живетъ весьма незначительное меньшинство, а потому всякое изданіе, имѣющее сколько нибудь спеціальный характеръ обречено на крайне ограниченный кругъ читателей. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, нельзя и требовать, чтобы педагогическіе журналы составлялись бы такимъ образомъ, какъ это желательно и какъ это возможно бы было при болѣе усиленномъ спросѣ на эти органы.

Н. П-цъ.

ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНЫЯ СООБЩЕНІЯ

РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ *).

По октябрь 1871 года.

Въ короткое время Россія покрылась обширною сѣтью желѣзныхъ дорогъ.

Въ	1841	году протяженіе ихъ было	25 в.
„	1846	„ „ „ „	46 „
„	1851	„ „ „ „	948 „
„	1856	„ „ „ „	990 „
„	1861	„ „ „ „	1963 „
„	1866	„ „ „ „	4342 „
„	1871	„ готовыхъ	12170 „
„	1871	году строющихся	2977 „

Желѣзныя дороги Россіи можно раздѣлить на 4 группы. Дороги первой группы соединяютъ С.-Петербургъ съ его ближайшими окрестностями; вторая группа, состоитъ изъ линій, направляющихся отъ С—З. къ Ю—В.; третья группа изъ линій, идущихъ отъ С—В. къ Ю—З. и наконецъ четвертая группа: Кавказская желѣзная дорога. Что касается до Сибирской жел. дороги, то она составляетъ покамѣстъ только проектъ.

I. Группа.

		Число верстъ.
	С.-Петербургъ Ораніенбаумъ.	38 в.
вѣтви:	a) Лигово—Красное село	12 „
	b) Лигово—Александровская станція [Военно-желѣзная дорога]	
	С.-Петербургъ Павловскъ.	25 „
	Жел. дор. Путиловскаго товарищества	— „

II. Группа.

1. **Гангеудъ—Саратовъ,** состоитъ изъ линій:

a) **Гангеудъ** (Нюл. г.) **Рихимяки** (Тав. г.)—отъ нея

*) Изученіе сѣти желѣзныхъ дорогъ занимаетъ нынѣ въ нашихъ учебныхъ курсахъ то важное мѣсто, которое въ прежнее время занимало изученіе водяныхъ сообщеній; для облегченія преподавателей приводятся настоящія данныя.

Ред.

		Количест. верстъ.
вѣтви:	Рихимяки—Гельсингфорсъ (Нюл. г.).. . . .	67 в.
	„ Тавастгусъ	33 „
	b) **Рихимяки—С.-Петербургъ**	346 „
	c) **С.-Петербургъ—Москва**, отъ нея	604 „
вѣтви:	**Чудово** (Новг. г.) **Новгородъ.** (узкоколейная).	68 „
	Рыбинскъ (Яросл. г.) **Бологое** (Твер. г.) . .	280 „
	Торжокъ (Твер. г.) **Осташковская** ст. (Твер. г.).	33 „
	d) **Москва Рязань** отъ нея	185 „
вѣтви:	**Егорьевскъ** (Ряз. г.) **Воскресенскъ** (Моск. г.).	22 „
	Зарайскъ (Ряз. г.) **Луховицы** (Ряз. г.) узкок.	26 „
	e) **Рязань Козловъ** (Тамб. г.)	198 „
вѣтви:	**Ряжскъ** (Ряз. г.) **Сконинъ** (Ряз. г.). . . .	44 „
	Ряжскъ Моршанскъ (Тамб. г.).	122 „
	f) **Козловъ** (Тамб. г.) **Тамбовъ**.	68 „
	g) **Тамбовъ Саратовъ**	353 „
2.	**Рига Калачевская прист.** (Земл. Войск. Донск.).	1854 „
	Она состоитъ изъ линій:	
	a) **Рига—Динабургъ.** (Вит. г.).	204 „
вѣтвь:	**Рига Митава**.	39 „
	b) **Динабургъ—Смоленскъ**	371 „
	c) **Смоленскъ—Орелъ**	360 „
	d) **Орелъ—Грязи.** (Тамб. г.).	283 „
вѣтвь:	**Ливны** (Орл. г.)—**Верховье** (Орл. г.) узкоколейн.	57 „
	e) **Грязи—Царицынъ** (Сарат. г.)	563 „
вѣтви:	**Грязи—Козловъ**.	60 „
	Грязи—Ростовъ (Зем. Войск. Дон.)	717 „
	въ томъ же числѣ готовыхъ	163 „
	отъ нея вѣтвь въ **Атюкты** (Зем. Войск. Дон.).	
вѣтвь	отъ a) **Рига—Больдераа.**	
	f) **Царицынъ** (Сар. г.)—**Калачевск прист.** . .	73 „
3.	**Либава** (Курл. г.)—**Ростовъ** (Зем. Войск. Дон.).	
линіи:	a) **Либава—Жосли** (Вил. г.).	195 „
вѣтвь:	**Жосли—Вержболово** (Авг. г.)	124 „
	b) **Жосли—Ландварово** (Вил. г.)	38 „
	c) **Ландварово — Минскъ.** (строится).	180 „
	d) **Минскъ—Конотопъ** (Черн. г.) строится. . .	
	e) **Конотопъ—Курскъ**	207 „
вѣтвь:	**Конотопъ—Ромны** (Полт. г.)	63 „
	f) **Курскъ—Ростовъ.** (Зем. Войск. Дон.) . . .	762 „
4.	[**Кенигсбергъ**] **Граево—Одесса**	1093 „

		Количест. верстъ.
линіи:	a) **Граево** (Ломж. г.)—**Брестъ** (Грод. г.) строится.	200 „
	b) **Брестъ—Казятинъ** (Кіев. г.)	427 „
	(готов. участ. **Казятинъ—Бердичевъ**). . . .	25 „
вѣтвь:	**Радзивилъ** (Вол. г.) **Дубно** (Вол. г.)	40 „
	c) **Казятинъ—Одесса**	466 „
вѣтви:	**Олочинкъ** (Подол. г.) **Жмеринка** (Под. г.) . .	167 „
	Раздѣльная (Херс. г.) **Кишиневъ—Ассы**. . .	209 „
	(готовый участ. Раздѣл. Кишиневъ)	107 „
III.	**Группа.**	
1.	**Петербургъ—Граница** (Петрок. г.)	1337 „
линіи:	a) **Петербургъ—Варшава** . . . . . ; . .	1049 „
вѣтви:	**Гатчино** (СПБ. г.) **Балтійскій портъ** (Эстл. г.).	346 „
	Гатчино—Тосна (СПБ. г.)	42 „
	b) **Варшава—Граница** (Петрок. г.).	288 „
вѣтви:	**Скерневица** (Варш. г.)—**Торнъ** (Варш. г.) . .	151 „
	Колюшки (Петр. г.)—**Лодзь** (Петр. г.) . . .	26 „
вѣтви:	**Зомбковицъ** (Петр. г.)—**Сосновицъ** (Петр. г.) .	16 „
2.	**Вологда—Курскъ**	959 „
линіи:	a) **Вологда—Ярославль**.	196 „
	b) **Ярославль—Москва**.	261 „
	c) **Москва—Курскъ**.	502 „
3.	**Копотопъ** (Черн. г.)—**Казятинъ** (Кіев. г.) . .	382 „
линіи:	a) **Копотопъ—Кіевъ**	235 „
	b) **Кіевъ—Казятинъ**	147 „
4.	**Нижній-Новгородъ—Варшава**	1633 „
линіи:	a) **Нижній-новгородъ—Москва**	410 „
вѣтвь:	**Новки** (Влад. г.)—**Кинешма** (Кост. г.) . . .	171 „
	b) **Москва—Смоленскъ**.	392 „
	c) **Смоленскъ—Брестъ** (Гродн. г.).	620 „
	d) **Брестъ—Варшава**	201 „
5.	**Харьковъ—Балта** (Подол. г.)	627 „
линіи:	a) **Харьковъ—Кременчугъ** (Полт. г.).	244 „
	b) **Кременчугъ—Балта**	383 „
6.	**Лозовая** (Екат. г.)—**Севастополь** (Тав. г.) (строится).	
	Вѣтвь въ Екатеринославль строится.	
IV.	**Группа.**	
	Поти (Кутаис. г.)—**Тифлисъ**.	284 в.
	Всего желѣзныхъ дорогъ Россійской Имперіи.	15147 „
	Изъ этого числа, жел. дор. строющихся. . .	2977 „

Проектированныя линіи.

1. **Нижній-Новгородъ—Тюмень** (Тобол. г.) . . . . . 1055 в.
2. **Моршанскъ** (Тамб. г.)—**Оренбургъ**. . . . . 973 „
3. **Скопинъ** (Ряз. г.)—**Вязьма** (Смол. г.). . . . . 386 „
4. **Калачевская стан.** (З. В. Д.)—**Новочеркаскъ** . . . 270 „
5. **Бердянскъ** (Тавр. г.)—**Бахмутъ** (Екат. г.) . . . .
6. **Ростовъ** (З. В. Д.)—**Владикавказъ** (Терск. об.) . . 700 „
7. **Ромны** (Полт. г.)—**Полтава** . . . . . 220 „
8. **Фастовъ** (Кіев. г.)—**Николаевъ** (Херс. г.) . . . . 435 „
9. **Луковъ** (Сѣдл. г.)—**Иваньгородъ** (Сѣдл. г.). . . . 60 „
10. **Варшава**—**Новогеоргіевскъ** (Плоцк. г.). . . . . 38 „
11. **Динабургъ** (Вит. г.)—**Шавли** (Ков. г.). . . . . 200 „
12. **Вятка—Сольвычегодскъ** (Волог. г.). . . . . 390 „

Предполагаемыя линіи.

1. **Везенбергъ** (Эстл. г.)—**Псковъ—Бологое** (Твер. г.).
2. **Дерптъ** (Лиф. г.)—**Рига.**
3. **Псковъ—Рига.**
4. **Витебскъ—Нѣжинъ** (Черниг. г.).
5. **Могилевъ—Рославль** (Смол. г.).
6. **Ржевъ** (Твер. г.)—**Смоленскъ.**
7. **Окуловская ст.** (Новг. г.)—**Боровичи** (Новг. г.).
8. **Ярославль—Перехта** (Кост. г.).
9. **Макарьевъ** (Кост. г.)—**Кинешма.**
10. **Рыбинскъ** (Ярос. г.)—**Тюмень** (Тобол. г.).
11. **Пермь—Красноуфимскъ** (Перм. г.).
12. **Нижній-Новгородъ—Кунгуръ** (Перм. г.).
13. **Симбирскъ—Егорьевскъ** (Ряз. г.).
14. **Муромъ** (Влад. г.)—**Владиміръ.**
15. **Муромъ** (Влад. г.)—**Борисоглѣбскъ** (Тамб. г.).
16. **Спаскъ** (Тамб. г.)—**Пенза.**
17. **Алатырь** (Симб. г.) **Сызрань** (Симб. г.).
18. **Бердянскъ** (Тавр. г.)—**Александровскъ** (Екат. г.).
19. **Бѣлгородъ** (Кур. г.)—**Воронежъ.**
20. **Брянскъ** (Орл. г.)—**Серпуховъ** (Моск. г.).
21. **Митава—Виндава** (Курл. г.).
22. **Митава—Шавли** (Ков. г.).
23. **Ковель** (Вол. г.)—**Радомскъ** (Петр. г.).
24. **Люблинъ—Варшава.**

25. **Лодзь** (Петр. г.)—**Калишъ.**
26. **Рославль** (Смол. г.)—**Нѣжинъ** (Черн. г.).
27. **Бакша** (Тавр. г.)—**Керчь** (Тавр. г.).
28. **Баку—Тифлисъ.**
29. **Казанс. ст.** (Куб. об.)—**Тамань** (Куб. об.).
30. **Екатеринодаръ** (Куб. об.) **Ейскъ.**
31. **Вологда—Смоленскъ.**
32. **Вологда—С.-Петербургъ.**
33. **Рыбинскъ** (Ярос. г.)—**С.-Петербургъ.**
34. **Камышинъ** (Сар. г.)—**Борисоглѣбскъ** (Тамб. г.).
35. **Элтон. озеро** (Астр. г.)—**Камышинъ.**
36. **Элтон. озеро—Саратовъ.**
37. **Элтон. озеро—Астрахань.**
38. **Борисоглѣбскъ—Харьковъ.**
39. **Атюкт. ст.** (З. В. Д.)—**Ромны** (Полт. г.).
40. **Лозовая** (Екат. г.)—**Полтава.**
41. **Екатеринославль—Полтава.**
42. **Царицынъ** (Сар. г.)—**Алабугская** (Астр. г.).
43. **Владикавказъ** (Тер. об.)—**Петровскъ** (Дег. об.).
44. **Николаевъ** (Херс. г.)—**Херсонъ.**
45. **Дубно** (Вол. г.)—**Вильно.**
46. **Луковъ** (Сѣдл. г.)—**Люблинъ.**
47. **Юхновъ** Смол. г.)—**Гжатскъ** (Смол. г.).
48. **Можайскъ** (Моск. г.) **Калуга.**
49. **Воронежъ—Ливны** (Орлов. г.).
50. **Кокуевка** (Орл. г.)—**Стар. Осколъ** (Кур. г.).
51. **Путивль** (Кур. г.) **Новый Осколъ** (Кур. г.).
52. **Нижній-Новгородъ—Спаскъ** (Тамб. г.).
53. **Муромъ** (Влад. г.)—**Вязники** (Влад. г.).
54. **Муромъ—Ковровъ** (Влад. г.).
55. **Бахмутъ** (Екат. г.)—**Бѣловодскъ** (Харьк. г.).
56. **Онега** (Арх. г.)—**Вытегра** (Олон. г.).

ПРОТОКОЛЪ

засѣданія 20 ноября.

20-го ноября въ Педагогическомъ Собраніи предсѣдательствовалъ П. Г. Рѣдкинъ.

1. По прочтеніи протокола прошлаго засѣданія секретаремъ Общества г. Раевскимъ были предложены и избраны въ дѣйствительные члены: г. Гавловскій, преподаватель кавалерійскаго училища; Корниловъ, воспитатель Гатчинскаго Института; Лыткинъ, преподаватель Исторіи и Географіи въ 6 Гимназіи и Кашинъ, преподаватель Московскаго Елисаветинскаго Института.

2. Г. Миропольскій прочелъ разборъ книги г. Корфа: «Нашъ другъ». Предварительно референтъ познакомилъ съ главными положеніями, которыя лежатъ въ основѣ книги для народнаго чтенія, составленной иностранными педагогами Любеномъ и Керомъ; указалъ на труды, появившіеся по этой части въ нашей литературѣ и затѣмъ перешелъ къ самому разбору.

Книга г. Корфа задумана удачно; она должна сообщать знанія, посредствомъ обученія родному языку развить учениковъ, ознакомленіемъ же съ внѣшнимъ міромъ повліять на улучшеніе ихъ быта. Она состоитъ изъ 8 отдѣловъ; первый отдѣлъ—120 оригинальныхъ статей, при составленіи книги, ихъ авторъ, имѣлъ въ виду постепенность и разнообразіе; далѣе идутъ умственныя упражненія съ цѣлью возбужденія вниманія и усвоенія граматическихъ понятій; задачи для письменныхъ работъ по двѣ на каждую статью; бесѣды для усвоенія прочитаннаго; уроки правописанія; христоматія изъ 20 стихотвореній: ариѳметическія таблицы и наконецъ молитвы. Книга съ такимъ громаднымъ матеріаломъ и вдобавокъ написанная языкомъ яснымъ составляетъ богатый вкладъ въ нашу педагогическую литературу.

Всѣ свои замѣчанія на эту книгу г. Миропольскій свелъ въ 13 тезисахъ.

1. Книга «Нашъ другъ» представляетъ трудъ вполнѣ самостоятельный, возникшій изъ чисто практическихъ условій и требованій нашей народной школы при данныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ ея существованія.

2. Изъ условій возникновенія «Нашего друга» объясняется чисто утилитарный характеръ книги, который нельзя признать отвѣчающимъ цѣли и задачамъ школы образовательной.

3. Приспособленіе книги для чтенія къ неподготовленному учителю не цѣлесообразно: не учитель долженъ идти впереди книги, а книга—указывать путь учителю.

4. Соединеніе въ одной книгѣ руководства для учащихъ и чтенія для учащихся нельзя признать удобнымъ и педагогическимъ.

5. Назначеніе книги для многихъ цѣлей нельзя признать нормальнымъ и отвѣчающимъ дѣлу.

6. Точный расчетъ статей по количеству и по объему (съ часами въ рукахъ) нельзя признать педагогичнымъ; онъ не согласенъ съ существомъ дѣла, стѣсняетъ учителя, ведетъ къ механическому униформизму и противорѣчитъ индивидуальнымъ условіямъ школы. Равнымъ образомъ нельзя признать, съ общепедагогической точки зрѣнія, полезною и ту мелочную подробность пріемовъ въ приложеніи книги, которую авторъ обязательно рекомендуетъ учителю.

7. Выборъ учебнаго матеріала въ «Нашемъ другѣ» нельзя признать удовлетворительнымъ: съ одной стороны въ него вошло много лишняго (праздники, молитвы, таблицы, дѣловыя бумаги, сельскохозяйственные рецепты и пр.); съ другой въ немъ отпущено существенное и необходимое (исторія отечественная, географія и особенно поэтическій элементъ).

8. Христоматія по выбору большинства образцовъ слаба и съ книгой ничѣмъ не связана.

9. Расположеніе учебнаго матеріала, отличающагося разнообразіемъ и богатствомъ, сдѣлано безъ ясно выработаннаго, строго опредѣленнаго плана. Если допустить, что въ основу его положена идея концентраціи, то идея эта остается невыполненною.

10. Взглядъ автора на значеніе самостоятельности нельзя признать вѣрнымъ относительно книги для чтенія, которая должна состоять изъ статей вполнѣ образцовыхъ. Статьи г. Корфа носятъ слѣды усидчивой, продолжительной работы, и хотя отличаются простотою изложенія, но лишены увлекательности, картинности; концепція и обработка нѣкоторыхъ статей (меньшинство) неудачны.

11. Языкъ «Нашего друга» вообще простъ, ясенъ, общедоступенъ, но заключаетъ въ себѣ не мало выраженій и словъ мѣстныхъ (малороссійскихъ); нѣкоторыя неправильности въ рѣчи, равно какъ и фактическія ошибки, происшедшія отъ условій печатанія книги, требуютъ исправленія при ея употребленіи.

12. Дидактическая часть «Нашего друга» отличается замѣчательнымъ практическимъ тактомъ, удобопримѣнимостью и представляетъ богатый и мастерски обработанный матеріалъ для неподготовленнаго учителя. Недостатками этой части должны быть признаны: а) слабая сравнительная обработка умственныхъ упражненій и b) примѣненіе «методы ошибокъ» въ правописаніи.

13. Неудовлетворяя задачамъ и требованіямъ нормальнаго руководства, «Нашъ другъ» тѣмъ не менѣе представляетъ собою трудъ вполнѣ добросовѣстный, почтенный и полезный для нашихъ бѣдныхъ школъ, для нашихъ неподготовленныхъ учителей.

По прочтеніи рецензіи баронъ Н. А. Корфъ сдѣлалъ слѣдующія возраженія.

Утилитаризмъ, составляющій главный характеръ книги, объясняется настоящимъ положеніемъ русской народной школы и потребностями сельскаго населенія. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Корфъ привелъ авторитетъ Бенеке, который говоритъ, что идеалъ народной школы зависитъ отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, подготовки учениковъ, продолжительности обученія, свободы учащихся отъ механическаго труда и наконецъ отъ учебныхъ силъ. Что касается до отсутствія системы, то г. Корфъ сослался на самого г. Миропольскаго; по мнѣнію его недостатокъ этотъ устраняется бесѣдами, посредствомъ которыхъ усвоивается все пройденное; кромѣ того авторъ полагалъ, что держится естественнаго метода, такъ какъ сама природа воспитываетъ безсистемно.

Подробныя указанія стѣсняютъ самодѣятельность учителя, но пусть учитель передѣлаетъ все, что ему даютъ; пускай сначала онъ будетъ подражателемъ, а потомъ уже перейдетъ къ собственному созданію.

Авторъ нисколько не дорожитъ самостоятельностью своего труда и вовсе не задавался такой задачей, а просто не нашелъ статей, соотвѣтствующихъ его взгляду и столь просто написанныхъ, чтобы сельскіе ученики поняли ихъ.

Статьи по Закону Божію вошли только потому, что священники по большей части уклоняются отъ преподаванія, а между тѣмъ народъ прежде всего требуетъ Закона Божія. Знакомство съ историческими свѣдѣніями начинается съ статьи 19 февраля; сообщаются они между прочимъ, но вѣдь и въ жизни многое узнается мимоходомъ и не смотря на то иногда усвоивается лучше чѣмъ то, на что было обращено вниманіе. Географіи, и то только физической, всего посвящено двѣ статьи, безъ карты политическая часть немыслима, а если приложитъ карту, то книга будетъ стоить дорого.

Требовать отъ учителя методическаго разъясненія стихотвореній, логическаго, вещественнаго и граматическаго разбора—невозможно, потому что упражненія эти не по силамъ для большинства; небольшое число стихотвореній, помѣщенныхъ въ Христоматіи, назначено для того, чтобы дѣти выучили ихъ и познакомились съ именами авторовъ, которые при подготовленности учителя воплотятся въ живый образъ. Г. Миропольскій укоряетъ автора въ томъ, что статьи не расположены концентрически и полны сентенцій; но въ расположеніи статей есть своего рода концентрическій методъ, именно разъ указавъ явленіе, авторъ нѣсколько разъ возвращается къ нему въ другихъ статьяхъ и дополняетъ его. Что касается до нравственныхъ сентенцій, то онѣ безцѣльны, пока остаются въ словѣ, а не подтверждаются фактами. Если же указаны самые факты, то какъ результатъ ихъ можетъ явиться извѣстный нравственный выводъ.

Рецензентъ нападаетъ на ариѳметическія статьи, напр. на приходорасходную книгу; но въ ней авторъ перечисляетъ, въ видѣ истрачиваемыхъ денегъ, повинности съ цѣлью раскрыть глаза на обиходъ, развить навыкъ въ веденіи книгъ и пріучить къ порядку; ариѳметическаго въ ней только и есть числа.

Относительно послѣдняго замѣчанія о примѣненіи метода ошибокъ въ правописаніи, не слѣдуетъ забывать, что на 57-ми статьяхъ ученикъ изучаетъ орѳографію и только съ 58-ми изрѣдка допускается исправленіе ошибокъ.

Секретарь **Раевскій.**

ЗАСѢДАНІЕ

С.-Петербургскаго Педагогическаго Общества.

(3-го ноября).

По открытіи засѣданія былъ прочитанъ протоколъ прошлаго собранія и письмо, присланное на имя предсѣдателя П. Г. Рѣдкина отъ предсѣдательницы Общества попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи, г-жи Лихачевой.

Предсѣдатель. Правленіе этого общества отъ предсѣдательницы котораго я получилъ письмо, просило г. Ремезова въ дополненіе написаннаго сдѣлать здѣсь словесное сообщеніе.

Г. Ремезовъ. Въ дополненіе къ этому письму, я считаю долгомъ прибавить нѣсколько словъ: Общество попечительства о гувернанткахъ съ самаго начала существованія имѣло цѣль исключительно филантропическую, что и выражалось его названіемъ, такъ какъ оно именовалось Филантропическимъ Обществомъ; вся дѣятельность его ограничивалась безвозмезднымъ доставленіемъ мѣстъ гувернанткамъ и учительницамъ. Въ 1870 г. наступила новая эпоха дѣятельности Общества; именно въ этомъ году былъ утвержденъ новый уставъ, предоставившій ему новое, болѣе широкое поприще дѣятельности; такъ, въ томъ же 1870 г. были открыты дешевыя квартиры для гувернантокъ, ищущихъ мѣстъ, гдѣ онѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ имѣли, за какія нибудь 2 руб. въ мѣсяцъ, помѣщеніе съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и водою. Затѣмъ, въ настоящее время вырабатывается пенсіонный уставъ; но не смотря на все это, Общество вполнѣ сознавало односторонность своей дѣятельности. Близко стоя къ дѣлу воспитанія, оно не имѣло средствъ ни къ распространенію педагогическихъ свѣдѣній между гувернантками, ни къ гарантіи родителей относительно рекомендованныхъ лицъ; хотя для достиженія этихъ цѣлей и учредилась въ томъ же 1870 г. библіотека для безплатнаго пользованія гувернантокъ, но относительно сообщенія педагогическихъ свѣдѣній и гарантіи родителей Общество находилось и находится въ самомъ затруднительномъ положеніи. Для распространенія педагогическихъ свѣдѣній, оно не имѣло ни матерьальныхъ, ни нравственныхъ къ тому средствъ; приглашать за извѣстную плату читать лекціи, оно не имѣло возможности, по недостаточности капитала; приглашать же читать безплатно—не имѣло возможности, потому что считало въ средѣ своихъ членовъ болѣе благотворителей, чѣмъ педагоговъ.

Если предложеніе г. Сентъ-Илера осуществится, то Общество гувернантокъ съ честью можетъ отступить отъ своего предположенія читать лекціи, потому что тогда будетъ рука руку мыть, и гувернантки, покровительствуемыя Обществомъ, могутъ также пользоваться этими лекціями. Вотъ причина, почему Правленіе съ такимъ сочувствіемъ отнеслось къ предложенію г. Сентъ-Илера. Но, такъ какъ Правленіе Общества тѣсно ограничено въ своихъ распоряженіяхъ утвержденіемъ общимъ собраніемъ и точно опредѣленною смѣтою, то всѣ предположенія, относительно возможности содѣйствія остаются пока только въ области предположеній. Вотъ причина, почему и письмо на имя предсѣдателя заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе общія выраженія. Я же уполномоченъ заявить о тѣхъ предположеніяхъ, которыя возникли въ Правленіи и представятся въ январѣ на утвержденіе общаго собранія; во 1-хъ, оно предлагаетъ всѣ документы, счеты и книги для соображеній коммиссіи по составленію правилъ о справочной конторѣ, полагая, что въ этихъ документахъ найдется достаточно свѣдѣній, которыя замѣнятъ собою многолѣтній опытъ; во 2-хъ, предложитъ общему собранію участвовать въ расходахъ по публичнымъ лекціямъ, если таковыя будутъ сопряжены съ какими либо расходами и въ 3-хъ, предложитъ заявить, что всѣ гувернантки, прослушавшія публичныя лекціи, учрежденныя Педагогическимъ Обществомъ, и получившія въ томъ неофиціальныя удостовѣренія будутъ считаться первыми кандидатками, на первыя открывающіяся въ Обществѣ вакансіи, которыхъ бываетъ до 600 въ годъ. Вотъ все, что мнѣ было поручено объяснить.

Предсѣдатель. Я думаю, что Общество будетъ весьма благодарно за такое дѣятельное и теплое содѣйствіе со стороны другаго Общества, намъ сроднаго. По желанію Общества я передаю этотъ уставъ и приложеніе къ нему составленной коммиссіи съ тѣмъ, чтобы она приняла ихъ къ соображенію, вмѣстѣ съ сообщенными намъ сегодня г. Ремезовымъ словеснымъ свѣдѣніями, въ дополненіе написаннаго. Но, при этомъ имѣю честь заявить, что, какъ вамъ извѣстно, составлено новое Общество—Фребелевское. Въ этомъ Обществѣ предполагается съ самаго начала чтеніе лекцій, которое по уставу новаго Общества менѣе затруднительно, чѣмъ у насъ и потому гораздо скорѣе состоится, такъ какъ тамъ не требуется, чтобы программа лекцій была посылаема высшему начальству, а самъ совѣтъ разрѣшаетъ чтеніе лекцій, довѣряя его лицамъ ему извѣстнымъ. Поэтому мнѣ казалось бы, что коммиссія и это должна принять въ соображеніе, что не выждать ли времени чтенія этихъ лекцій отъ лица Фребелевскаго Общества, затѣмъ, если коммиссія найдетъ, что мы будемъ имѣть для этого достаточно лицъ, которые отъ нашего Общества могли бы читать лекціи, то тогда можно будетъ составить такъ сказать двойной курсъ, хотя впрочемъ, мнѣ кажется, что гораздо-бы лучше дѣйствовать всѣмъ сроднымъ обществамъ заодно, тогда мы соединенными силами гораздо болѣе могли бы сдѣлать, нежели раздробляя эти силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, я, будучи избранъ предсѣдателемъ вновь устроеннаго Фребелевскаго Общества, въ качествѣ предсѣдателя имѣю честь пригласить присутствующихъ здѣсь членовъ Общества и прочихъ гостей поступить въ члены этого Общества для возможно большаго распространенія его. Въ прошедшее засѣданіе установлена самая по возможности дешевая плата ежегоднаго взноса, а именно та же, что взносится здѣсь,—по 6 рублей въ годъ, съ тѣмъ, конечно, чтобы не затруднить тѣхъ, кто захочетъ содѣйствовать своими по-

жертвованіями и своими силами къ преуспѣванію этого вновь устроеннаго Общества.

Г. Неретцъ. Позвольте замѣтить нѣсколько словъ относительно проекта лекцій, о которыхъ говорилъ г. Сентъ-Илеръ; если инціатива въ осуществленіи этихъ лекцій должна будетъ принадлежать Фребелевскому Обществу, то не возможно ли, не удобно-ли будетъ просить какъ Фребелевское, такъ и Общество Гувернантокъ прислать своихъ членовъ въ коммиссію и образовать такимъ образомъ смѣшанную коммиссію, которая придетъ къ заключенію вѣроятно болѣе удобоисполнимому, нежели коммиссія, состоящая изъ членовъ Педагогическаго Общества, которое къ тому же встрѣчаетъ слишкомъ много затрудненій къ осуществленію предложенія г. Сентъ-Илера.

Предсѣдатель. Что касается до меня лично, то я вполнѣ сочувствую прекрасной мысли, высказанной вами; дѣйствительно, этимъ съ самаго начала осуществится то, о чемъ я сказалъ, чтобы Общества дѣйствовали соединенными силами. Поэтому, я въ качествѣ предсѣдателя Фребелевскаго Общества буду имѣть честь заявить объ этомъ, а г. Ремезова, который уполномоченъ выяснить въ чемъ будетъ заключаться содѣйствіе со стороны попечительства объ учительницахъ и гувернанткахъ, буду также покорнѣйше просить отъ лица всего Общества, чтобы онъ ходатайствовалъ о присылкѣ попечительствомъ также своихъ депутатовъ въ учрежденную здѣсь коммиссію для разсмотрѣнія предложенія г. Сентъ-Илера.

Г. Ремезовъ. Съ большимъ удовольствіемъ исполню это порученіе

Г. Кайгородовъ. Какія условія вступленія въ Фребелевское Общество?

Предсѣдатель. Никакихъ; надо только, чтобы вы имѣли трехъ членовъ, которые бы заявили о желаніи вашемъ вступить въ Общество и васъ сейчасъ примутъ.

Г. Кайгородовъ. А гдѣ оно помѣщается?

Предсѣдатель. До сихъ поръ оно не имѣетъ еще помѣщенія, но вѣроятно будетъ собираться въ той самой залѣ, въ томъ помѣщеніи, гдѣ до сихъ поръ продавались отъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній разные педагогическіе матерьялы, потому что матерьялы эти переносятся въ такъ называемый соляной городокъ и залы эти останутся пустыми. Хотя, впрочемъ, еще со стороны главнаго начальства военно-учебныхъ заведеній не объявлено на это полнаго согласія, но есть кажется надежда, что намъ уступятъ это помѣщеніе; а пока, слѣдующее собраніе будетъ въ Александровской женской гимназіи, что на Гороховой, а именно оно послѣдуетъ въ субботу 28 Ноября

Г. Кайгородовъ. Я какъ членъ Техническаго Общества могу заявить, что слышалъ, что аудиторія въ соляномъ городкѣ для техническихъ лекцій скоро будетъ готова, то быть можетъ наше Общество согласится, если я сдѣлаю предложеніе, уступить аудиторію для лекцій Педагогическаго Общества, я думаю, что это предложеніе не встрѣтитъ затрудненій, потому что программа техническихъ лекцій не будетъ занимать всего времени, вѣроятно будутъ день или 2 въ недѣлю свободны. Аудиторію же, какъ я сейчасъ слышалъ, предполагается открыть въ декабрѣ мѣсяцѣ.

Предсѣдатель. Я буду просить васъ пожаловать въ качествѣ гостя въ слѣдующее собраніе Фребелевскаго Общества 27 ноября въ Александровскую гимназію съ тѣмъ, чтобы тамъ можно было сообщить вами сказанное.

Г. Кайгородовъ. И такъ я сдѣлаю предложеніе предсѣдателю Общества г. Кочубею, быть можетъ тогда обозначатся числа чтенія лекцій (программа

техническихъ лекцій уже совсѣмъ составлена) и быть можетъ можно будетъ опредѣлить свободные дни. А такъ какъ цѣль обоихъ Обществъ почти одинакова, даже кажется у насъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, что будутъ педагогическія лекціи только техническаго характера, такъ что одно съ другимъ будетъ сходиться, то я думаю, что Общество выразитъ свое согласіе.

Предсѣдатель. Еще въ числѣ членовъ нашего Общества есть также товарищъ предсѣдателя Комитета Грамотности—я также былъ тамъ товарищемъ предсѣдателя, но по множеству дѣлъ долженъ былъ оставить это занятіе,—чтобы не обойти и этого Общества, также къ намъ очень близкаго, я не знаю въ какой мѣрѣ г. Мѣдниковъ сочтетъ полезнымъ прислать въ нашу коммиссію депутацію и отъ Комитета Грамотности.

Г. Мѣдниковъ. Я съ удовольствіемъ передамъ это предсѣдателю г. Ермакову и надѣюсь, что Комитетъ съ сочувствіемъ приметъ ваше предложеніе.

Г. Кайгородовъ. Можно будетъ предложить также Техническому Обществу, чтобы оно избрало изъ среды своей кого-нибудь въ коммиссію, потому что Техническое Общество преслѣдуетъ также педагогическія цѣли, имѣя школу и имѣя въ виду устройство лекцій для рабочихъ; оно предполагало чтеніе по элементарному образованію, такъ какъ это болѣе задача Обществъ Педагогическаго и Грамотности, чѣмъ Техническаго, то быть можетъ эту долю труда оно передастъ Педагогическому Обществу, подѣлившись частью своихъ средствъ. Тамъ есть спеціальная коммиссія по устройству лекцій, собственно образовательнаго характера, и быть можетъ совокупными усиліями, присылкою депутаціи въ вашу коммиссію, выработается программа лекцій, которая бы удовлетворяла и педагогической и технической цѣли. Такъ что я полагаю будетъ не безполезно, если кто нибудь явится изъ этого общества въ коммиссію.

Предсѣдатель. Сдѣлайте одолженіе, мы можемъ только просить объ этомъ. Вообще наше Общество готово на всѣ добрыя предпріятія, надо поэтому пользоваться временемъ. Силы наши выростаютъ въ минуту.

Въ члены собранія были избраны г. Гаппке и г-жа Захарова.

Предсѣдатель. Гг. скоро приближается время, чтобы разсмотрѣть лучшія сочиненія, явившіяся въ этомъ году, для награды премією, учрежденною Обществомъ въ память покойнаго Ушинскаго. Покорнѣйше прошу теперь же избрать членовъ комитета для этой цѣли. Какъ вы полагаете сколько человѣкъ достаточно?

Смотря по тѣмъ работамъ, которыя будутъ внесены на разсмотрѣніе.

Г. Эвальдъ. Не угодно ли будетъ сказать, какія педагогическія сочиненія будутъ разсматриваться.

Предсѣдатель. Всякое сочиненіе, кромѣ компиляцій, хрестоматій и сборниковъ; если же комитетъ найдетъ, что никакого сочиненія, заслуживающаго преміи въ этомъ году не явилось, то присужденіе преміи отложится до будущаго года.

Рѣшено было выбрать 7 человѣкъ въ члены комитета.

Г. Кайгородовъ, Не было ли бы удобнѣе, если бы совѣтъ предложилъ баллотировать кандидатовъ.

Предсѣдатель. Совѣтъ не можетъ предложить кандидатовъ, потому что донесеніе Коммиссіи поступитъ на разсмотрѣніе совѣта. Вслѣдствіе этого и члены совѣта не могутъ выбираться въ комитетъ, потому что иначе они будутъ судить самихъ себя.

Наибольшее число голосовъ, при избраніи въ члены комитета, получили: Миропольскій—18, Сентъ-Илеръ—17; Водовозовъ—12; Шалфѣевъ—11; Перетцъ—11; Волковъ—10; Пятковскій—10.

Г. Перетцъ. Позвольте раньше избранія сказать нѣсколько словъ. Я до такой степени чувствую себя заваленнымъ работою, что не смотря на все желаніе, не смотря на ту благодарность, которую чувствую къ избирателямъ, тѣмъ не менѣе принужденъ отказаться.

Затѣмъ слѣдовало чтеніе реферата г. Дубровскаго.

Р. Раевскій. Этотъ учебникъ, который вы разбирали, онъ оригинальный, или переводъ?

Г. Дубровскій. Переводъ и дополненіе.

Г. Раевскій. Это у васъ не ясно, и нельзя понять кому принадлежатъ неудачныя выраженія: Любену, или Мечникову?

Г. Дубровскій. Вѣроятно Любену; мнѣ кажется, что можно быть совершенно равнодушнымъ къ рѣшенію этого вопроса.

Г. Раевскій. Но, если это переводъ, то быть можетъ самый переводъ не удаченъ, и тогда Любенъ будетъ не такъ смѣшонъ.

Г. Дубровскій. Тутъ дѣло не въ Любенѣ, а въ томъ, удовлетворительна ли книга, какъ учебникъ.

Г. Рашевскій. Я желаю получить отвѣтъ только на одинъ вопросъ; вы не указали на планъ этой книги, мы не знаемъ, что это за учебникъ, описаніе ли это отдѣльныхъ видовъ....

Г. Дубровскій. Я говорилъ, что это описаніе отдѣльныхъ видовъ; за каждымъ отдѣломъ слѣдуетъ общая характеристика видовъ и затѣмъ расчлененіе на группы.

Г. Михайловъ. Да, но это не переводъ, а только учебникъ, составленный по Любену; я тоже издалъ курсъ по Любену, и мнѣ кажется, что Мечниковъ поступилъ также, какъ я; онъ взялъ планъ Любена и прибавилъ вопросы объ обобщеніи, чего у Любена нѣтъ...

Г. Дубровскій. Да, согласитесь, что это рѣшительно все равно: написалъ ли Мечниковъ, или перевелъ; для школы это безразлично.

Г. Михайловъ. Любенъ есть авторитетъ, которому мы всѣ слѣдуемъ.

Г. Дубровскій. Только благодаря тому хорошему принципу, который онъ поставилъ для преподаванія естественныхъ наукъ.

Г. Михайловъ. Но, вѣдь у Любена есть учебникъ для учителей, такъ если это собственно для учителей, то ученикамъ вовсе и не нужно его давать.

Г. Дубровскій. Я долженъ замѣтить, что этотъ переводъ назначенъ для учениковъ, а не для учителей.

Г. Михайловъ. Мой курсъ также не назначенъ для учениковъ; до изданія моего учебника не было тѣхъ свѣдѣній, которыя должны быть, и объясненіе которыхъ я имѣлъ въ виду...

Г. Дубровскій. Что ваша книга назначается для учителей, это видно изъ самаго введенія, въ которомъ вы объясняете употребленіе книги, а тутъ ничего нѣтъ, слѣдовательно, тутъ не видно, что сочиненіе это для учителей.

Г. Михайловъ. Слѣдовательно, надо прямо сказать, что это не принадлежитъ Любену, а Мечникову.

Г. Дубровскій. Я не могу опредѣлить точно: что тутъ принадлежитъ Мечникову, и что Любену.

Г. Михайловъ. Видите-ли, если ужъ вы беретесь читать рефератъ объ этой книгѣ, то слѣдовало предварительно справиться.

Г. Дубровскій. Мнѣ кажется, вовсе не слѣдовало, на томъ основаніи, что я разбиралъ книгу въ томъ лишь смыслѣ насколько она пригодна для школы, а не ея литературныя стороны; а тамъ уже пускай ужъ каждый разбираетъ, что кому принадлежитъ.

Г. Михайловъ. Любенъ, какъ основатель методики, не могъ написать подобныхъ вещей...

Г Дубровскій. Я согласенъ, что Любенъ этого не напишетъ, въ такомъ случаѣ пусть приметъ это на себя Мечниковъ.

Г. Водовозовъ Мнѣ кажется, что это чрезвычайно похоже на переводъ.

Г. Дубровскій. Тутъ написано на заглавіи: «переводъ и дополненіе».

Предсѣдатель. Вы отвергаете рѣшительно даже въ книгѣ, назначенной для учителей, изложеніе тѣхъ фактовъ, которые относятся къ психологіи животныхъ; между тѣмъ, какъ же съ этимъ согласить требованіе современной науки психологіи, именно допускающейся тѣхъ фактовъ, которые бы указывали, что душею, обладаютъ и животные. Этимъ вопросомъ занимаются первыя знаменитости біологіи; какъ вамъ извѣстно, даже переведено на русскій языкъ сочиненіе Вундта: «О душѣ человѣка и животныхъ». Такъ какже понимать ваше мнѣніе; совершенно ли вы не допускаете знакомить съ этими фактами, съ осмѣянными вами приводимыми въ книгѣ анекдотами, въ которыхъ проявляется душа животныхъ, или же вы желаете ограничить только ихъ сообщеніе, желаете, чтобы они изложены были другимъ образомъ; въ такомъ случаѣ, научите меня и публику, какой долженъ быть способъ изложенія.

Г. Дубровскій. Видите-ли, для пониманія тѣхъ серьезныхъ фактовъ, на которыхъ наука основываетъ свои изслѣдованія требуется такой строгой анализъ, который въ элементарныхъ курсахъ не долженъ имѣть мѣста, именно по своей сложности.

Предсѣдатель. Вы читали Вундта, Брема, или Ленца? неужели вы считаете изложеніе ихъ пендущимъ къ элементарному курсу?

Г. Дубровскій. Я считаю неумѣстнымъ потому, что это не соотвѣтствуетъ тѣмъ серьезнымъ цѣлямъ, которыя преслѣдуются...

Предсѣдатель. А развѣ психологія животныхъ, не серьезная цѣль.

Г. Дубровскій. Только не для тѣхъ дѣтей, которые начинаютъ свои занятія по естествознанію.

Предсѣдатель. Не въ смыслѣ науки, конечно, но, вѣдь всякая наука должна быть подготовлена въ учебномъ заведеніи именно собираніемъ фактовъ. Я по крайней мѣрѣ такъ думаю.

Г. Дубровскій. Тогда факты этого рода все таки слѣдуетъ отнести къ предметамъ преподаванія въ старшихъ классахъ; такъ я считаю весьма мало возможнымъ, чтобы ученики сдѣлали изъ приводимыхъ имъ фактовъ тѣ серьезные выводы, которые можно сдѣлать.

Предсѣдатель. Серьезная группировка фактовъ будетъ, сдѣлана впослѣдствіи, но для того чтобы не затруднять будущаго профессора, преподавателя психологіи, для этого необходимо подготовить факты, какъ это дѣлается и въ исторіи философіи, факты, на которые профессоръ будетъ только указывать, предполагая ихъ познаніе въ слушателяхъ. Когда я напр. читаю о правѣ и указываю, какъ оно выражалось у самыхъ дикихъ народовъ, то я только дѣлаю намеки, я не могу излагать всей этнографіи, всѣхъ мелочей, я

только указываю. Даже когда напр. говорятъ о такъ называемомъ ископаемомъ человѣкѣ, я не могу разсказывать о каменномъ періодѣ, о различіи его на двѣ эпохи; я самъ долженъ это знать, но я не могу повторять этого, я могу только сказать, что, какъ вамъ извѣстно, такіе то факты доказываютъ, что всегда люди жили племенами вмѣстѣ; я могу ограничиться простымъ указаніемъ на факты. Поэтому я, какъ спеціалиста, спрашиваю васъ для моего наученія, развѣ тотъ, кто будетъ научнымъ образомъ излагать біологію, не можетъ также дѣлать только указаній на факты, надѣясь, что они собраны предварительно.

Г. Дубровскій. Каждый общеобразовательный предметъ имѣетъ матерьяльную, или количественную цѣль, и формальную; вы указали матерьяльную пользу тѣхъ фактовъ, знаніе которыхъ подразумѣвается профессоромъ, но не указали той формальной пользы, которая должна достигаться, именно она то не будетъ достигаться, т. е. факты не будутъ развивать ученика.

Предсѣдатель. Но вы вѣдь говорите, что есть и другая сторона, матерьяльная, такъ остановимтесь на этой сторонѣ.

Г. Дубровскій. Предположимъ, что матерьяльная сторона должна удовлетворяться въ виду того обстоятельства, что съ фактами этими, какъ съ данными, придется встрѣтиться при слушаніи курса высшихъ учебныхъ заведеній, но если бы даже эта цѣль и вполнѣ достигалась, то все таки факты этого рода не могутъ составлять предмета изученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что этимъ не достигается формальная цѣль, потому что факты не группируются, изъ нихъ не дѣлается никакихъ выводовъ, они просто сырьемъ ложатся въ голову, вообще всякое накладываніе фактовъ, не сопровождаемое группировкою, совершенно безполезно.

Предсѣдатель. Исторія, слѣдовательно, также должна чуждаться всѣхъ фактовъ, выводовъ, и исторію значитъ нельзя излагать въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Г. Дубровскій. Мнѣ думается, что не должно.

Предсѣдатель. Какимъ же образомъ надо дѣйствовать, чтобы исторія развивала.

Г. Дуаровскій. Я не могу предложить точнаго метода, я не знаю какъ должна исторія развивать...

Предсѣдатель. Такъ скажите по крайней мѣрѣ по вашему предмету, вы хотите разъединить стороны, преслѣдуя только формальную и оставляя совершенно въ сторонѣ матерьяльную. Такое разъединеніе сторонъ никогда не допускается въ педагогикѣ.

Г. Дубровскій. Я этого не говорю; я сказалъ только, что при достиженіи матерьяльной цѣли, сообщеніе фактовъ слѣдуетъ вести такъ, чтобы ученики могли комбинировать ихъ, и такимъ образомъ будутъ удовлетворяться обѣ цѣли и формальная, и матерьяльная.

Г. Водовозовъ. Почему вы напр., не полагаете полезнымъ сообщеніе такихъ свѣдѣній, какъ хожденіе на заднихъ лапкахъ; вѣдь наблюдать животныхъ, какъ они живутъ въ природѣ, чрезвычайно трудно, всего ближе и легче наблюдать животныхъ среди людей, а тѣ факты, о которыхъ вы говорите, могутъ быть только сообщены, дѣти ихъ сами наблюдать не имѣютъ возможности, развѣ только держать животное въ клѣткѣ, или въ звѣринцѣ, но тамъ опять природа его измѣняется. Если вы полагаете, что вовсе не слѣдуетъ го-

ворить объ умѣ животныхъ, тогда другое дѣло, но если нужно, то ближе всего наблюдать ихъ въ отношеніяхъ ихъ къ людямъ.

Г. Дубровскій. Я не думаю, чтобы успѣшная дрессировка свидѣтельствовала объ умѣ животныхъ.

Г. Водовозовъ. Конечно, да, одни животныя менѣе способны къ дрессировкѣ, другія болѣе...

Г. Дубровскій. Что же изъ этого слѣдуетъ?

Г. Водовозовъ. То, что одни обладаютъ лучшими нервами...

Г. Бѣловъ. Г. Дубровскій сказалъ, что онъ не видитъ собственно пользы изъ сообщенія тѣхъ фактовъ, которые приведены по отношенію къ собакамъ, ходящимъ на заднихъ лапкахъ и къ поросятамъ, потому что, какъ онъ замѣтилъ, по моему мнѣнію, совершенно вѣрно, остается цѣлый міръ жизни животныхъ, цѣлый міръ, въ которомъ могутъ наблюдать малѣйшія проявленія ума и чувства животныхъ. Возьмите напр. собаку, или любое животное, умъ его можно доказать сотнями фактовъ, помимо дрессировки.

Предсѣдатель. Между вами и референтомъ замѣчается то различіе, что вы допускаете факты, а г. Дубровскій не допускаетъ никакихъ фактовъ.

Г. Дубровскій. Я не допускаю фактовъ, которые нельзя достаточно простымъ образомъ сгруппировать, которые приходится просто закладывать въ голову ученика, такіе факты, конечно, безполезны.

Г. Люгебиль. Тогда вы утверждаете, что безполезно, чтобы ученикъ наблюдалъ самостоятельно, вы отрицаете самодѣятельность, въ высшей степени полезную для развитія ученика; вы говорите напр., что надо животныхъ показывать на дѣлѣ, но чтоже изъ этого выйдетъ.

Г. Дубровскій. Только то, что животныя будутъ изучаться наглядным образомъ.

Г. Люгебиль. Что же будетъ, какое же животное вы заставите наблюдать?

Г. Дубровскій. Положимъ, бѣлку.

Г. Люгебиль. Хорошо, вы при этомъ будете имѣть въ виду указать на извѣстныя особенности бѣлки, но вѣдь бѣлка будетъ шевелиться.

Г. Дубровскій. Что же изъ этого.

Г. Люгебиль. Неужели, вы думаете, что мальчикъ будетъ обращать вниманіе на ваши слова...

Г. Дубровскій. Монхъ словъ и не будетъ.

Г. Люгебиль. Хорошо, положимъ, вы указываете на голову, на лапки бѣлки, а она въ это время дѣлаетъ прыжокъ, и все вниманіе мальчика сосредоточится на этомъ движеніи, онъ будетъ смотрѣть назадъ.

Г. Дубровскій. Чтоже изъ этого; онъ сообразитъ, что заднія ноги ея длиннѣе, что она можетъ дѣлать прыжокъ, а ходить.

Г. Люгебиль. Но этого не надо указывать, кто разъ видѣлъ бѣлку, тотъ сейчасъ это замѣтитъ.

Г. Дубровскій. А кто не видѣлъ, тому надо указать въ классѣ.

Г. Люгебиль. Я впрочемъ долженъ сказать, что по моему учебникъ вовсе не нуженъ, онъ необходимъ только потому, что въ классѣ предметъ только преподается, я не упрекаю, конечно, въ этомъ никакого учителя отдѣльно, потому что это зависитъ отъ системы преподаванія, я утверждаю, что хорошо преподавать невозможно, пока въ нашихъ реальныхъ училищахъ и гимназіяхъ будетъ господствовать существующая система преподаванія.

Г. Дубровскій. Позвольте, вы отрицаете пригодность учебниковъ для школы вообще, или для младшихъ классовъ школы.

Г. Люгебиль. Да совершенно, потому что, когда есть учебникъ, то преподаваніе не идетъ какъ слѣдуетъ; для того чтобы мальчику полезно было чтеніе такой книги, онъ долженъ много наблюдать, а возьмите напр. преподаваніе въ городѣ, гдѣ мальчикъ никогда ничего не видалъ...

Г. Дубровскій. Тамъ и нечего вести уроки естественной исторіи, если ихъ нельзя сдѣлать наглядными, нечего и портить напрасно предмета и возбуждать къ нему недовѣріе.

Г. Люгебиль. Я не касаюсь недовѣрія, но вы относитесь очень строго къ учебнику, а между тѣмъ, мнѣ кажется, вы недостаточно вникли въ практическое преподаваніе, такъ что тутъ ваши сужденія не имѣютъ никакого основанія. Я говорю это не лично вамъ, но потому, что знаю многихъ, которые такъ судятъ.

Г. Дубровскій. Я указалъ на такія сообщенія въ книгѣ, которыхъ нельзя провести на урокѣ, которыя ничѣмъ не подтверждены.

Г. Люгебиль. Научность вовсе и не нужна въ школѣ.

Г. Дубровскій. Мнѣ кажется, что изъ науки могутъ выбираться только тѣ факты, которые хорошо опредѣлены, хорошо обставлены.

Г. Люгебиль. Да, позвольте, неужели вы самодѣятельность, собственныя наблюденія мальчика ставите ниже, чѣмъ ваше чтеніе изъ учебника; неужели вы не рады будете, если мальчикъ самъ наблюдаетъ, самъ сообщаетъ вамъ свои, хотя совершенно разрозненныя наблюденія. Неужели же вы хотите изгнать это изъ школы. Въ такомъ случаѣ это будетъ совершенно казенное понятіе о школѣ, проходить по книгамъ, установленнымъ нашими программами. Неужели вы хотите, чтобы мальчику говорилось: «проходите до сихъ поръ» и больше ничего.

Г. Дубровскій. Это совершенно несправедливый выводъ; я не знаю, какимъ образомъ изъ моихъ словъ выходитъ, чтобы я памѣренъ былъ заставлять слѣдовать казенной программѣ. Я говорю только вотъ что: что тѣ факты, которые нельзя обобщать, нечего и навязывать ученику.

Г. Люгебиль. Вы хотите изгнать изъ школы то, что не имѣетъ значенія научнаго изслѣдованія, но вѣдь наука тутъ вовсе не цѣль, научное значеніе вовсе не относится къ школѣ...

Г. Дубровскій. Какое же значеніе по вашему имѣетъ школа?

Г. Люгебиль. Въ школѣ преподаются элементы науки, для развитія...

Г. Дубровскій. Какимъ же образомъ могутъ содѣйствовать развитію тѣ факты, которые не обобщены наукою?

Г. Водовозовъ. Касательно дрессировки, я вамъ скажу, что вы эти факты найдете въ любой хорошей книгѣ, они утверждены наукою.

Г. Дубровскій. Въ томъ то и дѣло, что нѣтъ.

Г. Водовозовъ. Ну, напр., ношеніе собаками поноски, отысканіе вещей...

Г. Дубровскій. Чѣмъ же они доказываютъ умъ животныхъ, я напр. дамъ собакѣ мѣшокъ, она не возьметъ, я ее ударю, и тогда она положитъ его въ ротъ, что же изъ этого видно?

Г. Водовозовъ. А то, что она дѣйствуетъ сознательно.

Пятковскій. Изъ тѣхъ возраженій, которыя вамъ сдѣланы, оказывается, что рецензія ваша не удовлетворила весьма многихъ. Первымъ вопросомъ является тотъ, что вы не выдѣлили участіе въ книгѣ самаго Мечникова и

Любена. Г. Михайловъ замѣтилъ, что имя Любена заслуживаетъ того, чтобы съ нимъ обращались нѣсколько иначе; я, съ своей стороны, позволю себѣ замѣтить, что и другое имя, стоящее на книгѣ, также заслуживаетъ, чтобы къ нему отнеслись нѣсколько съ большимъ вниманіемъ. Это имя ученаго, который по нѣкоторымъ своимъ работамъ имѣетъ уже европейскую извѣстность; слѣдовательно участіе двухъ такихъ лицъ, ихъ имена, поставленныя на оберткѣ книги, требуютъ непремѣннаго выясненія вопроса о томъ, что̀ кому принадлежитъ, чтобы каждому воздалось по заслугамъ. Мнѣ кажется, что этотъ вопросъ, такъ сказать, о вмѣненіи весьма существенъ, и говоря про Мечникова и Любена, слѣдовало точно указать, что принадлежитъ участію того, или другаго. Этимъ вы предупредили бы тѣ возраженія, которыя раздаются противъ вашей рецензіи, и возраженія, по мнѣнію моему, совершенно основательныя. Затѣмъ еще другой вопросъ:—то, что я буду говорить по этому предмету, будетъ служить развитіемъ предъидущей мысли;—это недостатокъ системы въ вашемъ разборѣ. Вамъ былъ предложенъ г. предсѣдателемъ, мнѣ кажется, весьма серьезный вопросъ о томъ, даете-ли вы право составителю учебника по естественной исторіи вводить вообще факты изъ психологіи животныхъ. Это вопросъ чрезвычайно серьезный, на который вы, кажется, не отвѣтили. Вотъ, что значитъ, что вы приступили къ разбору книги, не выяснивъ, не давъ себѣ отвѣта на тѣ вопросы, которые вполнѣ естественно возникаютъ по отношенію къ самой системѣ книги; напр. желательно бы было знать, упоминаются-ли въ книгѣ животныя другихъ высшихъ породъ, напр. обезьяны, т. е. приводятся-ли изъ ихъ жизни такіе факты, которые бы съ наибольшею наглядностью доказывали, что умственныя способности свойственны и другимъ животнымъ. И такъ, желательно бы было продолжать бесѣду объ этой книгѣ, и собраніе, вѣроятно, было бы весьма обязано тому лицу, которое взяло бы на себя трудъ пересмотрѣть, или, такъ сказать, дополнить этотъ разборъ, потому что, сколько можно судить по возраженіямъ, большинство осталось имъ не удовлетворено.

Г. Дубровскій. Вы совершенно не выяснили, почему именами Любена и Мечникова нужно было дорожить на столько, чтобы покрыть недостатки книги; дѣло, я думаю, не въ авторѣ, а въ томъ, какова самая книга; я говорю, что она не примѣнима, какъ учебникъ, и болѣе ничего.

Г. Пятковскій. Но вы этого не доказали.

Г. Дубровскій. Я приводилъ такія подробности, такіе факты, которые считаю неумѣстными для преподаванія.

Г. Пятковскій. Вамъ сдѣлано было по этому поводу сильное возраженіе г. Рѣдкинымъ, состоящее въ томъ, что, въ приведенныхъ вами фактахъ, замѣчается нѣкоторая цѣлесообразность. Если взять фактъ отдѣльно отъ книги, то конечно онъ будетъ нелѣпъ, но если составитель учебника задался мыслью ознакомить съ психологіею животныхъ, то эти же самые факты могли быть совершенно на мѣстѣ. Мнѣ кажется, ту же самую мысль развивалъ и г. Водовозовъ. Затѣмъ у насъ является естественное любопытство узнать: всѣ-ли примѣры таковы, какъ указанные вами; исчерпали-ли вы все, что есть въ книгѣ по этой части, или же вы останавливались на примѣрахъ случайныхъ, выдающихся, да и то выдающихся только дурнымъ переводомъ?

Г. Дубровскій. Да я не знаю отчего это зависитъ, отъ перевода, или таковъ оригиналъ. Это все равно; дѣло въ томъ, что вы не можете дать этой

книги ученику, потому что онъ многихъ мѣстъ или не поймет, или поймет по своему; стало быть зачѣмъ же давать такую книгу.

Г. Пятковскій. Противъ тѣхъ случаевъ изъ жизни животныхъ, которые вы привели въ примѣръ, въ принципѣ нельзя сказать ничего.

Г. Дубровскій. А напр. такіе случаи, какъ половыя отношенія, развѣ они поучительны?

Г. Пятковскій. Мы этого не будемъ касаться.

Г. Дубровскій. Я говорю, что присутствіе нѣсколькихъ сообщеній дѣлаетъ книгу неудобною по содержанію, а присутствіе неясныхъ, неудачныхъ выраженій дѣлаетъ ее неудобною по выраженію. Поэтому ясно, что книга не можетъ быть употреблена, какъ учебникъ.

Г. Пятковскій. Вы не отвѣтили категорически отвергаете-ли вы приведеніе подобныхъ случаевъ изъ жизни животныхъ въ принципѣ, или же только вслѣдствіе ихъ неудачнаго примѣненія? Вы не дали на это отвѣта, и были даже озадачены потому, что не предвидѣли подобнаго возраженія.

Г. Дубровскій. Ну это, положимъ, я лучше долженъ знать, насколько я былъ озадаченъ. Я говорилъ, что этотъ вопросъ на столько неразработанъ, что о серьезныхъ научныхъ выводахъ не можетъ быть и рѣчи, а потому нечего и сообщать ихъ ученику.

Г. Пятковскій. Какъ же вы хотите заниматься біологическими выводами съ мальчиками, которыхъ интересуютъ только факты? Я думаю, что эти сообщенія могутъ служить только данными для послѣдующихъ соображеній, когда мальчикъ пройдетъ общій образовательный курсъ; а сперва вы сообщаете ребенку данныя не больше, какъ про запасъ для будущихъ обобщеній и серьезныхъ біологическихъ выводовъ.

Г. Дубровскій. Когда наступитъ эта пора выводовъ, тогда и сообщите факты; зачѣмъ же они будутъ лежать безъ пользы.

Г. Пятковскій. Но, это невозможно. Какого рода выводы вамъ собственно хочется дѣлать изъ преподаванія естествознанія?

Г. Дубровскій. Понятіе объ устройствѣ тѣла животныхъ и соотношеніе его съ тѣмъ образомъ жизни, который животныя ведутъ.

Г. Пятковскій. А вопросъ о смышленности животныхъ, это относится къ жизни животныхъ, или нѣтъ.

Г. Дубровскій. Это вопросъ менѣе важный.

Г. Пятковскій. Я позволю себѣ напомнить хоть о книгѣ Дарвина, который въ послѣднемъ изслѣдованіи сгруппировалъ множество данныхъ, повидимому не имѣвшихъ никакого значенія въ то время, когда они собирались, а въ его системѣ, при тѣхъ объясненіяхъ, которыя введены въ книгу, они имѣютъ огромное значеніе; почему знать, что примѣръ о собакахъ, который приведенъ въ разбираемой вами книгѣ, также не будетъ пригоденъ.

Г. Дубровскій. Его слѣдуетъ записать въ лѣтопись науки, а не навязывать ученикамъ.

Г. Волковъ. Я также присоединяюсь къ мнѣнію, которое вамъ высказывали, о недостаточности вашего разбора. Всякая книга, заслуживающая критики, непремѣнно проводитъ какую-нибудь, болѣе или менѣе, оригинальную мысль; если мы будемъ говорить объ учебной книгѣ, то въ учебной книгѣ, заслуживающей разбора, конечно, надо искать не только изложенія, не только частностей, но также принципа методическаго, системы изложенія фактовъ, группировки ихъ, наконецъ пріемовъ проработки учебнаго матеріала. Мнѣ кажется, что если при-

ступить къ разбору учебной книги, имѣя это въ виду, то придется сказать и о томъ методическомъ принципѣ, который легъ въ основаніе какъ выбора матеріала, такъ и системы его изложенія и группировки или, по крайней мѣрѣ, о томъ методѣ, который, такъ или иначе, высказывается въ книгѣ, методѣ проработки матеріала. Не знаю, можетъ быть, я недостаточно понялъ то, что вы изволили прочесть, но, сколько мнѣ кажется, если вы и коснулись, то слишкомъ поверхностно, этихъ важныхъ, существенныхъ вопросовъ, которые должна поставить себѣ рецензія всякой книги. Я не знакомъ съ той книгой, которую вы разобрали въ нашемъ собраніи, но, приготовляясь слушать вашъ разборъ, я разсчитывалъ познакомиться съ ней хотя настолько, чтобы судить о томъ, дѣйствительно-ли основательны ваши приговоры, ваши соображенія; но такого знакомства съ книгой я не вынесъ изъ вашего разбора; для меня, по крайней мѣрѣ, остается совершенной тайной, какъ принципъ, положенный въ основаніе предлагаемой издателемъ и авторомъ книги, такъ точно и система, принятая авторомъ, система расположенія матеріала, группировки отдѣльныхъ частей, метода преподаванія. На этомъ основаніи, мнѣ кажется, довольно затруднительно будетъ обществу судить, въ самомъ-ли дѣлѣ книга эта непригодна, какъ учебникъ, или же она можетъ имѣть какое-нибудь употребленіе, какъ учебная книга. Въ отвѣтахъ своимъ оппонентамъ вы, между прочимъ, сказали и, сколько мнѣ помнится, повторили нѣсколько разъ, что вашъ отзывъ о непригодности этой книги, какъ учебной, вы основываете главнымъ образомъ на томъ соображеніи, дѣйствительно справедливомъ, что ее неудобно дать въ руки дѣтямъ. Въ оцѣнкѣ, болѣе или менѣе категорической, которую вы поставили, необходимо разъяснить, можно-ли дать эту книгу дѣтямъ въ руки, или ею можно пользоваться какъ руководствомъ для учителя, или и въ руководство для учителя она не годится, но, можетъ быть, въ ней проводится такая система, такой методъ преподаванія естествознанія, который полезно рекомендовать преподавателямъ принять къ свѣдѣнію, словомъ, она можетъ быть очень хорошимъ и полезнымъ пособіемъ для преподавателей. Не затронувши этихъ вопросовъ, не давъ книгѣ оцѣнки съ этой стороны, сдва-ли рецензія имѣетъ право произнести какой-нибудь приговоръ объ этой книжкѣ, какъ учебной, и вообще дать оцѣнку педагогическаго значенія ея.

Г. Дубровскій. Многіе вопросы, которые показались вамъ какъ-бы тайной, были разъяснены мною. Вы замѣтили, что каждая книга, заслуживающая рецензіи, должна заключать въ себѣ какую нибудь оригинальную мысль...

Г. Волковъ. Болѣе или менѣе какія нибудь особенности.

Г. Дубровскій. А если она не заключаетъ ихъ, такъ откуда взять?

Г. Волковъ. Въ этомъ случаѣ дѣло рецензіи показать, что такое эта книга повторяетъ,—это была-бы самая лучшая оцѣнка.

Г. Дубровскій. Да я и показалъ, что она повторяетъ, такъ какъ сказалъ, какому курсу она отвѣчаетъ, какимъ цѣлямъ соотвѣтствуетъ, какимъ образомъ эти цѣли достигаются; кажется, на эту тему довольно сказано.

Г. Волковъ. Нѣтъ, я право не могу согласиться съ тѣмъ, что вы говорили что-нибудь о томъ, что можетъ дать эта книга, какой курсъ она воспроизводитъ. Если вы утверждаете, что эта книга не даетъ ничего новаго, оригинальнаго, то, значитъ, она повторяетъ что-нибудь давно высказанное, что-нибудь старое, а дѣло рецензіи, какъ мнѣ кажется, и состоитъ въ томъ, чтобы сказать, что именно она повторяетъ.

Г. Дубровскій. Да вѣдь это сказано, я уже говорилъ, къ какому курсу она относится, въ чемъ состоитъ содержаніе ея, ея цѣли, какими средствами онѣ достигаются. Какимъ же образомъ еще что-нибудь можно сказать?

Г. Волковъ. Вы высказали въ вашей рецензіи рядъ соображеній, болѣе или менѣе основательныхъ, о томъ, какъ долженъ быть построенъ учебный курсъ естествознанія, затѣмъ, въ какой мѣрѣ разбираемая вами книга удовлетворяетъ этому курсу. Но вѣдь, мнѣ кажется, если сказать, что авторъ извѣстной книги имѣлъ въ виду, положимъ, требованія такой-то программы, то этимъ самымъ читатель или слушатель нисколько не знакомится съ тѣмъ, что такое эта книга, такъ какъ однимъ и тѣмъ же программамъ и требованіямъ можно удовлетворить множествомъ книгъ, множествомъ методовъ преподаванія и т. д. Стало быть, тѣмъ обстоятельствомъ, что вы указали рядъ соображеній, характеризующихъ методъ, даже не методъ, такъ какъ вы сами сказали, что въ книгѣ нѣтъ сколько нибудь опредѣленнаго метода, этимъ обстоятельствомъ вы не охарактеризовали разбираемой вами книги.

Предсѣдатель. Г. Дубровскій настаиваетъ на томъ, что онъ хотѣлъ разобрать ее какъ учебникъ, который можно дать дѣтямъ въ руки и находитъ, что это невозможно, а того, можно-ли дать ее учителямъ, онъ вовсе не касался.

Г. Дубровскій. Я не ставилъ этого цѣлью.

Предсѣдатель. Онъ говоритъ, что не ставилъ этого цѣлью.

Г. Волковъ. Я позволю себѣ замѣтить, что я принялъ въ соображеніе тѣмъ болѣе, что г. референтъ сказалъ, и даже не въ одномъ мѣстѣ, что въ учебникѣ это неумѣстно.

Г. Дубровскій. Да, въ учебномъ сочиненіи, имѣющемъ педагогическій характеръ, а это другое дѣло.

Предсѣдатель. Г. Бѣловъ!

Г. Бѣловъ. Г. Дубровскій! Когда я слушалъ вашъ рефератъ, то помню, что вы выразились, что допускаете наблюденія объ умѣ животныхъ въ мірѣ ихъ естественной жизни, но не допускаете только тѣхъ наблюденій, которыя берутся изъ той, такъ сказать, искуственной жизни, изъ тѣхъ фокусовъ, которые животное способно показывать. Когда же вамъ начали возражать, то вы стали совершенно на другую почву, вы начали отвергать въ принципѣ возможность допустить наблюденія изъ міра животныхъ. Для меня это остается непонятнымъ; къ вашему положенію о томъ, что эти наблюденія должно брать изъ обыденной, естественной жизни животныхъ, я отнесся съ полнымъ сочувствіемъ, по своимъ личнымъ воззрѣніямъ на этотъ вопросъ, не отвергая того, что факты изъ другой стороны жизни, что фокусы также доказываютъ въ извѣстной степени умъ животныхъ. Но я нахожу, что факты, взятые изъ обыденной, вседневной жизни, которые ежечасно совершаются на нашихъ глазахъ, безъ всякаго сомнѣнія гораздо поучительнѣе, потому что они проще, естественнѣе,—животное въ данный моментъ проявляется такимъ, какъ есть, не подъ вліяніемъ насилія. Подобные факты должны быть ребенку понятны. Я замѣчаю вамъ это, потому что отношусь къ этому съ полнымъ сочувствіемъ и признаю, что факты наблюденія надъ умомъ животныхъ, взятые изъ жизни обыденной, гораздо проще и естественнѣе. Вы съ этимъ соглашались, вы это допускали, а потомъ стали на другую точку зрѣнія.

Г. Дубровскій. Что я допускалъ? Я сказалъ, что если измѣрять умственное развитіе животныхъ, то должно его измѣрять суммою тѣхъ цѣлесообраз-

ныхъ дѣйствій, совершаемыхъ ими въ естественныхъ условіяхъ ихъ существованія, которыя ведутъ къ обезпеченію вида или недѣлимаго. Слѣдовательно, я разсуждалъ о томъ, какъ наука должна смотрѣть на эти факты, а вовсе не утверждалъ того, чтобы гдѣ нибудь они были приведены, какъ источникъ научныхъ наблюденій, чтобы ихъ установить предметомъ преподаванія.

Г. Бѣловъ. Я не знаю, почему я не имѣлъ права понять ваши слова такъ, какъ я ихъ понялъ. Считаю безполезнымъ приводить безчисленные факты изъ педагогической практики при томъ условіи, что сами дѣти, при малѣйшемъ намекѣ о томъ или другомъ животномъ, предлагаютъ тотъ или другой вопросъ? Я считаю это безполезнымъ. Педагогическая практика доказываетъ, что дѣти дѣлаютъ наблюденія, но только часто вопросы ихъ остаются безъ отвѣтовъ, вслѣдствіе отсутствія познаній со стороны отца, матери, вообще лицъ, окружающихъ ихъ, а если иногда и получаютъ отвѣты, то крайне нераціональные. Дѣти дѣлаютъ наблюденія, замѣчаютъ; они сами насчитываютъ десятки фактовъ объ умѣ животныхъ, такъ что учителю остается только вызвать ихъ. Дѣтская природа такъ счастливо создана, что при совершеннѣйшемъ отсутствіи всякаго педагогическаго вліянія, дѣти все-таки сохраняютъ цѣлый рядъ наблюденій, которыя только ждутъ человѣка, который вызвалъ-бы ихъ, освѣтилъ фонаремъ; тогда они будутъ говорить о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ ими въ городѣ, селѣ,—они станутъ разсказывать о своей собакѣ, кошкѣ, тѣхъ или другихъ животныхъ. Слѣдовательно, стоитъ обратиться къ самой природѣ ребенка, чтобы признать ваше замѣчаніе несостоятельнымъ.

Г. Дубровскій. Я вовсе не говорилъ о томъ, чтобы дѣти не дѣлали наблюденій; я убѣжденъ даже, что они дѣлаютъ наблюденія. Въ вашемъ замѣчаніи я не понялъ только выраженія *освѣтить эти наблюденія?*

Г. Бѣловъ. Я доказываю только необходимость, освѣщать пріобрѣтенные дѣтьми факты потому что въ глубинѣ природы ребенка лежатъ извѣстные факты,—ихъ надо освѣтить, напомнить...

Г. Дубровскій. Въ чемъ же состоитъ это освѣщеніе?

Г. Бѣловъ. Въ томъ, что онъ дѣйствительно пойметъ, что это умъ, хитрость или память, можно ему осязательными фактами доказать, что эта собака умна, имѣетъ память, хитрость, злость или доброту, а прежде онъ этого не зналъ, ему никто объ этомъ не говорилъ.

Предсѣдатель. Г. Водовозовъ!

Г. Водовозовъ. Меня все занимаетъ вопросъ касательно дрессировки; я не берусь его выяснить, потому что не довольно занимался естественными науками, чтобы сказать положительное слово; но мнѣ кажется, что факты, которыхъ вы касались, т. е. цѣлесообразныя дѣйствія животныхъ, относящіяся къ добыванію пищи и т. д., точно также не настолько разъяснены наукой, чтобы, согласно вашему мнѣнію, ихъ можно было вносить въ преподаваніе. По мнѣ кажется, что цѣль преподаванія вовсе нельзя ограничить только тѣмъ, что вполнѣ разъяснено наукой, такъ какъ въ такомъ случаѣ почти ничего нельзя внести въ преподаваніе естественныхъ наукъ кромѣ того, что корова имѣетъ такіе-то зубы, лошадь такіе-то и прочее. По вопросу о дрессировкѣ животныхъ я вотъ что хотѣлъ замѣтить: если вы приводите примѣры изъ дрессировки животныхъ, то весьма наглядно выясняете изъ отношенія животныхъ къ человѣку и изъ того, что человѣкъ въ извѣстномъ случаѣ можетъ достичь въ развитіи животныхъ, наглядно выясняете, говорю я, ихъ естественныя свойства и тѣ качества, которыя они наиболѣе проявляютъ

въ естественной средѣ, потому что дрессировка, въ большинствѣ случаевъ, не говорю о фокусахъ, которые можно отвергать, такъ какъ они не представляютъ ничего характернаго, но вообще дрессировка животныхъ возможна болѣе съ той стороны, съ которой они проявляли себя въ естественныхъ условіяхъ, такъ что тутъ человѣкъ продолжаетъ дѣло, сообразуясь съ естественными условіями жизни животныхъ; въ этой же обстановкѣ, только рѣще, высказываются свойства животныхъ. Напр., говоря о собакѣ, отчего не упомянуть о дрессировкѣ; вы этимъ совершенно выскажете цѣли природы, которыя этимъ гораздо нагляднѣе и ярче выясняются, чѣмъ когда вы приведете факты, что собака способна бѣгать и гоняться, какъ будто она создана для охоты. Возьмите попугая, отъ природы способнаго къ переимчивости. Дрессировкой вы только ярче освѣщаете тѣ факты, которые лежатъ въ природѣ животнаго, а это для педагогической цѣли особенно важно.

Г. Дубровскій. Ваша мысль очень проста и понятна, но если вы возьмете каждый частный случай, въ которомъ высказывается успѣхъ дрессировки, и будете приравнивать его къ тѣмъ естественнымъ способностямъ животнаго, которыя можно употреблять для дрессировки, то это будетъ довольно сложный вопросъ, для того, чтобы привести его на урокѣ.

Г. Водовозовъ. Я не говорю каждый случай, а только наиболѣе выдающіеся.

Г. Дубровскій. Хотя бы и наиболѣе выдающіеся.

Г. Водовозовъ. Я не говорю, что на это надо преимущественно налегать; я только нахожу, что, когда вы хотите говорить объ умѣ животныхъ, всего естественнѣе брать ихъ въ той средѣ, среди которой они живутъ; вы же противъ этого возражаете, что человѣкъ употребляетъ палку для того, чтобы заставить его поступать по своему желанію, но вѣдь природу передѣлать нельзя! Но вѣдь и въ естественной средѣ точно тоже бываетъ: если животныя употребляютъ хитрости, уловки, соображенія для того, чтобы избавиться отъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ вліяній, то это тоже доказываетъ, что они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ принужденій. Я не говорилъ, чтобы брать исключительно подобные факты, а что ими нельзя пренебрегать, надо пользоваться ими для объясненія естественныхъ свойствъ животныхъ.

Г. Дубровскій. Цѣлесообразныя дѣйствія, совершаемыя животнымъ въ его естественныхъ условіяхъ и клонящіеся къ обезпеченію вида или недѣлимаго, отражаются на устройствѣ его тѣла и передаются наслѣдственно; въ этомъ смыслѣ составляется матеріалъ для научныхъ изслѣдованій. Что-же касается до нѣкоторыхъ субъективныхъ способностей, то онѣ не передаются, не ложатся слѣдомъ на его внутреннюю, организацію, и поэтому должны быть принимаемы какъ случайный результатъ тѣхъ дѣйствій, къ числу которыхъ принадлежитъ дрессировка.

Г. Водовозовъ. Вы берете чисто физическую точку зрѣнія и съ этой точки зрѣнія совершенно отвергаете пользу дрессировки въ примѣненіи къ организму. Но если мы даже съ вашей точки зрѣнія—примѣненія дрессировки къ органамъ, будемъ разсматривать тѣ способности, которыя животное проявляетъ по отношенію къ тѣмъ органамъ, которыми оно обладаетъ, то все-таки вы никакъ не избѣгнете психической стороны, потому что недостаточно сказать, что бѣлка грызетъ орѣхи, потому что у ней зубы такъ устроены и она живетъ на деревьяхъ; нѣтъ, для того чтобы объяснить жизнь бѣлки, надо сказать, какъ она добываетъ орѣхи, какъ прячетъ ихъ, а чтобы прятать

орѣхи, не надо имѣть только зубы,—это къ зубамъ не относится. Вы во всемъ найдете множество такихъ чертъ, которыя вовсе не относятся къ тому или другому устройству организма, а относятся къ психической сторонѣ.

Г. Дубровскій. Мы стали на такую точку зрѣнія, о которой можно много спорить. Если вы говорите, что добываніе пищи опредѣляется устройствомъ зубовъ, а образъ жизни, психическое состояніе животнаго нисколько не зависитъ отъ устройства органовъ, то это несправедливо,—очевидно, что это также отражается на нервной системѣ; но вообще это такой сложный и запутанный вопросъ, котораго наука еще не разработала.

Г. Водовозовъ. Не въ этомъ дѣло, а въ томъ, чтобы показать, что у животнаго есть умъ, направленный извѣстнымъ образомъ къ той средѣ, среди которой оно живетъ.

Предсѣдатель. Г. Ганике!

Г. Ганике. Книга, о которой мы говоримъ, во всякомъ случаѣ написана болѣе для учениковъ, чѣмъ для учителей, назначеніе ея—быть пособіемъ для учениковъ. Естественныя науки, какъ предметъ вполнѣ реальный, болѣе всего похожи на математику; такъ, многіе пріемы употребляются и въ естественныхъ наукахъ, и въ математикѣ, особенно въ ариѳметикѣ, проходимой въ элементарныхъ классахъ, къ которымъ относится и нашъ предметъ—естественная исторія. Въ преподаваніи обоихъ предметовъ придерживаются того пріема, что предложенный матеріалъ изучается сперва индуктивнымъ путемъ а затѣмъ уже обращаются къ дедукціи. О примѣненіи этого пріема къ ариѳметикѣ можно прочитать въ предисловіи къ задачнику г-на Евтушевскаго. Изученіе предмета не должно оставлять дѣтей пассивными, и выбранный матеріалъ долженъ интересовать ихъ и побуждать къ дѣятельному участію въ работѣ. Напомнивъ о важности объекта въ элементарномъ курсѣ, предлагаю вопросъ: какъ бы посмотрѣли преподаватели математики на новое руководство ариѳметики, написанное по методѣ Грубе? У насъ теперь нѣсколько такихъ руководствъ, но ужѣ ихъ рѣдко даютъ въ руки ученикамъ, для которыхъ нужны скорѣе задачники. Это видно изъ того, что задачниковъ является болѣе, нежели руководствъ по ариѳметикѣ. По нашему предмету тоже болѣе нужны хорошіе рисунки, какъ матеріалъ для занятій—о хорошихъ коллекціяхъ нечего и говорить,—но вѣдь не всякое заведеніе можетъ завести ихъ. Вотъ поэтому-то, если-бы г. Мечниковъ занялся составленіемъ хорошаго атласа, для котораго можно много найти матеріала, то онъ принесъ бы гораздо больше пользы. Руководство, мнѣ кажется, есть педантичный переводъ Любена,—хотя я и не успѣлъ его изучить во всѣхъ подробностяхъ, однако нашелъ въ немъ даже стишки Любена, скверно переданные,—а не представляетъ руководства, написаннаго по извѣстной системѣ, какъ напримѣръ руководство г. Сентъ-Илера, составленное по методѣ Любена, достигшее своей цѣли и принесшее пользу многимъ преподавателямъ, познакомивши ихъ съ этою методою. Г. Мечниковъ въ этомъ отношеніи пользы дѣтямъ не принесъ, а преподавателямъ немного новаго показалъ. Что-же касается до разсказовъ изъ жизни животныхъ, то въ болѣе удобной формѣ и въ устахъ талантливаго преподавателя они принесутъ пользу, такъ какъ, вопервыхъ, они интересны, а во-вторыхъ, дѣти находятъ въ нихъ много такого, что сами наблюдали, а извѣстно, какъ они наблюдательны и сколько они видѣли и замѣчали еще до поступленія въ школу; наконецъ, мы ими соотвѣтствуемъ требованіямъ педагогическаго преподаванія, не говорю о научномъ, потому что

собственно научнаго преподаванія въ элементарныхъ классахъ быть не должно. Мы изучаемъ предметъ съ различныхъ сторонъ для того, чтобы сравнивать его съ другими; слѣдовательно, надо достичь того, чтобы дѣти могли составить хорошую характеристику предмета, а къ полной характеристикѣ животныхъ непремѣнно принадлежитъ и жизнь ихъ; подобное изученіе животныхъ можетъ помочь намъ достигнуть нѣкотораго обобщенія, совершенно доступнаго дѣтямъ. Не надо для этого касаться отвлеченной біологіи, не надо вводить дарвиновской теоріи, а достаточно того, что изъ ряда отдѣльныхъ и сходныхъ фактовъ, будемъ выводить общее заключеніе. Возьмемъ, напримѣръ, грызуновъ; извѣстно, что они, за малымъ исключеніемъ, весьма неразвитыя умственно животныя; изучивъ двухъ, трехъ, мы замѣтимъ въ нихъ эту общую черту, а потому можемъ сдѣлать заключеніе, что эта группа животныхъ особенно характеризуется малымъ умственнымъ развитіемъ. Въ старшемъ классѣ, говоря о нервной системѣ, можемъ показать, что у грызуновъ головной мозгъ отсталъ въ развитіи отъ головнаго мозга другихъ животныхъ. И такъ, тутъ мы имѣемъ готовый матеріалъ и для элементарнаго, и для другихъ классовъ; зачѣмъ же выбрасывать подобные разсказы изъ хорошаго руководства? Это относится къ замѣчанію г. референта о цѣли, годности подобныхъ разсказовъ, а то, что я сказалъ раньше объ этой книгѣ, какъ руководствѣ для гимназій, можетъ служить отвѣтомъ г. Волкову, который замѣтилъ, что референтъ мало говорилъ о томъ, для кого написана эта книга—для преподавателей или для дѣтей. Для преподавателей она могла бы принести пользу, если-бы сообщила нѣчто новое, а для дѣтей я считаю эту книгу негодной, какъ по формѣ изложенія, такъ и предмету, взятому авторомъ во многихъ статьяхъ.

Г. Дубровскій. Вы замѣтили, что нѣкоторые факты умственнаго развитія животныхъ могутъ быть сообщены и въ младшихъ классахъ и что этимъ можно пользоваться для болѣе серьезнаго сравненія животныхъ, когда въ высшихъ классахъ изучается ихъ организація. Затѣмъ вы говорите, что легко сдѣлать нѣкоторыя разъясненія, доступныя дѣтямъ;—какого же рода эти разъясненія?

Г. Ганике. Я говорилъ, что достаточно взять двухъ, трехъ грызуновъ, чтобы сдѣлать обобщенія о всей группѣ этихъ животныхъ...

Г. Михайловъ. Здѣсь нѣтъ грызуновъ, здѣсь....

Г. Ганике. То, что я говорилъ, относится не только къ книгѣ, но вообще къ замѣчанію референта.

Г. Дубровскій. Я свое замѣчаніе дѣлалъ на этотъ элементарный курсъ, состоящій въ выборѣ нѣсколькихъ примѣровъ.

Г. Люгебиль. Мнѣ хотѣлось сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Разумѣется, я не буду судить о томъ, годна эта книга, или негодна. Мнѣ кажется, что вы высказали нѣсколько принциповъ или обсужденій, которые вполнѣ невѣрны и уже довольно часто обсуждались въ обществѣ. Во-первыхъ, вы отстраняете извѣстные факты изъ школы, потому что они ненаучны. Что вы называете научными фактами? Такіе, которые входятъ въ нынѣшнее время въ систему наукъ? Но вѣдь дѣло науки разъяснить неизвѣстное, и, во всякомъ случаѣ, нельзя такъ механически понимать, что вотъ наука изложена въ книгахъ; нѣтъ, наука есть умственная работа, которая не занимается тѣмъ, что рѣшено, а тѣмъ, что нерѣшено, Вы говорите—ненаучный вопросъ,—но вѣдь въ науку входитъ все, а это только въ научную систему, въ извѣстный

моментъ, не все входитъ; кромѣ настоящаго момента извѣстнаго метода, она не должна имѣть никакого вліянія на педагогику. Это именно смѣшеніе дѣлается потому, что нисколько не обращаютъ вниманія на потребность извѣстнаго возраста; чтобы заниматься наукой нужна извѣстная зрѣлость, до которой не всѣ доходятъ. Я хотѣлъ указать на тотъ фактъ, что ваше указаніе, что такой-то предметъ не есть научный, само по себѣ не вѣрно и не рѣшаетъ вносить-ли его въ преподаваніе или не вносить.

Г. Дубровскій. Если изъ массы фактовъ можно выдѣлить факты, вполнѣ наглядные, хорошо анализированные и установленные, то, мнѣ кажется, ихъ слѣдуетъ по меньшей мѣрѣ предпочесть тѣмъ, которые меньше разработаны наукой, а такъ какъ умственное развитіе животныхъ по отношенію къ организму есть фактъ, мало разработанный наукой въ настоящее время, то и обсужденіе его можно отложить до будущаго времени, когда онъ будетъ болѣе разработанъ.

Г. Люгебиль. Вы предпочитаете систематику, но это едва-ли та наука, которая болѣе всего соотвѣтствуетъ возрасту дѣтей; строй же или анатомія тѣла, всѣ движенія его и подобныя вещи имѣютъ научный интересъ.

Г. Дубровскій. Да вѣдь научные интересы не преслѣдуются въ школѣ.

Г. Люгебиль. То-то и есть, что вы проводите научные интересы, вы проводите то, изъ чего можно дѣлать научныя заключенія, а между тѣмъ дѣти и не думаютъ о заключеніяхъ, они только наблюдаютъ.

Г. Дубровскій. А затѣмъ куда пригодны ихъ наблюденія, они не сравниваютъ....

Г. Люгебиль. Какъ не сравниваютъ? Они не сравниваютъ, потому-что дѣлаютъ слишкомъ мало наблюденій, а наблюденіе само по себѣ важно. Если будетъ много наблюденій, то тогда ничего не стоитъ дѣлать общіе выводы. Намъ нужны наблюденія, а выводами вы ничего не сдѣлаете, выводы дѣлаются въ школѣ не на основаніи наблюденій, а на основаніи того, что дѣти слышатъ или отъ учителя, или отъ товарищей, а такой выводъ изъ словъ ничего не значитъ. Мнѣ кажется, вовсе не надо дѣлать такъ много выводовъ, они естественны, когда дашь матеріалъ, а заставьте наблюдать. Обыкновенно наблюденіе представляется очень простымъ, — это невѣрно, такъ какъ при каждомъ наблюденіи бываютъ очень сложные процессы. Учите дѣтей только наблюдать и вы весьма много сдѣлаете.

Г. Дубровскій. Наблюдать формы животныхъ и описать ихъ гораздо легче, чѣмъ наблюдать такіе факты изъ ихъ жизни, при помощи которыхъ можно опредѣлить ихъ умственное развитіе.

Г. Люгебиль. Вы непремѣнно хотите дѣлать выводы, да самъ фактъ наблюденія важенъ, даже, если нѣтъ никакого вывода; если мальчикъ и невѣрно будетъ наблюдать, то все таки онъ пріобрѣтаетъ навыкъ.

Г. Дубровскій. Я не отрицаю пользы наблюденія.

Предсѣдатель. Г. Пятковскій!

Г. Пятковскій. Я хотѣлъ сдѣлать предложеніе педагогическому собранію,— оно будетъ коротко и не задержитъ гг. членовъ. Дѣло вотъ въ чемъ. Отчеты о преніяхъ, происходящихъ въ нашихъ собраніяхъ, печатаются, какъ извѣстно, въ журналѣ «Семья и Школа». Г. Симашко сдѣлалъ это любезное предложеніе, за которое мы ему очень благодарны, но мнѣ кажется, что какъ въ интересахъ членовъ собранія, такъ и въ интересахъ редакціи, которая взялась печатать наши отчеты, полезно установить вотъ какое правило. Были случаи такого рода, что

нѣкоторые изъ членовъ собранія сильно видоизмѣняли въ стенографическомъ отчетѣ то, что говорили въ собраніи, такъ что публика, неприсутствующая въ немъ, въ отчетахъ читаетъ не то, что происходило въ самыхъ собраніяхъ. Мнѣ лично пришлось имѣть объясненіе именно по этому поводу. На одномъ изъ вечеровъ собранія, когда происходили очень оживленныя пренія, одинъ изъ членовъ,—я не буду называть его имени, такъ какъ онъ отсутствуетъ,—сказалъ фразу, на которой я счелъ нужнымъ остановиться какъ на выраженіи извѣстнаго впечатлѣнія, которое мнѣ показалось заслуживающимъ вниманія. Въ стенографическомъ отчетѣ, этой фразы, на которой я остановился и на которую возражалъ, не оказалось, слѣдовательно, произошло вотъ что: мною былъ, противъ извѣстной цѣли, направленъ ударъ,—и вдругъ эту цѣль отнимаютъ, отодвигаютъ, слѣдовательно, ударъ пропадаетъ въ пространствѣ. Для того, чтобы возстановить эту фразу, мнѣ пришлось написать въ редакцію два письма, которыя упомянутый членъ счелъ почему-то полемикой, тогда какъ я никакой полемики не заводилъ, а мнѣ хотѣлось только возстановить фразу, уже разъ произнесенную. Такъ какъ подобные случаи могутъ не одинъ разъ повториться, то желательно разъ на всегда установить такое правило, чтобы члены, принимавшіе участіе въ преніяхъ, не измѣняли тѣхъ мѣстъ въ своихъ рѣчахъ, которыя остановили на себѣ возраженія здѣсь, въ стѣнахъ собранія, которыя уже были разъ произнесены. Конечно, я не отрицаю, что можно допустить нѣкоторыя измѣненія чисто стилистическаго свойства по обоюдному соглашенію спорившихъ но и тутъ поправки должны быть незначительны, чтобы онѣ не вызывали полемики, подобно той, которую мнѣ приходилось вести,—пересмотрѣть чтобы публика, которая интересуется преніями, знакомилась и читала то, что дѣйствительно происходило въ собраніи, а не то, что придумаетъ на досугѣ, въ кабинетѣ, членъ собранія. Подобнаго рода измѣненія могутъ быть сдѣланы только по взаимному соглашенію съ другимъ лицомъ, принимавшимъ участіе въ преніяхъ.

Г. Рашевскій. А если я отказываюсь отъ извѣстной фразы, считая ее обмолвкой, то обязанъ-ли я не вычеркивать ее, если общество признало, что это обмолвка?

Г. Пятковскій. Во всякомъ случаѣ по обоюдному соглашенію, иначе это будетъ не поправка,—я употреблю выраженіе, которое совершенно подходитъ къ дѣлу,—иначе происходитъ фальсификація текста.

Г. Рашевскій. Если я заявилъ, что считаю произнесенную фразу обмолвкой, то обязанъ-ли я заявить объ этомъ въ отчетѣ?

Г. Пятковскій. Это будетъ не лишнимъ.

Г. Рашевскій. Это даже необходимо.

Г. Перетцъ. Я полагаю, что стенографическіе отчеты, которые печатаются, это есть отчеты, не болѣе и не менѣе, а не изложеніе мнѣній лицъ, принимавшихъ участіе въ преніяхъ, какъ выразился г. Пятковскій, придуманное въ кабинетѣ, это есть актъ, протоколъ, тутъ должно быть дословно все передано,—я говорю дословно не въ томъ смыслѣ, чтобы каждое слово должно быть внесено, но каждая мысль, высказанная лицомъ, принимавшимъ участіе въ преніяхъ, должна быть помѣщена въ отчетѣ.

Г. Рашевскій. Даже извиненіе.

Г. Перетцъ. Если членъ отказывается отъ своей мысли, то можно попросить редактора «Семьи и Школы» помѣстить въ видѣ выноски, что въ настоящее время онъ отказывается отъ этой мысли.

Г. Пятковскій. На эти поправки время теряется непроизводительно да и редакція ставится въ необходимость нѣсколько разъ печатать исправленныя корректуры, а, мнѣ кажется, нельзя отягощать редакцію лишними издержками.

Г. Миропольскій. По поводу этого заявленія я имѣю сдѣлать одно сообщеніе. Я ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ отрицать справедливость сдѣланнаго заявленія, напротивъ того, я вполнѣ признаю его раціональность, нетолько нравственную, но и юридическую. Я долженъ замѣтить, что самъ до нѣкоторой степени употреблялъ тотъ пріемъ, о которомъ упомянулъ почтенный сочленъ, именно у меня разъ проскользнуло не то слово, какое я хотѣлъ сказать но я оставилъ его, потому что мнѣ на него возражалъ г. Волковъ, и я только въ ремаркѣ позволилъ дополнить себѣ то, что хотѣлъ сказать. Но я лично нахожусь въ большомъ затрудненіи. Дѣло въ томъ, что моя рѣчь весьма быстрая, весьма трудно уловимая, о чемъ мнѣ лично уже заявляли, и быть можетъ, само Общество согласится, что это имѣетъ нѣкоторое основаніе, поэтому отчеты, поступающіе ко мнѣ на разсмотрѣніе, представляютъ нерѣдко почти искаженіе. Не далѣе, какъ надъ послѣдней рѣчью я провозился по крайней мѣрѣ полтора дня. Я согласенъ, что я ставлю себя въ неловкое положеніе относительно почтеннаго редактора, который сдѣлалъ нашему Обществу такое обязательное предложеніе; съ другой стороны, я нахожусь въ затруднительномъ положеніи представлять на судъ публики довольно безсвязные отчеты, тогда какъ меня едва-ли заподозрятъ въ безсвязности. Я далекъ отъ того, чтобы выгораживать себя, но я прошу только обратить вниманіе на то обстоятельство, что при бѣглой рѣчи, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ затронутаго интереса, когда она движется непосредственно, ее трудно удержать, притомъ это индивидуальность, которую трудно регулировать. Поэтому, вполнѣ признавая въ принципѣ нравственную и юридическую основательность сдѣланнаго заявленія, я бы желалъ, чтобы было позволено дѣлать нѣкоторыя исправленія въ стилистическомъ отношеніи въ томъ случаѣ, когда они не касаются возраженій противника.

Г. Пятковскій. Я въ своемъ заявленіи вовсе не касался тѣхъ вопросовъ, которыхъ вы коснулись.

Г. Рѣдкинъ. Основательность заявленія г. Пятковскаго не подвергается никакому сомнѣнію, и потому будемъ держаться этого правила.

Слѣдующее засѣданіе назначено на 20 ноября; г. Миропольскій прочтетъ разборъ книги барона Корфа «Нашъ Другъ» и затѣмъ будутъ пренія по рефератамъ г. Брянскаго и г-жи Москвитиновой.

3p